

Acta Moraviae

Odborný časopis pro ekonomii, management a informatiku

Evropského polytechnického institutu, s.r.o. Kunovice

1/2020

Acta Moraviae
Odborný časopis pro ekonomii, management a informatiku
Evropského polytechnického institutu, s.r.o. Kunovice

Vydavatel:

Evropský polytechnický institut, s.r.o.
Osvobození 699
686 04 Kunovice
Česká republika
Tel.: 00420 572 549 018
e-mail: epi@edukomplex.cz

Šéfredaktor: Prof. Mgr. Iveta Hashesh, PhD., MBA

Recenzenti: Doc. JUDr. Dušan Korgo, PhD.
JUDr. Radomíra Veselá, PhD.
Ing. Marie Kománková
Ing. Ivana Májíčková, MBA

Klasifikace podle JEL (<http://www.aeaweb.org/journal/jel class system.php>):

Ekonomika / Economy
Právo / Law
Management, Informatika / Management, Informatics
Správně / Correctly
Psychologie / Psychology
Filozofie / Philosophy
Politologie / Political science

Sekce článků:

V - vědecký
P - shrnující
J – článek jiného typu

Výkonný editor: Adela Matečná

Vydavatel: Evropský polytechnický institut, s.r.o., Kunovice

Registrační číslo: MK ČR E 18733

ISSN 1803-7607

Zastoupení na Ukrajině:

26, kancelář-907, ulice L.Ukrainka
Kyjev, Ukrajina, 01133
e-mail: k9907@i.ua
tel.: +38 067 9289123, +38 050 2977758
Valery Kuzněcov

Obsah: Content:

Ekonomika / Economy

Oleh Kramar

IMPACT OF CONSTRUCTION ENTERPRISES STAFF ON THE RESULTS OF THEIR ACTIVITIES 5

Владимир Сотниченко

АСПЕКТЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ В УКРАИНЕ

В КОНТЕКСТЕ ЗАДАЧ ЕВРОИНТЕГРАЦИОННОГО ПРОЦЕССА 11

Shchebel A.I.

ORGANIZATIONAL SUPPORT FOR THE RATIONAL IMPLEMENTATION

OF THE ENTERPRISE'S CAPABILITY 17

Diachenko Kateryna

APPROACHES TO ECONOMIC SECURITY ASSESSMENT ACTIVITIES OF CONSTRUCTION

ENTERPRISES..... 26

Právo / Law

Александр Джужа, Дмитрий Тычина, Егор Назымко

ВИКТИМИЗАЦИЯ СЕМЕЙНО-БЫТОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В УКРАИНЕ 35

Игорь Копотун, Нинель Карманова

СПОСОБЫ ПОЛУЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИИ

В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ 43

Martina Oravcová

ZA OBCHÁDZANIE S ODSÚDENÝMI VO VÝKONE TRESTU ODŇATIA SLOBODY V KONTEXTE

SOCIÁLNEJ PRÁCE 48

Ирина Бандурка

ОБЪЕКТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ: ПРИЗНАКИ И РАЗНОВИДНОСТИ 63

Олег Корецкий, Виктория Корецкая

ПРЕДМЕТ ИНФОРМАЦИОННО-СОДЕРЖАТЕЛЬНОГО ДОКАЗЫВАНИЯ 73

Pilypenko V.P.

WAR CRIMES IN THE SYSTEM OF INTERNATIONAL HUMANITARIAN AND INTERNATIONAL

CRIMINAL LAW 80

Виктор Литвиненко

ОЛИГАРХАТ КАК ЭЛЕМЕНТ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В УКРАИНЕ 90

Korecka-Szukiewicz Dominika

DIFFERENTIATION OF PART-TIME JOB AND COMBINATION OF DUTIES FROM OTHER TYPES

OF ACTIVITIES IN THE OFFENSE UNDER ARTICLE 172⁴ OF THE CODE OF UKRAINE ON

ADMINISTRATIVE OFFENSES (CUAO) 102

Myhal Roman Vasylyovych

VICTIMOLOGY: CONCEPTS AND ITS TYPES 109

Станислав Потопальский

НАПРАВЛЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ КАЧЕСТВА

ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УЧРЕЖДЕНИЯХ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ СИСТЕМЫ

МВД УКРАИНЫ 115

Сергей Кожушко

ДЕТЕРМИНАЦИОННЫЙ КОРПУС ПРЕСТУПНОСТИ В ОБОРОННО-ПРОМЫШЛЕННОМ

КОМПЛЕКСЕ УКРАИНЫ 121

Лариса Марьенко

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЦ, СОВЕРШАЮЩИХ УГРОЗУ
ИЛИ НАСИЛИЕ В ОТНОШЕНИИ СУДЕЙ 130

Сергей Шабельников

МЕТАСИСТЕМА КРИМИНОЛОГИЧЕСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА 139

Андрей Новиченко

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЭМИГРАЦИИ
И ИММИГРАЦИИ В УКРАИНЕ 148

Сергей Шульгин

ПИСЬМЕННЫЕ УКАЗАНИЯ ПРОКУРОРА КАК ОСОБАЯ ФОРМА
ЕГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО РЕШЕНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ 156

Олег Ягольник

РАЗБОЙНЫЕ НАПАДЕНИЯ НА ИНКАССАТОРОВ В УКРАИНЕ КАК ОБЪЕКТ
КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ 163

Александр Ярмоленко

О ПОНЯТИИ И ПРИНЦИПАХ ПРОИЗВОДСТВА
В ДЕЛАХ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ 169

Александр Вороной

СУЩНОСТЬ И ОСОБЕННОСТИ КОРРУПЦИИ И ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ
КАК ОБЪЕКТА ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ 175

Екатерина Слинко

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ И ПУБЛИЧНОСТИ ПРОЦЕССА 181

Psychologie / Psychology

Вадим Барко, Владимир Остапович, Любовь Процык

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПОВЫШЕНИЯ
ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОТБОРА ПОЛИЦЕЙСКИХ
НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИЦИИ УКРАИНЫ 188

Надежда Дудник, Александра Свйонтык

ВАЛЬДОРФСКАЯ ПЕДАГОГИКА В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ УКРАИНЫ 196

IMPACT OF CONSTRUCTION ENTERPRISES STAFF ON THE RESULTS OF THEIR ACTIVITIES

Oleh Kramar

The article substantiates the priority importance of human resources for enterprise development and its place in the construction process. The impact of indicators characterizing staff costs and its quantity and resulting performance of construction enterprises is calculated.

Key words: construction enterprises, staff, human resources potential, impact, development.

В статье обосновано приоритетное значение кадрового потенциала для развития предприятий и его место в строительном процессе. Для определения влияния персонала строительных предприятий на результаты их деятельности отобраны показатели, характеризующие затраты на персонал и его численность (расходы на оплату труда; отчисления на социальные мероприятия; количество занятых сотрудников и количество наемных работников) и результирующие показатели функционирования строительных предприятий (прибыль предприятий; объемы реализованной продукции; объемы производимой продукции; добавленная стоимость предприятий). Для этого использован метод многофакторного динамического регрессионного моделирования – динамическая балансовая кросс-секций регрессия. В процессе использования этого метода сформировалась масштабная генеральная выборка из 744 наблюдений по каждой зависимой переменной и все показатели подверглись логарифмированию. Полученные результаты регрессии подтвердили статистическую значимость, что показали коэффициент корреляции, скорректированный коэффициент детерминации, F-критерий Фишера, стандартная ошибка, p-уровень.

Большим влиянием на прибыль строительных предприятий среди исследуемых показателей в течение 2013-2018 гг. отличились расходы на оплату труда (1,23), при их увеличении на 1 тыс. грн., прибыль предприятий возрастет на 1,23 тыс. грн. Значительным влиянием на объемы реализованной продукции строительных предприятий также отмечают расходы на оплату труда (1,23), при их увеличении на 1 тыс. грн., объемы реализованной продукции предприятий вырастут на 1,14 тыс. грн. Средним воздействием характеризуется количество занятых работников на строительных предприятиях (0,57). Сильное обратное влияние на объемы реализованной продукции предприятий осуществляет количество наемных работников (-0,73). Крупнейшим прямым влиянием на объемы производимой продукции строительных предприятий отмечают расходы на оплату труда (1,31), обратным средним влиянием – отчисления на социальные мероприятия в строительных предприятиях (-0,59).

Результаты динамической балансовой кросс-секций регрессии подтверждают весомое влияние объемов оплаты труда персонала на эффективность функционирования строительных предприятий, что доказывает важность стимулирования работников строительных предприятий и необходимость учета этих особенностей в контексте формирования стратегических приоритетов их развития.

Ключевые слова: строительные предприятия, персонал, кадровый потенциал, влияние, развитие.

Introduction

It is well known that the personnel plays a primordial role and is a key factor in the development of companies of any type of economic activity. The involvement of appropriate professional staffing in the construction sector is considered key to ensure the construction process. The problems of training a highly efficient workforce potential in construction are particularly visible in the current conditions of labor migration in the context of European integration, which is largely completed by domestic builders. The questions of training and developing the resource potential of construction enterprises at different times have been studied by national and foreign scientists, among whom are S. Abramov, A. Asaul, N. Bakusheva, S. Bushuev, A. Goiko, O. Gritsenko, I. Dmytruk, V. Zarenkov, K. V. Torkatyuk, G. Stadnyk. Despite considerable scientific achievements in this field, there are still some unresolved problems which complicate the functioning of the construction industry and require a priority solution that actualizes the chosen research area.

Research results

Within the framework of this research field, we determine the impact of the indicators characterizing the personnel costs and manpower (labor costs) (x_1); expenditure to social needs (x_2); staff size (x_3) and the number of hired employees (x_4) on the resultant performance of construction enterprises (profit of enterprises (Y_1); volumes of sales (Y_2); volumes of production (Y_3); added value of enterprises (Y_4)). To that end, we use the multivariate dynamic regression modeling method, namely transverse dynamic equilibrium regression:

$$y = a_0 + a_1 x_1 + a_2 x_2 + \dots + a_n x_n, (I)$$

where $a_1, \dots, a_n$ are the model parameters; $x_1, \dots, x_n$ – indicators characterizing staff costs and its quantity.

In the process of using this method, a large-scale general sample of 744 observations for each dependent variable is formed (4 indicators over 6 years (2013-2018) in the context of 31 types of construction works. Thus, we use the software environment Statistica 10.0, for which we logarithmized all data before loading. A dataset part at 2018 is shown in the table 1.

Table 1

Indicators characterizing staff costs and its quantity and resulting performance construction enterprises in 2018*

Types of construction	Y_1	Y_2	Y_3	Y_4	x_1	x_2	x_3	x_4
Construction (total)	13510490	322096219	282740146	75443919	20122071	4704544	312251	285109
of buildings	7892498	174380541	155856735	43662602	10327754	2453195	162025	153402
management of buildings structure	2465583	20285001	24294507	9043190	776970	191915	12839	11567
residential and non-residential buildings	5426915	154095540	131562228	34619412	9550784	2261280	149186	141835
facilities	2617575	73557673	65632965	15111407	4103585	901982	47667	45899
roads and railways	1028906	47762543	42583381	7369259	2234929	484549	26383	25495
roads and highways	823285	42659654	37425773	6111689	1715591	365971	20905	20047
communications	1231267	18246845	16660403	5637119	1155229	258871	14222	13655
pipelines	149992	4181311	4278607	1236934	349938	86782	5697	5361

facilities of power supply and telecommunications	1081275	14065533	12381797	4400184	805291	172090	8525	8294
other facilities	357403	7548286	6389181	2105030	713426	158562	7062	6749
water facilities	44670	1267924	1058284	351990	98160	20322	1015	947
other facilities	312732	6280361	5330896	1753040	615266	138240	6047	5802
specialized construction work	3000417	74158005	61250445	16669909	5690732	1349367	102559	85808
demolition and preparatory work at the construction site	298704	5781015	5215448	2002845	433742	94039	5981	5080
demolition	16236	528313	516780	124499	28721	8913	986	703
preparatory work at the construction site	162794	3385952	3028311	934445	225164	50548	3669	3117
exploratory drilling	119675	1866750	1670357	943901	179857	34578	1326	1260
electric, water supply and other assembly construction work	2064319	48229591	38703596	10049533	3946593	933344	65712	57922
electrical works	1072161	21541803	16459834	4438174	1758155	409090	27474	24074
installation of water networks, heating and air conditioning	512253	14608934	11047803	3094270	1113899	274553	22566	19600
other construction assembly works	479905	12078853	11195959	2517089	1074538	249701	15672	14248
completing construction works	142818	6985338	6480543	1560925	293048	82389	12867	7273
plastering work	20177	1371102	1322038	324956	53081	15824	2973	1554
carpentry installation	14287	848403	710314	179682	41687	12643	2295	1177
flooring and wall cladding	36047	1358559	1148153	320556	48489	12886	1802	1082
painting and glazing	11294	758836	737914	149698	27614	7791	1251	671
other final construction works.	61013	2648439	2562124	586033	122178	33246	4546	2789
other specialized construction works	494576	13162061	10850859	3056607	1017349	239595	17999	15533
roofing	25043	1193232	1162596	195110	55219	14947	1800	1268
other specialized construction works.	469533	11968829	9688263	2861497	962131	224648	16199	14265

* Y_1 – profit of enterprises (thousand UAH); Y_2 – volume of sales (thousand UAH); Y_3 – volume of production (thousand UAH); Y_4 – added value of enterprises (thousand UAH); x_1 – the wage cost labor (thousand UAH); x_2 – expenditure to social needs (thousand UAH); x_3 – staff personnel (persons); x_4 – the number of hired workers (persons).

Source: Developed by the author according to [1]

The study results for Y1 are presented in the table 2.

Table 2

Impact of indicators characterizing personnel costs and its quantity on the profit volume of construction enterprises (Y_1)

Independent variables	Dependent variable: Profits of construction enterprises (thousand UAH) (Y_1)
	Correlation factor ($R=0,972$); Adjusted coefficient of determination ($R^2=0,944$); Fisher's criterion ($F(2,183)=1540,3$) when $p<0,0000$; Standard error: 0,4796
Free member (b)	-1,734
x_1 – the wage cost labor in construction enterprises (thousand UAH)	1,23
x_3 – number of employees in construction enterprises (persons)	-0,28

Source: Developed by the author

We got the regression results that confirm the statistical significance, validating the following indicators: Correlation factor (0,972); Adjusted coefficient of determination (0,944); Fisher's criterion ($F(2,183)=1540,3$); Standard error (0,4796); p- level (0,0000).

So, the equation has the form:

$$Y_1 = -1,734 + 1,23x_1 - 0,28x_3 \quad (2)$$

Significant impact on the profit of construction enterprises was done by the wage costs among the surveyed indicators during 2013-2018. (1,23), in other words, their increasing by 1 thousand UAH cause the enterprises profit increase by 1,23 thousand UAH. The number of employees make the reversing impact on profit:

(-0,28).

For the second dependent variable Y_2 , the results are displayed in the table 3.

Table 3

Impact of indicators characterizing staff costs and its quantity on the sales volume of construction enterprises (Y_2)

Independent variables	Dependent variable: Profits of construction enterprises (thousand UAH) (Y_2)
	Correlation factor ($R=0,978$); Adjusted coefficient of determination ($R^2=0,956$); Fisher's criterion ($F(3,182)=1325,8$) when $p<0,0000$; Standard error: 0,3732
Free member (b)	2,197
x_1 – the wage cost labor in construction enterprises (thousand UAH)	1,14

x_3 – number of employees in construction enterprises (persons)	0,57
x_4 – number of hired workers in construction enterprises (persons)	-0,73

Source: Developed by the author

The results are statistically significant, and the equation takes the form:

$$Y_2 = 2,197 + 1,14x_1 + 0,57x_3 - 0,73x_4 \quad (3)$$

Significant impact on the volume of sales of construction enterprises among the surveyed indicators during 2013-2018 also made the costs of labor (1.23), with their increase by 1 thousand UAH, the volume of sales of enterprises would increase by 1.14 thousand UAH. The number of hired workers at construction enterprises makes an average impact (0,57). The number of employees strongly influenced on the volume of sales of enterprises (-0,73).

The study results concerning the third dependent variable Y_3 are displayed in the table 4.

Table 4

Impact of indicators characterizing staff costs and its quantity on the production volume of construction enterprises (Y_3)

Independent variables	Dependent variable: Profits of construction enterprises (thousand UAH) (Y_3)
	Correlation factor ($R=0,977$); Adjusted coefficient of determination ($R^2=0,954$); Fisher's criterion ($F(3,182)=1262,3$) when $p<0,0000$; Standard error: 0,3838
Free member (b)	3,126
x_1 – the wage cost labor of construction enterprises (thousand UAH)	1,31
x_2 – expenditure to social needs of construction enterprises (thousand UAH)	-0,59
x_3 – number of employees in construction enterprises (persons)	0,26

Source: Developed by the author

It also takes a statistical significance and the equation has the form:

$$Y_3 = 3,182 + 1,31x_1 - 0,59x_2 + 0,26x_3 \quad (4)$$

The biggest direct impact is observed by the cost labor (1,31), the reversing average impact - by deduction for social needs in construction enterprises (-0,59).

The study results concerning the variable Y_4 are presented in the table 5.

Table 5

Impact of indicators characterizing personnel costs and its quantity on the added value of construction enterprises (Y_4)

Independent variables	Dependent variable: Profits of construction enterprises (thousand UAH) (Y_4)
	Correlation factor ($R=0,975$); Adjusted coefficient of determination ($R^2=0,951$); Fisher's criterion ($F(3,182)=1188,6$) when $p<0,0000$; Standard error: 0,4021
Free member (b)	0,762
x_1 – the wage cost labor in construction enterprises (thousand UAH)	1,16
x_3 – number of employees in construction enterprises (persons)	0,42
x_4 – number of hired workers in construction enterprises (persons)	-0,6

Source: Developed by the author

The results are statistically significant, so the equation has the form:

$$Y_4 = 0,762 + 1,16x_1 + 0,42x_3 - 0,6x_4$$

Thus, summarizing the results of the dynamic balance cross-sectional regression, we note the significant impact of staff remuneration on the efficient functioning of construction enterprises. This gives reason to assert the importance of stimulating workers of construction enterprises and to take these features into account in the context of forming strategic priorities for their development.

Reference list:

1. Official site of the Ukrainian State Statistics Service. URL: <http://www.ukrstat.gov.ua>.

Corresponding author

Oleh Kramar

Department of Enterprises Economics and Information Technology,

Lviv University of Business and Law,

Lviv, Ukraine

JEL Classification: L74

АСПЕКТЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ В УКРАИНЕ В КОНТЕКСТЕ ЗАДАЧ ЕВРОИНТЕГРАЦИОННОГО ПРОЦЕССА

Владимир Сотниченко

ASPECTS OF DIGITALIZATION IN UKRAINE IN THE CONTEXT OF THE OBJECTIVES OF THE EUROPEAN INTEGRATION PROCESS

Vladimir Sotnichenko

В статье рассматриваются вопросы цифровизации украинского общества через призму задач евроинтеграции. Приводятся данные о роли и значении телекоммуникационной отрасли Украины в контексте экономического развития государства. Раскрыты отдельные рекомендации ЕС относительно присоединения к европейской цифровой экономике. Освещены основные задачи украинского общества и государства в связи с принятием Верховной Радой Украины Закона «Об электронных доверительных услугах».

Ключевые слова: евроинтеграция, цифровая экономика, телекоммуникация, идентификация и аутентификация, цифровая подпись, электронные доверительные услуги

The article deals with the issues of digitalization of Ukrainian society through the prism of the objectives of European integration. Provides information about the role and importance of telecommunication industry in Ukraine in the context of economic development of the state. Revealed some of the recommendations of the EU concerning accession to the European digital economy. The basic tasks of the Ukrainian society and the state in connection with the adoption by the Verkhovna Rada of Ukraine Law "On electronic trust services"/

Key words: integration, digital economy, telecommunications, identification and authentication, digital signature, e-trust services

Введение

В течение последних лет актуализировался вопрос о необходимости реформирования телекоммуникационной отрасли. Особую остроту оно приобрело после подписания Украиной Соглашения о евроинтеграции.

Ключевой задачей реформы является максимальная адаптация отрасли к европейским стандартам. Особенность задачи обусловлена тем, что активной стороной евроинтеграционных процессов в плане выполнения требований ЕС выступает Украина. То есть, выходным постулатом здесь является утверждение о том, что именно Украине нужно подтянуться к общеевропейскому организационному и технологическому уровню предоставления электронных услуг.

Бесспорно, если страна в сфере международного сотрудничества берет на себя обязательства, она должна их выполнять или отказаться от их исполнения в соответствии с нормами международного права. Лучшим вариантом международного сотрудничества, в данном случае, в сфере телекоммуникаций было бы паритетное сотрудничество, а не послушное выполнение Украиной требований Евросоюза. Такой формат сотрудничества Украины с ЕС, по мнению автора, мог бы стать наиболее оптимальным и адекватным, если учесть ее потенциал и место на рынке инфокоммуникационных услуг. Но в плане решения этой задачи на пути евроинтеграции есть проявления неравномерного развития телекоммуникационной отрасли Украины по таким направлениям, как экспорт-импорт, совместная предпринимательская деятельность, прямые инвестиции.

Задачей статьи является актуализация отдельных задач, которые предстоит решить украинскому обществу и государству на пути к цифровой экономике. 5 октября 2017 года был принят Закон Украины «Об электронных доверительных услугах» и в ноябре 2018 года он вступил в силу. С момента принятия закона и до вступления его в силу, в этот небольшой промежуток времени, предполагался чрезвычайно динамичный и напряженный режим работы, чтобы успешно решить ключевой вопрос евроинтеграции: электронная идентификация и аутентификация, цифровая подпись и отметка, цифровая печать, преодоление бумажной волокиты – новая терминология обновленного общества. За этот год Украина должна была радикально измениться. Однако ожидания должным образом не оправдались в силу ряда обстоятельств политико-экономического и социального характера.

Результаты и обсуждения

Анализ проблем европейской и мировой интеграции Украины в общем и прикладном контексте делали много авторов как отечественных, так и зарубежных, среди которых такие, как Козаченко Г.В., Пономарев В. П., Гудзь О.Е., Ортинский В. Л., Сорокина И.В., Зубко Т.Л., Стецюк П. А., Виноградова О. В., Семкина Т. В., Онищенко В. П., Касич А.П. и многие другие.

В большинстве статей названных и других авторов по этой тематике упор делался на особенностях исходных позиций дальнейшего экономического развития Украины, которые были сформированы еще на фундаментальных основах советской плановой экономики [1, с. 3-18]. Отрицать трудно. Именно это обусловило формирование такого подхода к возрождению отечественной экономики, как воссоздание европейской модели [2, с. 38-58]. Задача сложная, но возможность для его успешного решения очевидна. По данным Госстата Украины и на основании ежегодных отчетов Национальной комиссии по вопросам регулирования связи и информатизации страна стабильно работает на международном рынке электронных услуг с положительным сальдо. При этом, основную часть экспортных услуг составляют услуги компьютерные, на втором месте – телекоммуникационные, на третьем – информационные услуги.

Компьютерные услуги охватывают сферу программно-аппаратного обеспечения и обработки данных. А если более подробно раскрыть содержание и характер этих услуг, то их список выглядит более чем солидно. А именно – это:

- общие программы повышения производительности деятельности, компьютерные игры и другие прикладные программы;

- услуги по обработке данных с использованием программного обеспечения клиента или собственного программного обеспечения разработчика, услуги управления и поиска, связанные с постоянной эксплуатацией компьютерной техники, принадлежащей третьей стороне;
- услуги, связанные с работой с базами данных;
- услуги технического консультирования и внедрения аппаратных и программных средств, в том числе управление деятельностью по оказанию компьютерных услуг, передана в субподряд;
- установка программного и аппаратного обеспечения, в том числе монтаж универсальных ЭВМ и центральных вычислительных блоков;
- услуги по восстановлению данных, консультирование и оказание помощи в вопросах, связанных с использованием компьютерных ресурсов;
- анализ, разработка и программирование готовых к использованию систем (включая разработку и проектирование веб-страниц) и технические консультирования по вопросам, связанным с программным обучением;
- техническое обслуживание и иное вспомогательное обеспечение систем, в частности обучение персонала в рамках технического консультирования;
- услуги по обработке данных и хостинга, такие как ввод данных, обработка данных в режиме коллективного использования компьютерного времени;
- услуги хостинга, веб-страниц (то есть предоставлению свободного пространства на серверах Интернета для размещения веб-страниц клиентов);
- предоставление прикладных пакетов, хостинг прикладных программ клиентов, управление работой компьютерных центров.

Телекоммуникационные услуги обеспечивают передачу звука, изображений, данных или другой информации с помощью телефона, телекса, телеграфа, радио и телевизионного кабельного и трансляционного вещания, спутниковой связи, электронной почты, факсимильной связи и т. п. в том числе обслуживание коммерческих сетей, проведения телеконференций и предоставления сопутствующих услуг. Сюда также относятся услуги мобильной телефонной связи, услуги магистральных сетей Интернета, в том числе обеспечение доступа к Интернету.

В отношении информационных услуг, то они направлены на обеспечение средств массовой информации сводкой новостей, фотоматериалами, тематическими статьями. К информационным услугам относятся также консультационные услуги по вопросам информатизации. Они связаны с разработками концепций баз данных; хранением и распространением данных на магнитных, оптических и печатных носителях. Это и порталы поиска веб-страниц, услуги по поиску адресов в Интернете для клиентов, которые сделали запрос по ключевому слову. Сюда также относятся и услуги подписки на газеты и журналы с использованием почты, электронных каналов передачи информации или других средств; прочие услуги по предоставлению электронного контента; услуги библиотек и архивов и тому подобное. То есть, всё это свидетельствует о том, что Украина имеет достаточно высокий уровень технико-технологического и интеллектуально-кадрового потенциала, чтобы успешно интегрироваться в европейское цифровое пространство.

Согласно данным, приведенным в Дорожной карте стратегического развития торговли 2017-2021, которая была разработана при технической поддержке Международного торгового центра (МТЦ) на основе процедур и методологии МТЦ в рамках программы «Стратегия развития торговли», на экспорт услуг приходится около 25% объема украинского экспорта [8]. При этом наблюдается

существенный рост объемов услуг, связанных с информационно-коммуникационными технологиями. При этом в документе отмечается, что при зафиксированном в последние годы уменьшении общей стоимости экспорта, объем экспорта современных услуг расширился преимущественно за счет стремительного развития сектора ИКТ; объем экспорта продукции этого сектора увеличился более чем втрое.

Приведенные выше показатели развития отечественного рынка информационно-телекоммуникационных услуг являются убедительным свидетельством того, что экспортный потенциал телекоммуникационной отрасли Украины является стабильным и может выступать реальной основой для дальнейшего развертывания международного сотрудничества со странами ЕС на рынке электронных услуг. Для этого еще необходимо усилить работу в направлении совместной предпринимательской деятельности и прямого инвестирования. Но на данном этапе пока еще основной формой организации работы в этом плане является согласование, консультации, обсуждения и не более. Что касается инвестирования, то оно проявляется лишь в форме «финансовой поддержки» и то со стороны Европейского Союза. Примером является проект CyberCrime@EAP III, направленный на усиление государственно-частного сотрудничества по вопросам киберпреступности в странах Восточного партнерства.

Как видно, для телекоммуникационной отрасли Украины нерешенными пока еще есть вопросы реального предпринимательского сотрудничества со странами ЕС и инвестирования в совместные проекты. Однако и этого еще недостаточно. Для того, чтобы такое сотрудничество было организовано и происходило в цивилизованный способ, необходима такая система прав и правил для взаимодействия участников рынка ИКТ, которая бы способствовала укреплению доверия к электронным сделкам.

В Регламенте ЕС № 910/2014 отдельно указано [9]: *«Building trust in the online environment is key to economic and social development. Lack of trust, in particular because of a perceived lack of legal certainty, makes consumers, businesses and public authorities hesitate to carry out transactions electronically and to adopt new services»*.

Реальным шагом в этом направлении и стало принятие Верховной Радой 5 октября 2017 года Закона Украины «Об электронных доверительных услугах». Этот Закон направлен на интеграцию Украины в европейское и мировое электронное информационное пространство. Для граждан Украины с принятием Закона открываются новые возможности: подача через Интернет налоговых деклараций, поступление в иностранный университет, открытие собственного бизнеса и регистрация предприятия, дистанционное открытие счета в банке, приобретение товаров через сеть электронной коммерции в любой стране ЕС. Однако, на практике эти возможности реализуются неоправданно медленно. Объяснимо, но неоправданно.

Для предприятий также открываются новые возможности: проведение цифровых транзакций по всему ЕС, открытие бизнеса в любом государстве ЕС, заключение сделок, участие в тендерах (в т.ч. и в международных), проверка подлинности платежей, получения административных услуг и тому подобное. Особенно это удобно для малого и среднего бизнеса, активная коммуникация которого легко может проходить через смартфон. Упрощается бумажный документооборот и необходимость дополнительной сертификации в ЕС.

Вводится принципиально новый инструментарий организации бизнеса, решения вопросов взаимодействия граждан с органами государственной власти и неправительственными организациями. Это электронная идентификация (BankID, MobilID), электронная подпись, электронная печать, отметка времени, электронная почтовая доставка рекомендованного продукта, фейк-контроль электронных ресурсов.

Чрезвычайно важным является вопрос идентификации и аутентификации субъектов-участников рынка электронных услуг. Это вопрос еще не в полной мере решен на внутреннем рынке ЕС и

представляет определенную опасность для его игроков-граждан Евросоюза [9]. А с вступлением в силу Закона Украины «Об электронных доверительных услугах» в зону повышенного риска попадут как отдельные граждане Украины, так и государственные структуры, предприятия и, особенно, предприятия телекоммуникационной отрасли, поскольку именно они являются объектом повышенных требований в плане обеспечения успешного вхождения Украины в зону европейского цифрового рынка.

Важным моментом в принятом Законе является то, что пользователи электронных доверительных услуг имеют право выбирать, кто будет предоставлять им такие услуги. Критерием выбора, в первую очередь, является не только качество самой услуги, но и надежность в хранении персональных данных пользователя, невозможность доступа посторонних лиц к его ключу. Те, кто предоставляет такие услуги, обязаны обеспечить защиту персональных данных пользователей.

Другим, не менее важным моментом, является уровень гарантии надежности доступа к услуге в режиме онлайн. Уровень гарантии должен характеризовать степень доверия к электронным средствам идентификации при установлении личности пользователя. За каждой услугой стоит материально-ценностный ресурс пользователя. И задача поставщика услуги в том, чтобы обеспечить такой уровень обслуживания, чтобы избежать мошенничества. Следовательно, чем выше уровень гарантии, тем больше доверия к рынку электронных услуг и тем выше его производительность и рентабельность.

Заключение

Принятие Верховной Радой Украины Закона «Об электронных доверительных услугах» являются радикальным поворотным моментом в развитии Украины как европейского государства на просторах цифровой экономики. Это является настоящим радикальным шагом на пути прогресса. Но надо понимать, что спектр и объем задач, которые предстоит решить в этом направлении, потребуют чрезвычайного напряжения и концентрации политического, экономического и научного потенциала общества. Среди главных задач – это подробная имплементация практически всей законодательной базы. Закон «Об электронных доверительных услугах» в той или иной мере касается практически всех сфер жизнедеятельности человека, общества и государства. Соответствующей правки и корректировки требует большая часть законодательной базы.

Второе, не менее важная задача – это вопрос технико-технологического характера: согласование и адаптация технологий, программно-аппаратного обеспечения, систем управления базами данных и другие, связанные с этим, задачи процедурного характера.

Этот адаптационный период несет в себе угрозу для экономической безопасности, в первую очередь, телекоммуникационных предприятий. Практикой уже доказано, что наиболее опасным в этом плане у них есть период модернизации, замены оборудования, обновления технологий.

Ученые-исследователи всех направлений профессиональных интересов имеют возможность реализовать себя максимально полно. Будут формироваться принципиально новые модели экономического, правового, организационного, культурного, социального и политического взаимодействия: от отдельного взятого человека - через общественные организации - до государственных образований, а это – создание новой парадигмы развития человека, общества и государства на основе цифровизации всех сфер их жизнедеятельности.

Литература

1. ОНИЩЕНКО В. П. *Социальные предпосылки экономического развития Украины.* / Онищенко В. П. // Экономика Украины. Всеукраинский научный журнал. 2017. - №9. – С. 3-18
2. КАСИЧ А.О. *Модернизационные процессы в Украине в контексте мирового опыта.* / Касич А.О. // Экономика Украины. Всеукраинский научный журнал. 2017. - №9. – С. 38-58
3. *ЭКСПОРТНАЯ СТРАТЕГИЯ УКРАИНЫ.* Дорожная карта стратегического развития торговли 2017-2021 гг. разработан при технической поддержке Международного торгового центра на основе процедур и методологии МТЦ в рамках программы «Стратегия развития торговли». Координатор проекта «EXPORT PROMOTION OFFICE». – 2017. – Женева. – 135 с.
4. *REGULATION (EU) NO 910/2014 OF THE EUROPEAN PARLIAMENT AND OF THE COUNCIL.* 23 July 2014.
5. SCHWAB, K. *The Fourth Industrial Revolution: What It Means, How to Respond.* 2016. // URL: <https://www.weforum.org/agenda/2016/01/the-fourth-industrialrevolution-what-itmeans-and-how-to-respond>
6. *SCIENCE & ENGINEERING INDICATORS 2018.* / Chapter 6]. Industry, Technology, and the Global Marketplace // National Science Foundation / URL: <https://www.nsf.gov/statistics/>

Corresponding author

Сотниченко Владимир Николаевич,
кандидат педагогических наук,
профессор кафедры менеджмента
Государственного университета телекоммуникаций
г. Киев Украина
E-mail: sotnym@ukr.net

ORGANIZATIONAL SUPPORT FOR THE RATIONAL IMPLEMENTATION OF THE ENTERPRISE'S CAPABILITY

Shchebel A.I.

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ПОДДЕРЖКА ДЛЯ РАЦИОНАЛЬНОЙ РЕАЛИЗАЦИИ ВОЗМОЖНОСТЕЙ ПРЕДПРИЯТИЯ

А.Щебель

Помимо традиционных компонентов организационной поддержки (формирование организационной структуры управления, создание правил и процедур в организации, распределение функций и обязанностей между сотрудниками), в статье рассматривается механизм развития творческих инициатив в управлении возможностями компании. Доказано, что этот компонент причинно связан с другими компонентами организационного обеспечения рационального использования возможностей предприятия. Доказано, что его использование обусловлено активацией интеграционных процессов, повышенным уровнем компьютеризации бизнеса и усилением конкуренции. Построенная модель организационной поддержки требует учета общих факторов для всех ее компонентов. А именно, при принятии локальных решений в центре ответственности, связанных с конкретным компонентом системы. Организационное развитие предприятия тесно связано с фазой жизненного цикла предприятия. Каждый компонент системы наборов организационной поддержки для рациональной реализации возможностей предприятия активен на протяжении всего жизненного цикла работающего предприятия. Но наступление последней фазы развития является признаком отсутствия или слабости корпоративного механизма для разработки творческих инициатив в управлении возможностями предприятия. Обосновано, что параметры модели организационной поддержки для рациональной реализации возможностей компании требуют количественной параметризации, в частности, для принятия разумных решений по потенциальному управлению на этапах жизненного цикла предприятия. Доказано, что дальнейшие исследования целесообразно проводить в направлении разработки системы мониторинга и регулирования управленческих решений для реализации возможностей предприятия.

Ключевые слова: возможности, организационная поддержка, предприятие, управление, рациональность.

Besides traditional components of organizational support (the formation of the organizational structure of management, the creation of rules and procedures in the organization, the distribution of functions and duties among staff), the article deals with the mechanism of the creative initiatives development in managing the company's capability. It is proved that this component is causally related to other components of organizational maintenance of rational implementation of enterprise's capability. It was proved that its use is caused by the activation of integration processes, the raised level of business computerization and increased competition. The constructed model of organizational support requires that common factors to all its components be

taken into account. Namely, when making local decisions in the responsibility centers related to a particular component of the system. The organizational development of the enterprise is tightly related to the phase of the life cycle of the enterprise. Each component of the sets system of organizational support for the rational implementation of the enterprise's capability is active throughout the life cycle of the running enterprise. But the onset of the final phase of development is a sign of the lack or weakness of the enterprise-based mechanism for developing creative initiatives in managing the enterprise's capability. It was substantiated that the parameters of the organizational support model for the rational implementation of the company's capability require quantitative parameterization, in particular, to make reasonable solutions on potential management during the life cycle phases of enterprise. It is proved that further researches are advisable to carry out towards the development of monitoring system and regulation of management solutions for implementation of the enterprise capability.

Keywords: *capability, organizational support, enterprise, management, rationality.*

Problem Statement. Achieving rational implementation of the enterprise capacity requires organizational, information and communication, personnel, logistics and other types of support. Organizational support, as a rule, covers several vectors, namely: formation of the management organizational structure, the code of rules and procedures in the organization, the distribution of functions and duties among personnel. Despite the fact that in the context of these vectors, a lot of research has been carried out, it should be recognized that only a few of them concern the organizational support of the company's capability. Moreover, scientists do not take into account the fact that in terms of intensification of integrational processes, increasing level of computerization of enterprises and increased competition, the concept of «organizational support» goes beyond the traditional vectors. Therefore, the problem consists in a fragmentary nature of the existing theoretical and methodological arrangements on modeling organizational support for rational implementation of the company's capability.

Review of current researches and publications. Studies covering the problems of organizational development have a wide range of subjects which they concern. Yet, they can be divided into those relating exclusively to the theoretical aspects of organizational development [1], [2], and those that have a purely applied focus. Nowadays, most studies belong to the second group. Thus, the authors who study organizational development consider it in the system of assessing the creditworthiness of enterprises [3], as a stage of technology of financial and analytical support of managerial activity [4], a legitimizing component in the use of unmanned aerial vehicles [5], tools for managing by innovative and active entrepreneurship [6], tool for overcoming destructive phenomena in staff management of companies based on empirical [7] and expert [8] evaluation and data study [9], [10].

Purposes of article. The purpose of the article is to make a model of organizational support for the rational implementation of the enterprise capability. To achieve this goal, the following tasks must be performed:

- to identify components and elements of the model;
- to establish interconnections among components and elements of the model;
- to determine the terms for the effective model operation.

Presentation of the main research paper. Organizational support for the rationalization of the enterprise capability has several components, namely:

The organizational structure of enterprise capability management (U^S);

• rules and procedures in the enterprise capability management (U^P);

• a distributing functions and responsibilities system among managers involved in the company's capability governing (U^F);

- mechanism for the development of creative initiatives in the management of enterprise capability ($\cup M$).

Together, these components form a sets system of organizational support for the rational implementation of the enterprise capability ($\cup Z$), which in a formalized form could be displayed as:

$$\left. \begin{aligned} \cup Z &= \cup S \cup \cup P \cup \cup F \cup \cup M; \\ s &\in \cup S \Leftrightarrow \exists Z \in S, s \in Z; \\ p &\in \cup P \Leftrightarrow \exists Z \in P, p \in Z; \\ f &\in \cup F \Leftrightarrow \exists Z \in F, f \in Z; \\ m &\in \cup M \Leftrightarrow \exists Z \in M, m \in Z, \end{aligned} \right\} (1)$$

s – a subset of the set of elements $\cup S$; p – a subset of the set of elements $\cup P$;

f – a subset of the set of elements $\cup F$; m – a subset of the set of elements $\cup M$.

The subset s contains permanent structural units (s^1), working groups and commissions in the enterprise capability management system (s^2), as well as working groups and commissions that are formed temporarily to implement some managerial initiatives or solve detected problems (s^3), i.e. $(s^1; s^2; s^3) \subset s$. It should be noted that one of the features of the developed organizational structure in the enterprise capability management is its hierarchy, which is manifested in the emergence of managerial levels – higher ($\cup S_v$), middle ($\cup S_s$) and lower ($\cup S_n$), as well as subordination among managers at different levels of management. (Fig. 1)

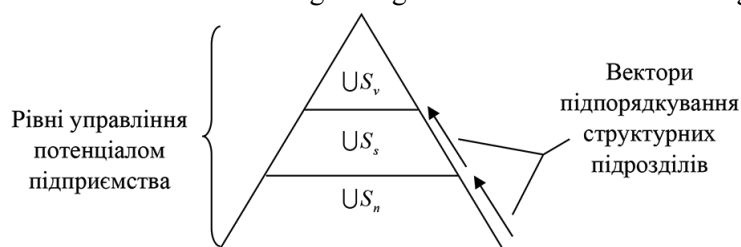

Fig. 1. Hierarchy in the organizational structure of enterprise capability management.

Note: made by the dissertation author.

The hierarchy features of the organizational structure of enterprise capability management in a formalized form could be displayed as:

$$\left. \begin{aligned} \cup S_v &\supset \cup S_s \supset \cup S_n; \\ s_{1,1} \dots s_{1,n} &\subset \cup S_v; \\ s_{2,1} \dots s_{2,n} &\subset \cup S_s; \\ s_{3,1} \dots s_{3,n} &\subset \cup S_n, \end{aligned} \right\} (2)$$

$s_{1,1} \dots s_{1,n}$ – are structural elements of the organizational structure of enterprise capability management at the highest level of governing; $s_{2,1} \dots s_{2,n}$ – are structural elements of the organizational structure of enterprise capability management at the middle level of governing; $s_{3,1} \dots s_{3,n}$ – are structural elements of the organizational structure of enterprise capability management at the lower level of governing.

The subset also includes several elements – $(p_1; p_2; p_3) \subset p$, where p_1 – is a system of regulations on structural units, which are responsible for managing the business capability; p_2 – is a system of job descriptions in terms of structural units, which are responsible for managing the business capability; p_3 – are instructions related to the implementation of certain general corporate activities in the managing the business capability system.

Subset f includes the following components, as database on the functions distribution among the organizational units of the company to manage the company's capability (f_1), and also database on the functions and duties distribution among managers, involved in the governing process of the business capability, in particular $(f_1, f_2) \subset f$.

The constituent elements of the subset m are a structural unit, working group or commission, which function is to guide the process of developing creative ideas in the field of enterprise capability management (m_1), rules and procedures for managing the process of developing creative ideas in the field of enterprise potential management (m_2), as well as a system of goals in the guiding system by the process of developing creative ideas (m_3), which is implemented by distributing the functions and powers among managers of the unit m_1 . Thereby, $(m_1, m_2, m_3) \subset m$.

Based on the structure of the subset m , we can see that in the system of organizational support for rationalization of the enterprise capability there is an intersection of some components, namely:

$$\left. \begin{aligned} \cup M \cap \cup P &= \{m_1 \mid m_1 \in \cup M \wedge m_1 \in \cup P\}; \\ \cup M \cap \cup S &= \{m_2 \mid m_2 \in \cup M \wedge m_2 \in \cup S\}; \\ \cup M \cap \cup F &= \{m_3 \mid m_3 \in \cup M \wedge m_3 \in \cup F\}. \end{aligned} \right\} \quad (3)$$

Thus, $\because (\cup S \cup \cup P \cup \cup F) \cap \cup M \quad \therefore \square \cap$. Fig. 2 displays the graphic model of organizational support for rational implementation of enterprise capability.

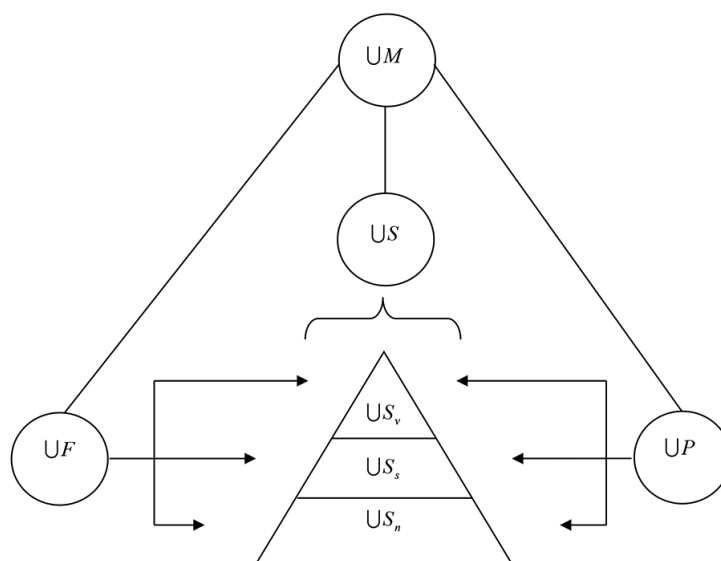

Fig. 2. Model of organizational support for rational implementation of enterprise capability.

Note: made by the article author.

The shown model indicates that the organizational support system for the rational implementation of the company's capability is influenced by factors common to several components. It must be taken into account when making local solutions at particular hierarchical governing levels, namely, in the centers of responsibility relating to a particular component of the system. For example, presume the deputy director for creative development set a certain unrealistic goal. It could inevitably be reflected in the goals of the head of the creative development department (middle management) and the tasks of the creators (leaders of working groups at the grassroots level). Due to the unrealistic task, irrational actions can be taken to stimulate creative groups to work more productively, to involve creators on outsourcing terms, and so on. To avoid the negative

effects because of the intersection of sets in the system, organizational support for the rational implementation of the enterprise capability it is important:

- to do permanent monitoring of internal and external environments in which the potential of the enterprise is formed;
- to ensure transparency in identifying and solving problems of achieving rationality in the management of enterprise capability;
- to avoid subjectivity in the choice of optimal solutions to achieve rationality in the management of enterprise capability through the practice of collegial decision-making and the use of automated information technology for processing managerial information. Here, in particular, these are modern systems supporting decision-making which are characterized by: assistance to the manager during decision-making and assistance in all task contexts; support and strengthen the leader's reasoning and evaluation; increase the efficiency of decision-making; implementation of the integration of models and analytical methods having standard access to the data and sampling from it; easy to use for people with computer experience; use of the principle of interactive problem solving; focus on flexibility and adaptability to adapt to changes in the environment or modifying approaches to solve problems chosen by the user, etc. [11], [12].

The organizational development of the enterprise is mainly related to the phase of the life cycle of the enterprise (Fig. 3).

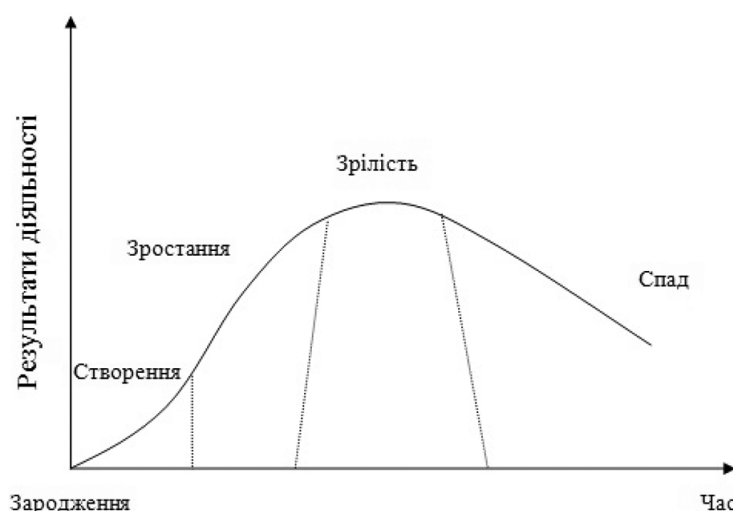

Fig. 3. The life cycle of the enterprise.

Source: [13]

Each component of the sets system of organizational support for the rational implementation of the enterprise's capability is active throughout the life cycle of the running enterprise, but the onset of the final phase of development is a sign of the lack or weakness of the enterprise-based mechanism for developing creative initiatives in managing the enterprise's capability (UM). According to Zinkevych D. the creative activity is: «...activity with elements of the new, improvement, enrichment, development, and development as a process as a result of which there is a change in the quality of something, the transition from one qualitative state to another, higher one [14], then by the development of a creative management system should understand the systematization of existing and the creation of new scientific and technological information that could solve production and business problems, reduce their severity or indicate a way to eliminate the consequences of identified problems...» [15]. The author is persuaded that: «...improving existing creative management systems is most effective if they are not implemented as a one-off act, but within a particular strategy, it implies compliance with a number of successive stages of implementation, the observance of which by managers of creative management systems ... to promote their rationality, consistency and effectiveness...» [16].

In terms of effective functioning of the mechanism of developing creative initiatives in management of the enterprise capability the phase of growth and maturity, under the influence of a market conjuncture and the level of increased competition, should periodically change each other. It means that the rational implementation for the enterprise capability should be reproduced or have a positive growth. Let's consider it on an example of the labor productivity, as the indicator characterizing rational implementation of the enterprise capability:

$$\left. \begin{aligned} \cup W_b &= O_b \cup T; \\ \cup W_z &= O_z \cup T; \\ \cup W_b \cap \cup W_z &= \{T \mid T \in \cup W_b \wedge T \in \cup W_z\}; \\ \cup W_z / \cup W_b &\square \Delta, \Delta \geq 0, \end{aligned} \right\} \quad (4)$$

where O_b, O_z – are production volumes in the base and reporting periods, pcs.; T – is a duration of periods, year; $\cup W_b, \cup W_z$ – are sets of indicators characterizing productivity in the base and reporting periods; Δ – a growth of labor productivity during the reporting period compared to the base period, pcs. / year.

Fig. 4 displays the dependence among factor and performance indicators characterizing the rational implementation of the enterprise capability.

As shown at the fig. 4, when the terms (4) are not met and Δ acquires a negative growth (Fig. 4, a), then the managers of the enterprise, mainly those governing the enterprise capability, should reduce the amount of administrative costs (Fig. 4, b), to intensify creative and innovative activity (Fig. 4, v) and to increase the dispenses on implementing creative activities and innovations (Fig. 4, g).

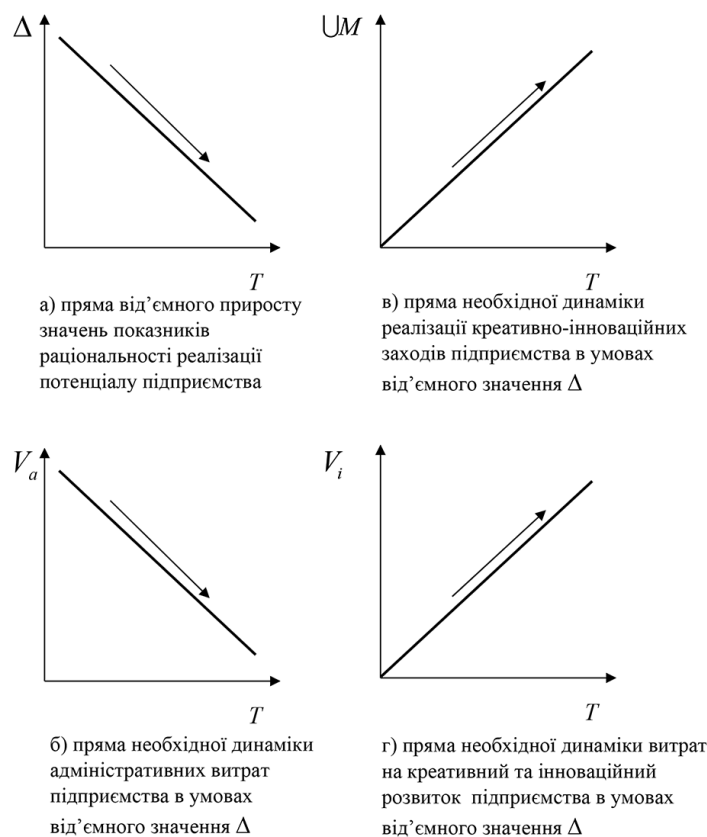

Fig. 4. Dependencies among factor and effective indicators characterizing rationality of the implementation of the enterprise's capability

Note: made by the article author.

Thus, D – is the resulting parameter, and T i V_i – are the factors on which depends D . Here is an economic-mathematical model reflecting the interconnections among these parameters, where the values of the function are defined from 0 to ∞ , and the resulting parameter must vary depending on the nature of interconnection among the studied parameters

$$\Delta = f(T, V_i) \Rightarrow \Delta = \alpha T^\beta V_i^\theta, \quad (5)$$

where α , β , θ – are the power regression coefficients.

By converting the equation $\Delta = \alpha T^\beta V_i^\theta$ into a linear-logarithmic form using the least squares method and applying the potentiation operation (depriving the mathematical expression of logarithms in order to simplify it), we can calculate the power regression coefficients:

$$\left. \begin{aligned} \ln(Y) &= a_0 + a_1 \ln(T) + a_2 \ln(V_i); \\ \ln(Y) &= a_0 + \beta \ln(T) + \theta \ln(V_i) \Rightarrow \\ \ln(Y) &= \ln(\alpha) + \ln(T^\beta) + \ln(V_i^\theta) \Rightarrow \\ \ln(Y) &= \ln[\alpha T^\beta V_i^\theta] \Rightarrow Y = \alpha T^\beta V_i^\theta, \end{aligned} \right\} \quad (6)$$

where a_0 , a_1 , a_2 – are the linear regression coefficients.

Thus, applying the method of least squares and after some mathematical transformations, we get the power dependence required to study the dynamic growth of values for rational implementation by the enterprise, and to study the impact of time and costs for creative and innovative development on this dynamics.

Let's consider the above economic and mathematical model for the perspective dynamics of the studied factor and performance indicators. During the consideration, we take into account possible data errors (since the values obtained by applying the model (5) can be both larger and smaller compared to actual values; the errors can be less than zero, which is leading to inadequate weighing based on linear coefficients. The solution to this problem is possible by squaring negative values), and the impact on D , and its variance. As a result, we obtain the following equation:

$$\sigma_t = x_0 + x_1 |y_{t-1}| + x_2 |y_{t-2}| + \dots + x_z |y_{t-z}| = x_0 + \sum_{i=1}^z x_i |y_{t-i}|, \quad (7)$$

where σ_t – is the variance of the resulting parameter calculated over a period of time t ; $x_0, x_1, \dots, x_z$ – are coefficients of the linear regression; $y_{t-1}, \dots, y_{t-z}$ – are series of errors with time shift from 1 to z periods; z – is the maximum number of periods for which a shift is possible.

Conclusions and further research prospects.

The obtained model allows the subjects of enterprise capability management to establish how the errors values affect on the deviation D from the average value. From this, we can draw the following conclusions:

- 1) the effect of errors on the variance means that the higher is the level of uncertainty for the studied stochastic quantity, the bigger fluctuations are, the stronger is the effect of reflexivity;
- 2) in the absence or low influence of errors on dispersion, reflexivity does not affect the dynamics D ;

3) the values of the regression coefficients for model (7) give an idea of the period during which the uncertainty increases on the variance of the random variable, which makes it possible to display to what point «stretched» in time is the influence of managers solutions involved in governing the company's capability. Further research is needed to develop a system for monitoring and regulating managerial solutions to realize the company's capability.

References.:

1. Legeza, N. V. (2019), "Theoretical aspects of the organizational support of development enterprise", *Efektivna ekonomika*, [Online], vol. 1, available at: <http://www.economy.nayka.com.ua/?op=1&z=6855> (Accessed 16 Apr 2020). DOI: [10.32702/2307-2105-2019.1.151](https://doi.org/10.32702/2307-2105-2019.1.151)
2. Chernyavska, I. (2019). Organizational Support for Industrial Restructuring at Metallurgical Enterprises. *Modern Economics*, 13(2019), 259-265. DOI: [https://doi.org/10.31521/modecon.V13\(2019\)-40](https://doi.org/10.31521/modecon.V13(2019)-40).
3. Vygovska N., & Vygovskyy V. (2017). Development of organizational support for the research of the creditworthiness of the borrower-legal entity. «*Bulletin of Zhytomyr State Technological Un-ty*»: *Economics, management and administration*, 1(79), 142-150. doi:[http://dx.doi.org/10.26642/jen-2017-1\(79\)-142-150](http://dx.doi.org/10.26642/jen-2017-1(79)-142-150)
4. Yatsenko V., Yatsenko O., Yatsenko M., & Tkachuk I. (2017). Information and organizational support for the construction and research of financial statements, the importance of its analytical indicators in the management of business activities. *Collection of scientific papers of Cherkasy State Technological University. Series: Economic sciences*, 1(21). doi:<http://dx.doi.org/10.24025/2306-4420.1.21.2008.88301>
5. Striltsiv O., 2019. Directions of legal regulation and organizational support of the use of unmanned aerial vehicles in Ukraine nowadays. *Legal Journal of the National Academy of Internal Affairs*. 18, 2 (Sept. 2019), 116-124. DOI:<https://doi.org/10.33270/04191802.116>.
6. Zaychenko, K. (2019), "Methods and models of formation the organizational structure of innovation-active small enterprise: essence and practical value", *Ekonomika ta derzhava*, vol. 2, pp. 135–140. DOI: [10.32702/2306-6806.2019.2.135](https://doi.org/10.32702/2306-6806.2019.2.135)
7. Bohle, Sergio Andrés López, Chambel, Maria José, Medina, Felipe Muñoz, & Cunha, Bruno Silva Da. (2018). The role of perceived organizational support in job insecurity and performance. *Revista de Administração de Empresas*, 58(4), 393-404. <https://doi.org/10.1590/s0034-759020180405>
8. Kurtessis, JN, Eisenberger, R., Ford, MT, Buffardi, LC, Stewart, KA, & Adis, CS (2017). Perceived organizational support: metaanalytical assessment of the theory of organizational support. *Journal of Management*, 43 (6), 1854–1884. <https://doi.org/10.1177/0149206315575554>
9. Chen, T., Hao, S., Ding, K., Feng, X., Li, G. and Liang, X. (2020), «The impact of organizational support on employee performance», *Employee Relations*, Vol. 42 No. 1, pp. 166-179. <https://doi.org/10.1108/ER-01-2019-0079>
10. Gaëtane Caesens, Florence Stinglhamber, Stéphanie Demoulin & Matthias De Wilde (2017) perceived the organizational support and well-being of employees: the intermediary role of organizational dehumanization, *European Journal of Work and Organizational Psychology*, 26: 4, 527-540, DOI: [10.1080 / 1359432X.2017.1319817](https://doi.org/10.1080/1359432X.2017.1319817)
11. Solution support system, <https://msn.khnu.km.ua>
12. On organizational development in simple language https://www.ua.undp.org/content/ukraine/uk/home/library/democratic_governance/demystifying-organisational-development.html

13. Knowledge Management: Evolution and Revolution as organisation grow/ Milner, Bentsion Zakharovich. — M.: INFRA -M, 2003. — XIV, p.177.
14. Zinkevych D. The essence of creative management and its place in the management system of a machine-building enterprise / Zinkevych D. // Scientific Bulletin of Ukrainian National Forestry University. Issue 19.2. – Lviv. – 2009. – p. 182-187.
15. Zinkevych D. Solutions ensuring the creative management development of the enterprise as an element of information and communication system / Kuzmin O., Knyaz S., Georgiadi N., Zinkevych D. // Scientific Bulletin of Dnipropetrovsk National University. Issue 259. Vol. VII. *Economics: problems of theory and practice*. – Dnipropetrovsk. – 2010. – p.1853-1861.
16. Innovative programs of machine-building enterprises: creative solutions and models of their transfer support: [Monograph] / Kuzmin O., Knyaz S., Gnylianska L., Zinkevych D. // Lviv: «Spolom» publishing house, 2010. – p.345.

Corresponding author

Shchebel A.I.

*Lecturer at the Department of Enterprise Economics
and Information Technology,
Lviv University of Business and Law
<https://orcid.org/0000-0002-7074-5783>*

А.Щебель,

*преподаватель кафедры экономики предприятия
и информационных технологий Львовского университета бизнеса и права
<https://orcid.org/0000-0002-7074-5783>*

APPROACHES TO ECONOMIC SECURITY ASSESSMENT ACTIVITIES OF CONSTRUCTION ENTERPRISES

Diachenko Kateryna

ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТРОИТЕЛЬНЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ

Дьяченко Катерина

The article presents systematized approaches of domestic and foreign authors to the assessment of economic security of construction enterprises, identifies their advantages and disadvantages. The obtained results make it possible to deepen and expand the theoretical and methodological basis for assessing the economic security of construction enterprises. Also, the results of research contribute to improving the efficiency of the management system of construction enterprises, taking into account their industry specifics.

Keywords: economic security of the enterprise, assessment of economic security of the enterprise, assessment methods, construction industry.

В статье систематизированы и проанализированы имеющиеся подходы к оценке экономической безопасности, а также представлена их адаптация с учетом отраслевой специфики к особенностям функционирования строительных предприятий, как стратегически важных объектов экономики страны, что позволит создать надежную и эффективную систему их экономической безопасности.

Во время проведения исследования обобщены научные труды отечественных и зарубежных ученых по разработке теоретических и методических основ оценки уровня экономической безопасности предприятий; предложена структура системы экономической безопасности в отраслево-секторальном аспекте; рассмотрены существующие подходы и методики отечественных и зарубежных ученых к оценке уровня экономической безопасности предприятия; выделено и проанализировано методические подходы к определению уровня экономической безопасности с учетом отраслевой специфики и особенностей хозяйственной деятельности предприятий строительной отрасли; обнаружено насущную необходимость в разработке оптимального подхода к оценке уровня экономической безопасности строительных предприятий, который бы учитывал: запас финансовой прочности предприятия; оптимальную структуру капитала; условие, при котором сумма денег по всем заключенным контрактам не должна превышать стоимость собственного капитала; учета изменения показателя производительности труда в отрасли (по отдельному виду деятельности); изменение рентабельности предприятия и индекс инфляции (цен на строительные материалы) и др.

Проведенный в статье анализ имеющихся методических подходов и методик к оценке уровня экономической безопасности предприятий в целом, и строительных частности, дает основания подчеркнуть потребность в их совершенствовании и переносе акцента на особенности отраслевой специфики в частности, что в будущем позволит прогнозировать и эффективно управлять как предприятием, так и отраслью в целом; предупредить наступления кризисных явлений и эффективно распределять финансовые ресурсы.

Ключевые слова: экономическая безопасность предприятия, оценка экономической безопасности предприятия, методы оценки, строительная отрасль.

Introduction

Recently, most research in Ukraine and around the world are devoted to the definition and features of economic security. First of all, this is due to the deterioration of sustainable and stable development and functioning of enterprises, lack of favorable conditions for conducting and maintaining efficient business, caused by economic instability, contradictions in the legal framework and crisis of the monetary system and foreign exchange market.

To date, the essential and substantive characteristics of economic security of construction enterprises are practically unexplored; approaches to the assessment of economic security and the possibility of increasing it in the process of financial and economic activities are not defined; scientific provisions on the system of financial security of construction enterprises in modern economic conditions have not been developed. All this determines the need and relevance of the study, and insufficient development of theoretical and practical provisions determines the feasibility of the study.

Literature review

A significant contribution to the development of theoretical and methodological foundations for assessing the economic security of enterprises belongs to such domestic and foreign scientists as T. Vasiltsiv [1] – considered the strategy and mechanisms for strengthening the economic security of entrepreneurship in Ukraine; L. Gnylytska [2] investigated the basics of a balanced system of economic indicators for assessing the state and level of economic security of economic entities; S. Ilyashenko [3] – the components of economic security of the enterprise and approaches to their evaluation are determined; E. Kamyshnikova [4] – proposed methods for forming a quantitative assessment of the level of economic security. In the works of Yu. Vorobyov, S. Ilyashenko, O. Korobchinsky, A. Kushniruk, O. Molodid, I. Piryatinska, O. Fedosova, M. Chorna [5-12] focused on the industry specifics of enterprises in determining the level of their economic security.

However, despite the significant amount of research, further study and development require methodological approaches to assessing the economic security of enterprises, taking into account the industry affiliation of construction enterprises, because most experts in either economic security of the state, or a particular industry, or individually companies offer their own method of assessing economic security.

Given the devastating impact of the economic crisis, which leads to the activities of construction enterprises to reduce the volume of construction work performed; outflow of financing from the state budget and attraction of investment funds; Deterioration of their financial condition and, as a consequence, the threat of bankruptcy, there is an urgent need not only to adapt existing methodological approaches to assessing the level of economic security of construction enterprises, but also to develop such methods for construction enterprises in particular.

The purpose of the study is to systematize and substantiate approaches to assessing the economic security of enterprises on the example of construction enterprises.

Results

To date, a large number of methodological approaches have been developed to determine the quantitative level of economic security of enterprises. Let's make a brief analysis of some of them, presenting conditionally in the form of the following groups:

Indicator (threshold) approach. This approach allows you to assess the economic security of the enterprise on the basis of indicators for which critical values are determined. Proponents of this approach are M. Bermant, I. Russman, I. Klopov, G. Kozachenko, V. Shlemko, B. Koretsky [14-16]. The advantages of this category of methods of assessing the economic security of the enterprise include the ability to use separate indicators for each component of economic security, which allows to identify the most vulnerable components of the enterprise, as well as the ability to assess the economic security of the enterprise as a whole.

The biggest disadvantage of this category methods is the difficulty of correctly assessing the critical values of indicators, both individual and general, which does not always lead to a correct understanding of the situation in the enterprise. In addition, most of them statically assess the economic security of the enterprise at some point. Also, the methods assigned to this group should not be used for forecasting.

Resource-functional approach in their scientific works considered: S. Pokropivny [17], D. Kovaleva, I. Pletnikova, S. Ilyashenko [3] and others. This approach involves assessing the economic security of the enterprise from the standpoint of resource efficiency. As an advantage of this group of methods it should be noted the possibility of a comprehensive study of the economic security of the enterprise on the basis of its functional components [9]. The disadvantage is the complexity associated with the need for in-depth and detailed study of the processes that shape the level of economic security of the enterprise. A kind of resource-functional method is a method that involves consideration of the enterprise in the form of a continuous long process of reproduction [10, 11]. The advantage of this method is its versatility, which provides the possibility of its application in the rating of the level of economic security at all levels of government [12].

The program-target (complex) approach is reflected in the works of Z. Varnaliy, I. Klopov [14], S. Pokropivny [17], G. Kleiner, V. Tambovtsev, R. Kachalov and others. The calculation of economic security of the enterprise when using program-target methods is carried out by integrating its defined indicators. The advantage of this approach is, as a rule, a high degree of reliability of the results of the level of economic security of the enterprise from the standpoint of financial activity, the disadvantage is the difficulty of choosing the right indicators and methods of integration. In addition, such an analysis requires a high level of qualification of staff and managers.

Approach to assessing the economic security of the enterprise from the standpoint of the state of the financial component. This group of methods is based mainly on the methods of financial analysis. Thus, a number of authors emphasize the level of profitability of the enterprise as the main indicator of efficiency [6, 7]. At the same time, researchers focus on the normative values of financial and economic indicators. The undoubted disadvantage of this group of methods is the limited coverage of a wide range of possible threats to the economic security of the enterprise and the reduction of such a global issue to assess its financial condition.

The approach based on the theory of economic risks, like the previous group, is also an extremely simplified approach to assessing the economic security of enterprises. In the scientific literature, this approach is represented by models of E. Altman; R. Taffler, G. Tishaw, J. Conan, M. Golder and others. The use of these models allows you to calculate and predict the probability of bankruptcy, to determine the impact of external and internal factors. The advantage of this group should be noted the simplicity of calculations and the availability of data for analysis. The main disadvantage of these methods is the fact that the assessment of economic security of enterprises is considered only from the standpoint of current solvency and does not take into account either long-term solvency or efficiency of its activities [2]. These models should be considered as auxiliary tools for diagnosis and analysis of enterprises because they are all adapted mainly to the activities of foreign enterprises.

An approach based on systems analysis. The system approach is a system of economic security of the enterprise as a set of interconnected elements that have their own goals, resources. The system approach involves a quantitative assessment of the relationships between system elements and objects of the external environment. Its disadvantages include the complexity of describing the actual specification of the system, identifying all its elements and the relationships between them. The essence of the application of a systems approach in terms of economic security of enterprises consists of the need to consider the interaction of its functional components in the form of a dynamic system [13].

Application of the method of expert assessments. This approach to assessing the economic security of the enterprise is based on the opinions of qualified experts. Its undoubted advantage is the ability to predict economic security for future periods. Disadvantages include the difficulty of selecting qualified experts and identifying priority solutions.

Other approaches. This group includes methods that are not included in any of the above groups, such as fuzzy set theory [5], neural networks and others. All of them are mainly applicable for forecasting economic security in the future. For the most part, they involve complex calculations and require large amounts of statistics.

Consider the advantages and disadvantages of existing approaches of domestic and foreign scientists to assess the economic security of enterprises (Table 1).

Table 1

Approaches to assessing the economic security of enterprises

Approaches	Authors	Essence	Advantages	Disadvantages
Indicator (threshold)	G. Kozachenko [15] V. Shlenko [16]	It is estimated on the basis of comparison of values of indicators – stimulators and destimulators. Allows you to select the normal security zone, the critical level zone and the pre-crisis zone.	Graphical interpretation of evaluation results and division of indicators into groups of stimulants and destimulators.	Unreasonableness of the choice of the initial system of indicators and ranges of normative values. If they are incorrectly defined, the level of economic security will also be determined incorrectly, which is dangerous for the enterprise.
	M. Berman, I. Russman	Production, economic, financial and social indicators are recorded as calculated indicators.	It is relatively easy to calculate the indicators having the reporting of the enterprise and the dynamics of indicators to determine the trend in the future.	It is not fixed how to determine the loss of potential of the enterprise. The limits of deviations of indicators from thresholds are vaguely formulated, because for different indicators the same deviation may have different values.
	B. Koretsky [7]	There are six blocks: capacity quality indicators; production indicators; indicators of the state of the market and the position of the business entity on it; indicators of the financial condition of the enterprise; social indicators; environmental indicators.	Simplicity of the calculation formula and, accordingly, availability in determining the indicator.	Impossibility to use the proposed method for the selection of indicators in cases where a certain reference (threshold) value is selected as an industry average.

Resource-functional	S. Pokropivny [17]	It is based on the functional components of economic security of the enterprise, which are determined on the basis of the ratio of the possible amount of damage to the enterprise and the amount of costs for the implementation of measures related to its prevention.	The method is logical and scientifically sound. It makes it possible to accurately assess the level of economic security at a particular time, using a significant number of indicators.	Sectoral features are not taken into account; functional components are not distributed according to levels of significance. Calculation of a significant number of indicators. For small enterprises with low production, estimating this number of indicators is impractical.
	D. Kovaleva, I. Pletnikov [18]	There are: coefficients of significance of each indicator; local functions of dependence of the level of economic security on the relevant indicators of enterprise activity; initial indicators that characterize economic security the enterprise.	Dependence is based on local functions of dependence of the level of economic security on the relevant indicators of enterprises and coefficients that reflect the importance of each indicator.	Uncertainty regarding the formation of the system of indicators; unclear how to determine the coefficients of significance; unreasonable choice of the form of local functions.
	S. Ilyashenko [3]	Based on the synthesis of such functional components as: financial, market, interface, intellectual. The impact of each of the factors on the market security of the enterprise should be assessed by experts using confidence factors on a scale from -1 to +1.	Detailed and comprehensive method. Indicators are used on the basis of which it is advisable to calculate the level of economic security of the enterprise; taking into account indicators of stimulants and destimulators; comprehensive consideration of the functional components of economic security.	To improve this methodological approach, it would be appropriate to include indicators of business activity, liquidity and profitability of the enterprise when assessing the financial component.
Program-target (complex)	A. Tkachenko O. Reznikov	Determining the level of economic security of the enterprise is based on sectors: production, sales, finance and labor relations.	The actual values of the indicators included in these sectors are compared with the normative values and on this basis the level of economic security of the enterprise is determined.	The unreasonableness of the choice of such sectors, because most economic phenomena can be identified by such sectors, it is not clear how the authors identified the category of economic security of the enterprise.
Based on the theory of economic risks	Models: Altman; Taftler; Tishaw; Conan; Golder, etc.	Allow to calculate and predict the probability of bankruptcy, the impact of external and internal factors.	When identifying the prerequisites for reducing the integrated indicator of the financial component of economic security of the enterprise, the primary task is to analyze the probability of bankruptcy of the investigated enterprise by several alternative methods.	Models for assessing the probability of bankruptcy of the enterprise are adapted mainly to the activities of foreign enterprises. When assessing the probability of bankruptcy, it is necessary to take into account industry specifics. Therefore, it is proposed to move from integrated indicators, calculated according to a certain model, to a special coefficient of the possibility of bankruptcy.
Economic and mathematical modeling S. Chapter [3] Method of modified weighted		The generalized formula for calculating the economic security of the enterprise is quite simple.	The list of components that are included in the calculation formula of one or another of the indicators is given.	Problems arise when calculating individual indicators, because thorough research should be conducted to determine the functions that determine the dependence on indicators.

A wide variety of available approaches to assessing the level of economic security of enterprises, presented in table. 1, gives grounds to claim that each of them has its advantages and disadvantages. However, in practice, from our point of view, it is effective to apply several approaches at once, which will allow to obtain more accurate results, compare them and avoid a number of shortcomings and errors.

The analysis of the methodological support for assessing the level of economic security of enterprises showed a large number of available achievements of domestic and foreign scientists on the formation of a set of models, approaches, methods and directly the methodology of its assessment. However, the presented methods are characterized by the following disadvantages: do not take into account both internal and external threats to the enterprise; insufficiently fully cover the procedures for selecting the most important safety indicators; issues of formation of standardized comprehensive assessment of the level of economic security, diagnosis of threats; do not predict the probability of threats and the level of viability of the enterprise; concern the assessment of the level of security is divided at different levels of the management hierarchy and do not take into account the industry specifics of enterprises, which, in turn, does not allow to objectively assess the margin of financial strength, which is extremely important for successful financial performance in modern conditions.

Methodical approaches to determining the level of economic security, taking into account the specifics of the industry and the peculiarities of economic activity of enterprises in the construction industry were developed by such scientists as O.Korobchinsky, O. Molodid, I. Piryatynska, O. Fedosova, N. Storozhuk, M. Turko [6, 8-10] (Fig. 1).

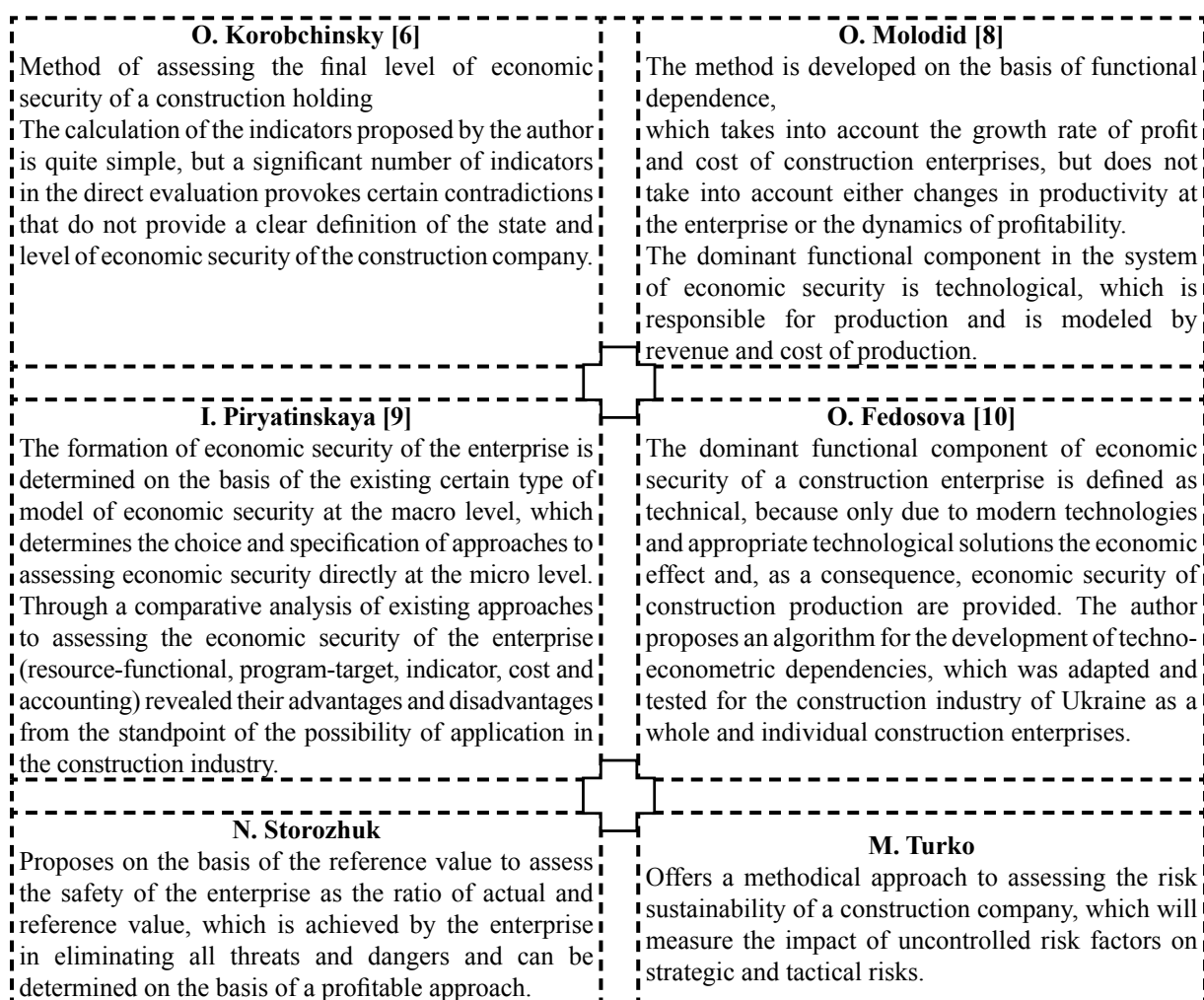

Fig. 1.5. Approaches to assessing the economic security of construction enterprises (Summarized by the author)

However, analyzing each of the individual approaches of the mentioned authors, we can observe significant differences both in the selection of the most significant safety indicators and its limit values. We agree with the expediency of diagnosing the level of economic security of the enterprise at the macro and micro level [10], which will take into account the negative impact of external and internal environments, and we consider it appropriate to allocate in the economic security system as a dominant financial component for enterprises of the construction industry.

Methodological approaches for assessing economic security should characterize its existing level, take into account and reflect the likelihood of adverse effects and threats to the internal and external environment of the enterprise. A high level of economic security is achieved only if the whole set of indicators is within the maximum allowable values. In turn, the methodology for assessing the level of economic security of enterprises should include a list of criteria and indicators (with specific numerical thresholds), as well as a combination of research methods such as monitoring of socio-economic indicators, expert assessments, multidimensional statistical analysis.

All the methodological approaches analyzed above are based on the results of static determination of the level of economic security only at a certain point in time without the dynamics of their development. In practice, the external and internal environments of the enterprise are constantly changing – it is changeable, so all these methods are almost impractical and incorrect to use in methods of assessing economic security to further predict the level of economic security in the future.

Conclusions

The above allows us to draw several conclusions:

- the vast majority of scientists today are engaged in studying the economic security of enterprises, but the study of industry specifics, in particular the activities of enterprises in the construction industry and taking it into account in determining the optimal level of economic security, requires increased attention;
- developed approaches to assessing the level of economic security of enterprises in the construction industry do not fully meet the requirements for assessing the state of the enterprise;
- there is a need to develop a methodological approach to assessing the level of economic security, which would take into account: the margin of financial strength of the enterprise; optimal capital structure (funds raised for construction works should not exceed the margin of financial strength); the amount of money under all concluded contracts, which should not exceed the value of equity. It would also be appropriate to take into account changes in labor productivity in the industry (for a particular activity); change in the profitability of the enterprise and the inflation index (prices for construction materials), etc.;
- it is also advisable to determine the limits of economic security of construction enterprises by the share of financial resources.

Thus, the analysis of existing methodological approaches to assessing the level of economic security of enterprises in general, and construction in particular, gives grounds to emphasize their improvement and shift the emphasis to the specifics of industry in particular, which in the future will predict and effectively manage both enterprise and industry in general; prevent the onset of crises and allocate financial resources efficiently.

References

1. Vasylytsiv T.H. Ekonomichna bezpeka pidpriemnytstva Ukrainy: stratehiia ta mekhanizmy zmitsnennia: Monohrafiia. //T.H. Vasylytsiv //– Lviv: Aral, 2008. – 384 s.
2. Hnylytska L. V. Vykorystannia kontseptualnykh osnov zbalansovanoi systemy ekonomichnykh pokaznykiv dlia otsinky stanu ta rivnia ekonomichnoi bezpeky sub'ektiv hospodarskoi diialnosti // L.V. Hnylytska // Finansy, oblik i audyt – 2011 – № 18. – S. 263-271.
3. Iliashenko S.M. Skladovi ekonomichnoi bezpeky pidpriemstva i pidkhody do yikh otsinky // S.M. Iliashenko // Aktualni problemy ekonomiky. – 2003. – № 3. – S. 12-19.
4. Kamushnykova O. V. Metodu formyrovannia kompleksnoi otsenky urovnia ekonomicheskoi bezopasnosti predpriatya // O. V. Kamushnykova // Aktualni problemy ekonomiky. - 2009. – № 12 (102). – S. 87-92.
5. Vorobiov Iu.M. Finansova bezpeka budivelnykh pidpriemstv : monohrafiia / Iu. M. Vorobiov, O. I. Vorobiova, O.H. Blazhevych – Simferopol : VD «ARIAL», 2013. – 180 s.
6. Korobchynskyi O. L. Orhanizatsiia ta funktsionuvannia systemy ekonomichnoi bezpeky pidpriemstv budivelnoho kholdynhu [Tekst] : avtoref. dys. ... kand. ekonom. nauk : 08.00.04 / O.L. Korobchynskyi; [Vyshchy navchalnyi zaklad «Universytet ekonomiky ta prava «KROK»] – K., 2010. – 19 s.
7. Vyznachennia stanu ekonomichnoi bezpeky budivelnoho pidpriemstva / Intehratsiini protsesy rozvytku ekonomiky: Materialy KhKhV mizhnarodnoi naukovo-praktychnoi konferentsii, (Lviv, 10-11 travnia 2013 roku) / Hromadska orhanizatsiia «Lvivska ekonomichna fundatsiia». U 2-kh chastynakh; A. O.Kushniruk A – Lviv: LIeF, 2013. ch. 2 – 140 s. Stor. 61-65.
8. Molodid O. O., Systemnyi pidkhid pry ekonomiko-matematychnomu modeliuvanni ekonomichnoi bezpeky budivelnoho pidpriemstva <http://www.economy.nayka.com.ua/?op=1&z=1373> – Nazva z ekrana: Efektyvna ekonomika.
9. Piriatska, I. V. Systematyzatsiia pidkhodiv do otsinky ekonomichnoi bezpeky budivelnykh pidpriemstv.komunalne hospodarstvo mist / I. V. Piriatska//. Komunalne hospodarstvo mist Naukovo-tekhnichnyi zbirnyk №106. – S. 266-271.
10. Fedosova, O. V. Ekonomichna bezpeka yak zaporuka ekonomichnoi efektyvnosti budivelnoho pidpriemstva / O. V. Fedosova, O. O. Molodid. – S .75-84.
11. Fedosova O.V. Vyznachennia rivnia ekonomichnoi bezpeky budivelnoho pidpriemstva na osnovi ekonometrychnykh modelei. / O.V. Fedosova, O.O. Molodid, S.A. Terenchuk // Upravlinni rozvytkom skladnykh system. Zbirnyk naukovykh prats. – 2011. – № 5. – S. 117-119.
12. Chorna M. V. Kontseptualna model ekonomichnoi bezpeky budivelnoho pidpriemstva [Elektronnyi resurs] / M. V. Chorna, I. V. Piriatska //– 2012. – № 10 – Rezhym dostupu do zhurn.: <http://www.economy.nayka.com.ua/?op=1&z=1477> – Nazva z ekranu : Efektyvna ekonomika.
13. Otenko I. P. (2012) Ekonomichna bezpeka pidpriemstva : navchal'nii posibnik / ukl. I. P. Otenko, G. A. Ivashchenko, D. K. Voronkov. – H. : Vid. HNEU, 256 s.
14. Klopov I.O. Upravlinnia ekonomichnoiu bezpekoiu promislovogo pidpriemstva. Rezhim dostupu: [www/ URL: http://www.nbu.gov.ua/portal/Natural/Vznu/eco/2011__1](http://www.nbu.gov.ua/portal/Natural/Vznu/eco/2011__1).

15. Kozachenko G. V. (2003) Ekonomichna bezpeka pidpriemstva: sutnist' ta mehanizm zabezpechennia : [monografiia] / Kozachenko G. V., Ponomar'ov V. P., Liashenko O. M. – K. : Libra, 280 s.
16. Shlemko V. T. (1997) Ekonomichna bezpeka Ukraïni: sutnist' i napriamki zabezpechennia : [monografiia] / V. T. Shlemko, I. F. Bin'ko / Rada natsional'noi bezpeki i oboroni Ukraïni; Natsional'nii in-t strategichnih doslidzhen'. – K. : NISD, 143 s.
17. Pokropivnii S. F. (2001) Ekonomika pidpriemstva: Pidruchnik/ Za zag. red. S.F. Pokropivnogo. – K: KNEU, 526 s.
18. D. Koval'ov ta I. Pletnikova (2000) Kil'kisna otsinka rivnia ekonomichnoi bezpeki pidpriemstva / D. Koval'ov, I. Pletnikova // Ekonomika Ukraïni, № 4, 35-40.
19. Osberg, L. New estimates of the index of economic well-being for selected OECD countries [Текст] / L. Osberg, A. Sharpe. [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://www.insee.fr/en/insee-statistique-publique/colloques/acn/pdf10/sharpe.pdf>.
20. Beeferman, L. W. The asset index: Assessing the progress of states in promoting economic security and opportunity [Текст] / L. W. Beeferman // The Heller School for Social Policy and Management. – 2002, mimeo.
21. Bossert, W. Measuring Economic Insecurity Working Papers [Текст] / W. Bossert, C. D'Ambrosio // Society for the Study of Economic Inequality. – 2009, 111 c.
22. Dominitz, J. Perception of economic insecurity: evidence from the survey of expectations [Текст] / J. Dominitz, C. F. Manski. // The Public Opinion Quarterly. – 1997. – Т. 61 (2). – С. 261-287.
23. Masson, P. R. International evidence on the determinants of private saving [Текст] / P. R. Masson, T. Bayoumi, H. Samiei // The World Bank Economic Review. – 1998. – Т. 12(3). – С. 483-501.
24. Scheve, K. Economic insecurity and the globalization of production. [Текст] / K. Scheve, M. Slaughter // American Journal of Political Science. – 2004. – Т. 48(4). – С. 662-674.

Corresponding author

Diachenko Kateryna,

*senior lecturer at the Department of Economics and Accounting
Kharkiv Institute of Trade and Economics of Kyiv National University of Trade and Economics*

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-0164-6156>

JEL M21, L74

Дьяченко Катерина,

старший преподаватель кафедры экономики и бухгалтерского учета Харьковский торгово-экономический институт Киевского национального торгово-экономического университета

ВИКТИМИЗАЦИЯ СЕМЕЙНО-БЫТОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В УКРАИНЕ

Александр Джужа
Дмитрий Тычина
Егор Назымко

VICTIMIZATION OF FAMILY RELATIONS IN UKRAINE

Aleksandr Dzhuzha
Dmytryi Tychyna
Ehor Nazymko

В статье дана криминологическая характеристика семейно-бытовым отношениям и сделан вывод о том, что эта сфера общественных отношений находится в кризисном состоянии. Путем анализа количественно-качественных показателей установлено, что домашнее насилие в Украине характеризуется особенностями, существенно отличающимися от общей преступности, что доказывает необходимость разработки специальных мер предупредительного воздействия на этот вид преступности.

Акцентируется внимание на том, что задачей виктимологического предотвращения домашнего насилия является создание системы эффективной социальной защиты всех граждан от возможной виктимизации, изменение сложившейся практики обращения с потерпевшими и другими жертвами преступлений. Для этого необходимо разработать или усовершенствовать действующее законодательство, создать новые государственные и негосударственные структурные подразделения, социальные службы, фонды помощи жертвам, реабилитационные центры и другие организации по защите жертв преступлений, организации подготовки специалистов для такой работы.

В каждой конкретной ситуации приоритет одного из виктимологических факторов определяет симбиоз личностных и поведенческих признаков, характеризующих жертву от домашнего насилия. В то же время их выделение и оценка имеют не только важное значение для квалификации содеянного и определения меры наказания виновного, но и для принятия мер общего и индивидуального предупреждения, чтобы в конечном итоге снизить рост уровня домашнего насилия в Украине.

Предложены общие и специальные меры предупреждения виктимизации семейно-бытовых отношений в каждом конкретном случае на основе типовой модели индивидуального криминологического прогнозирования путем прогностической модели, учитывающей широкий спектр личностных качеств и свойств личности. На их основании определены конкретные криминологические меры индивидуального предупреждения.

Ключевые слова: жертва, виктимизация, домашнее насилие, семья, виктимное поведение, меры предупреждения, полиция.

The article gives a criminological description of family-household relations and concludes that this sphere of social relations is in a crisis state. By analyzing quantitative and qualitative indicators, it

was found that domestic violence in Ukraine is characterized by features that significantly differ from general crime, which proves the need to develop special preventive measures for this type of crime.

Attention is focused on the fact that the task of victimological prevention of domestic violence is to create a system of effective social protection of all citizens from possible victimization, to change the existing practice of dealing with victims and other victims of crimes. To do this, it is necessary to develop or improve existing legislation, create new state and non-state structural units, social services, victim assistance funds, rehabilitation centers and other organizations for the protection of crime victims, and organize training for such work.

In each specific situation, the priority of one of the victimological factors determines the symbiosis of personal and behavioral characteristics that characterize the victim of domestic violence. At the same time, their selection and assessment are not only important for qualifying the offense and determining the measure of punishment for the perpetrator, but also for taking general and individual warnings, in order to ultimately reduce the increase in domestic violence in Ukraine.

General and special measures are proposed to prevent the victimization of family-domestic relations in each particular case on the basis of a typical model of individual criminological forecasting by means of a prognostic model that takes into account a wide range of personality and personality traits. Based on them, specific criminological measures of individual warning are determined.

Key words: *victim, victimization, domestic violence, family, victim behavior, preventive measures, police.*

Ускорение процессов европейской интеграции Украины требует внедрения в правоохранительную практику не только современных форм и методов противодействия преступности, но и признанных мировым сообществом стандартов защиты прав и свобод человека. Реальные демократические преобразования являются неотъемлемой частью гуманизации социальных отношений, ведь человек, его жизнь и здоровье, честь и достоинство, неприкосновенность и безопасность признаются наивысшей социальной ценностью.

На развитие украинского общества начала XXI в. влияют несколько групп факторов. В частности последствия демонтажа социалистической модели развития страны (рост социальной незащищенности, потеря ценностных ориентиров, резкое снижение уровня жизни, увеличение маргинальной массы за счет безработных, бездомных и других категорий населения, которые находятся за чертой бедности); сложная социально-политическая ситуация (военные действия в восточных областях, улучшение технической оснащенности преступников, рост уровня нетерпимости, девальвация нравственно-правовых ценностей); влияние тенденций глобализирующегося мира (аномизация общества на уровне глубинных параметров существования и воспроизводства социума, усиление миграционных процессов и позиций транснациональной организованной преступности), что в комплексе создают почву для возникновения новых типов криминальных угроз для населения и, соответственно, способствуют его интенсивной виктимизации.

В общем, проблема домашнего насилия в Украине всегда была и остается одной из самых злободневных. Политические и социально-экономические процессы, происходящие в обществе, в частности, вооруженный конфликт на востоке страны, безработица, увеличение жизненных конфликтных ситуаций, проявления агрессии в семье болезненно поражают семьи и приводят к росту совершения обидчиками домашнего насилия. Поэтому, признавая семью ячейкой общества, необходимо отметить, что без поддержки государства и его институтов, к сожалению, проблему

домашнего насилия решить почти невозможно. И связано это с тем, что семья не всегда способна выполнять свою главную функцию – обеспечение надлежащего благосостояния и воспитания детей. История свидетельствует о том, что основными видами домашнего насилия являются экономическое, психологическое, сексуальное и физическое насилие.

Жертва преступления (потерпевший) является существенным элементом в процессах совершения преступления. В 1941 г. немецкий криминолог Ганс фон Гентиг отметил существование связи между преступником и жертвой (например, взаимодействие между мошенником и обманутым). Он выделил часть преступности как «... процесс, в котором антиобщественные элементы пожирают друг друга». Таким образом, две сферы (преступность и жертва) становятся самостоятельными и связаны друг с другом, то есть потерпевший и преступник противопоставляются в зависимости от обстоятельств, возникающих в субъективно-объективных отношениях [1, с. 41].

Как показывает изучение научной литературы, большинство ученых-лингвистов разделяет мнение о том, что этимология слова «жертва» происходит от латинского «victima», первоначально имела культовое, ритуальное значение [2, с. 74-75]. Так, в словаре Ф. Брокгауза понятие «жертва» объясняется следующим образом: «Жертва – благодарное подношения Богу от плодов земных или из царства животных [3, с. 22]. В Большом толковом словаре современного украинского языка этот термин понимается как «... тот, кто пострадал от несчастного случая или агрессии; тот, над кем издеваются, проявляют насилие; тот, кто переживает, терпит различные неприятности от кого, чего-нибудь» [4, с. 274]. Д. В. Ривман приводит две позиции в понимании понятия «жертва» в виктимологическом смысле. Первая – это человек (общность людей), которому прямо или косвенно причинен вред преступлением. Вторая – это физическое лицо, человек, которому непосредственно причинен физический, моральный и материальный ущерб [5, с. 39]. В свою очередь, В. И. Полубинская отмечает, что понятие «жертва» означает человека, пострадавшего от: а) неправомерных действий других лиц; б) собственного поведения; в) совпадения негативных обстоятельств; г) несчастного случая. Жертвой в узком смысле следует считать человека, которому причинен физический, моральный или имущественный вред в результате действий других лиц и поведения, событий или несчастных случаев [6, с. 11]. В. Е. Христенко, положив в основу принцип дихотомии и математического обоснования термина «жертва», удачно отмечает, что «жертва – это человек (сторона взаимодействия), которая потеряла стоимостные для него ценности в результате воздействия на него другого человека (стороны взаимодействия)» [7, с. 50]. В. А. Туляков, на основе анализа научных, статусных, поведенческих, нормативно-правовых основ и характеристик определения потерпевших от преступлений, утверждает, что жертвой преступления признается любое физическое лицо (социальная общность), которому преступлением причинен физический, материальный или моральный ущерб [8, с. 13].

Исходя из вышеизложенного, под жертвой преступления предлагается понимать лицо (физическое или юридическое), которому вследствие общественно опасных деяний преступника нанесен физический, имущественный, моральный вред (для физического лица) или нанесен ущерб ее деловой репутации (юридическое лицо), либо существенно нарушены его основные права в результате действия или бездействия и которое признано в процессуальном порядке.

Изучая личность любого человека (в том числе личности преступника и потерпевшего) как субъекта того или иного вида социальной деятельности, следует иметь в виду, что между лицом и его поведением существует неразрывная связь.

15 мая в мире отмечается Международный день семьи, целью которого является акцентуализация внимания общества на важности семьи и проблемах, которые часто возникают в семьях [9]. Праздник отмечается ежегодно с 1994 года. Празднование Дня семьи были утверждены резолюцией о Международном годе семьи Генеральной ассамблеи ООН от 20 сентября 1993 года. Ежегодно публикуются послания Генерального секретаря ООН по текущей теме дня семьи. ООН рассматривает семью как основу общества, поэтому, если не уважать права одной семьи,

под угрозой окажется все общество. Основная цель – углубление понимания вопросов семьи, объединение возможностей разных стран для решения всех серьезных вопросов, связанных с семьей. Семья как основной элемент общества была и остается хранительницей человеческих ценностей, культуры и исторической преемственности поколений, фактором стабильности и развития. Благодаря семье крепнет и развивается государство, растет благосостояние народа [9].

Во все времена по отношению государства, а также положению семьи в обществе судили о развитии страны. Это потому, что счастливый союз семьи и государства – необходимый залог процветания и благосостояния его граждан. Из семьи начинается жизнь человека, здесь происходит формирование его как гражданина. Она является источником любви, уважения, солидарности и привязанности, тем, на чем строится любое цивилизованное общество, без чего не может существовать человек [9].

Следует отметить, что виктимологическая характеристика преступлений, совершаемых в семейно-бытовой сфере, как комплексная криминологическая проблема исследована крайне недостаточно [1, с. 316-325]. Почти повсеместно растет гендерное неравенство в семейных отношениях и домашнее насилие.

Очень важным и криминологически значимым фактором домашнего насилия является характер отношений между жертвой и обидчиком и их семейные связи на момент совершения домашнего насилия. Как справедливо отмечают ученые, связь «обидчик-жертва» возникает как следствие развития конфликтной ситуации, нежелание достичь понимания, а потому юридическое значение связи и отношения между жертвой и обидчиком приобретают с момента совершения домашнего насилия важное значение для субъекта предотвращения.

Статистические данные свидетельствуют, что чаще всего жертвами на семейно-бытовой почве становятся жена (сожительница) (48,1%), дети (16,6%), а также родители (14,2%) виновного [10, с. 49-51].

То есть повышенный уровень виктимности имеют члены семьи женского пола, процент которых среди всех изученных жертв внутрисемейных насильственных преступлений составляет 75, 8%. Объяснение такой высокой виктимизации женщин при совершении домашнего насилия следует искать не в роковой склонности всех женщин стать жертвами, а в двойном стандарте морали, характере и стереотипах половых отношений, исторически сложившихся в современном обществе. Такие преступления преимущественно совершаются против лиц зрелого возраста (26-50 лет), процент которых в структуре всех жертв семейно-бытовой насильственной преступности составляет 57,8% [11, с. 142].

От домашнего насилия (насилия в семье), как правило, страдают наиболее незащищенные ее члены – женщины, дети, инвалиды и престарелые.

Насильственные преступления в семье совершаются в отношении лиц с различным уровнем образования: у 2,2% пострадавших не было даже начального образования; 8,0% – имели начальное образование; 10,2% – неполное среднее образование; 40,9% – полное среднее общее образование; 21,2% – среднее специальное образование; 1,5% – незаконченное высшее образование; 16,0% – высшее образование. Итак, обращает на себя внимание то обстоятельство, что эти преступления чаще всего совершаются в отношении членов семьи с невысоким уровнем образования [1, с. 316-317].

По социальному положению лиц, пострадавших от домашнего насилия, были получены следующие данные: служащие 22,4%; работники в сфере строительства, производства, торговли и предоставления услуг – 9,1%; специалисты в области науки, образования, здравоохранения и социального обеспечения – 8,4%; предприниматели – 2,1%; пенсионеры – 18,9%; ученики

профессиональных технических училищ, техникумов (колледжей) и т.д. – 9,1%; 44% – нигде не работали и не учились – 28,6% [1, с. 317-318].

Итак, большинство (69,9%) пострадавших имели статус служащего, пенсионера или нигде не работали и не учились. Естественно, что низкий социальный статус потерпевших, которым обычно соответствует низкий образовательный и культурный уровень, имеет существенное виктимологическое значение.

Стойкая антиобщественная ориентация и соответственно наиболее высокая виктимность свойственна лицам, которые сами проявляют склонность к совершению преступлений, особенно насильственного характера. В момент совершения насильственного преступления в семье каждый седьмой (17,2%) потерпевший имел определенный опыт асоциального поведения и был известен правоохранительным органам как правонарушитель.

Большинство насильственных преступлений в семье связано не с единичным и случайным, а с систематическим употреблением пострадавшими алкоголя. Систематическое пьянство приводит к нравственной деформации личности, ослабляет или подрывает социально полезные связи в различных типах микросреды, а также способствует созданию конкретных жизненных ситуаций виктимогенного характера.

Виктимности жертв домашнего насилия в значительной степени способствовала и такая форма социальной патологии в их поведении как сексуальная распушенность, отсутствие морально-этической избирательности в сфере интимных отношений. Так, каждый пятый (20,1%) пострадавший вел аморальный, распушенный образ жизни.

Следовательно, при сексуальных преступлениях целесообразно собирать такие сведения о личности потерпевшего: возраст, пол, физические особенности, семейный статус, социальная адаптация, интеллект, взаимоотношения, успешность в учебном заведении, стиль жизни и недавние изменения в стиле жизни, особенности личности, ее темперамента, манера поведения, место жительства (предварительное и последнее), репутация дома и на работе, история болезни (физические и психические особенности), личные привычки (употребление алкоголя, наркотиков), социальные привычки, увлечения, страсти, друзья и враги и т.д.

При определении целей и задач системы виктимологических мер предупреждения семейно-бытовым правонарушениям необходимо выделить ее общесоциальный, специально-криминологический и индивидуальный уровень [12, с. 127-128].

Общесоциальные виктимологические меры предотвращения домашнего насилия заключаются, прежде всего, в решении социально-экономических и культурно-воспитательных задач, снижении степени их виктимности [13, с. 133].

Специально-криминологические меры предупреждения анализируемых преступлений должны осуществляться государственными органами, общественными объединениями, организациями и отдельными гражданами и заключаются в снижении виктимных свойств и качеств отдельных лиц или групп населения.

Индивидуально-профилактическая работа по предупреждению семейно-бытовой преступности должна быть организована с учетом поведения или совокупности личностных характеристик лиц, которые могут стать жертвами преступников, и направлена на повышение активности их защитных реакций, а также обеспечения личной, имущественной и иной безопасности [14 с. 60-61].

К лицам, которые нуждаются в профилактической коррекции, на наш взгляд, можно отнести тех, кто отрицательно относится к семье, родственникам и близким, склонен к разврату; злоупотребляет спиртными напитками; употребляет наркотические или психотропные вещества (если это не

вызвано медицинскими потребностями); совершает аморальные проступки в быту, на работе, часто создает конфликтные ситуации, отличается психофизиологической неуравновешенностью, страдает хроническими заболеваниями и т.д.

Поэтому можно предложить следующие пути совершенствования предупредительной деятельности в исследуемой сфере: 1) разработать научно обоснованную методику прогнозирования возможного противоправного (в том числе и преступного) поведения, позволяющую выявлять лиц, в отношении которых существует потребность немедленного принятия индивидуальных специальных мер; 2) отработать четкий перечень правовых оснований применения методик как прогнозирования, так и последующей реализации мер и утвердить их соответствующими законодательными и ведомственными нормативными актами, разработать систему критериев, наличие которых предполагает применение специальных профилактических мероприятий в отношении конкретного лица, основываясь на фактических криминологически взвешенных основаниях, комплексах признаков как правовых, так и психолого-педагогических и т.д.; 3) определить процедуру и механизм принятия решений по применению мер прогнозирования и их реализации; 4) установить субординационный порядок и определить варианты и критерии согласованности действий должностных лиц, ответственных за эту деятельность, во избежание нарушений общечеловеческих стандартов прав человека, возможных других ошибок и наступления негативных последствий; 5) разработать методики изучения личностных признаков и реальной микросреды, которые следует применить с целью предупредительного воздействия, сбора, накопления, анализа и реализации имеющейся информации в пользу этого лица.

При этом должны быть достаточно освещены: социально-демографические признаки (пол, возраст, образование, семейное положение и т.д.); волевые качества (способность противостоять негативному воздействию, решительность и настойчивость, а также проявления упрямства, попытки любым способом удовлетворить собственные эгоистические интересы, способность подчинить своему негативному влиянию окружающих); эмоциональные свойства (умение спокойно и взвешенно вести себя в критических ситуациях, проявления несдержанности, раздражительности, неуравновешенности, ревности, чрезмерной застенчивости, обидчивости и злопамятства); социально полезные интересы (инициативность, умение организовать досуг, наличие увлечений и их характер и др.); нравственно-психологические признаки, свойства и качества (темперамент, черты характера как положительные, так и отрицательные, в частности проявления постоянной неудовлетворенности, озлобленности, дерзости, жадности, цинизма, мести, трусости, замкнутости, жестокости, эгоизма, лени и лживости); характеристика по месту жительства (склонность к пьянству, вредным привычкам, факты конфликтных ситуаций с соседями и близким окружением); семейные отношения (супружеские отношения, безразлично пренебрежительное и безответственное отношение к родителям, детям, проявления вражды в семье и т.п.); антиобщественные интересы и стремления (склонность к употреблению наркотиков, пьянства, вредных привычек, устойчивые отношения с лицами, имеющими антиобщественную (криминальное поведение, проявления безнравственности и др.); взаимодействие в микросоциальной среде (наличие негативного влияния дружеских связей, семьи, близких или случайных знакомых во время совместного проведения досуга вне места жительства, непринятие мер по нормализации отношений в семье, проявление противоправного, в том числе преступного, поведения в семейном кругу и др.); склонность к неразборчивым связям и антиобщественному поведению (связь с участниками групп антисоциальной направленности из корыстных побуждений, постоянные конфликты в семейно-бытовых отношениях, наличие сообщений о нарушениях общественного порядка и прочее).

Понятие и содержание тактики индивидуального предупреждения преступлений в исследуемой сфере может меняться в зависимости от объема этой деятельности. В широком смысле она рассматривается как предохранительная деятельность в отношении конкретного лица, независимо от стадий развития преступного умысла, возникновения умысла на совершение преступления, приготовление или покушение на него.

В частности, широкий аспект охватывает такие стадии предотвращения: изучение лиц, которые своим поведением составляют профилактический интерес; их углубленное изучение и диагностика с позиции наличия криминогенности; прогнозирование возможного преступного поведения при получении прогностических выводов, свидетельствующие о возможности совершения преступления, принятие адекватного решения относительно мер и других (управленческих, организационных, кадровых) мероприятий; планирование в соответствии с прогнозом индивидуальных мер недопущения преступления; практическая реализация запланированных мероприятий и контроль за дальнейшим поведением лица; оценка и выводы относительно поведения лица и целесообразности дальнейшего продолжения или прекращения индивидуальных предупреждающих действий и эффективности примененных профилактических средств.

В каждом конкретном случае на основе типовой модели индивидуального криминологического прогнозирования должна быть разработана персональная прогностическая модель, позволяющая наиболее полно учитывать широкий спектр личностных качеств и свойств личности, требующей профилактического воздействия. На их основании должны быть определены конкретные тактические меры индивидуального криминологического предупреждения.

То есть основной задачей виктимологического предотвращения семейно-бытовой преступности (домашнего насилия) является создание системы эффективной социальной защиты всех граждан от возможной виктимизации [15, с. 205-206], изменение сложившейся практики обращения с потерпевшими и другими жертвами преступлений. Для этого необходимо разработать или усовершенствовать действующее законодательство, создать новые государственные и негосударственные структурные подразделения, социальные службы, фонды помощи жертвам, реабилитационные центры и другие организации по защите жертв преступлений, организации подготовки специалистов для такой работы.

Таким образом, в каждой конкретной ситуации приоритет одного из виктимологических факторов определяет симбиоз личностных и поведенческих признаков, характеризующих жертву от домашнего насилия. В то же время их выделение и оценка имеют не только важное значение для квалификации содеянного и определения меры наказания виновного, но и для принятия мер общего и индивидуального предупреждения, чтобы в конечном итоге снизить рост уровня домашнего насилия в Украине. Практика и зарубежные исследования показали, что 64% людей, которые стали жертвами домашнего насилия, в дальнейшем сами становятся обидчиками, и, наоборот, те, кто смолodu не стал жертвой домашнего насилия, становятся в три раза (на 22%) реже.

Литература

1. Кримінологічна віктимологія : навч. посіб. / Є. М. Моїсєєв, О. М. Джужа, В. В. Василевич та ін. ; за заг. ред. О. М. Джужі. Київ: Київ. нац. ун-т внутр. справ, 2006. 416 с.
2. Джужа О. М., Моїсєєв Є. М. Жертва злочину: підходи до визначення та проблеми класифікації. *Вісник Луганського держ. ун-ту внутр. справ. ім. Е. О. Дідоренка*. 2011. № 2. С. 74–81.
3. Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона: у 86 т. Москва, 1996. Т. 11. 942 с.
4. Великий тлумачний словник сучасної української мови / уклад. і голов. ред. В. Т. Бусел. Київ; Ірпінь: Перун, 2001. 1736 с.
5. Ривман Д. В. Криминальная виктимология: учебник. СПб.: Питер, 2002. 304 с.

6. Полубинский В. И. Правовые основы учения о жертве преступления: учеб. пособие. Горький: Горьк. высш. шк. МВД СССР, 1979. 83 с.
7. Христенко В. Е. Психология поведения жертвы: монография. Ростов н/Д: Феникс, 2004. 416 с.
8. Туляков В. О. Вчення про жертву злочину: соціально-правові основи: автореф. дис. ... докт. юрид. наук «Кримінальне право та кримінологія; кримінально-виконавче право»: 12.00.08. Одеса, 2001. 37 с.
9. Міжнародний день сім'ї: матеріал з Вікіпедії – вільної енциклопедії. URL: https://uk.wikipedia.org/wiki/Міжнародний_день_сім'ї
10. Navies P., Francis P. Jupp V. Victimisation: Theory, Research and Policy. N.Y., 2008. P. 49–51.
11. Методика кримінологічного дослідження злочинності в Україні: монографія / О. М. Джужа, О. Г. Кулик, В. В. Василевич та ін.; за заг. ред. О. М. Джужі. Київ: Київ. нац. ун-т внутр. справ, 2006. 192 с.
12. Українська кримінологічна енциклопедія: наук. видання / за заг. ред. В. В. Чернея, В. В. Сокурєнка ; упоряд. О. М. Джужа, О. М. Літвінов. Харків – Київ: Харк. нац. ун-т внутр. справ; Нац. акад. внутр. справ; Кримінолог. асоц. України; Золота миля. 2017. 804 с.
13. Кримінологія: підручник / О. М. Джужа, В. В. Василевич, В. В. Черней, С. С. Чернявський та ін. ; за заг. ред. д-ра юрид. наук, проф. В. В. Чернея; за наук. ред. д-ра юрид. наук, проф. О. М. Джужі. Київ: ФОП Маслаков, 2020. 612 с.
14. Велика українська юридична енциклопедія: у 20 т. Т. 18: Кримінологія. Кримінально-виконавче право / редкол.: В. І. Шахун, В. І. Тимошенко та ін. Харків: Право, 2019. 544 с.
15. Джужа О. М. Запобігання злочинам: кримінологіко-віктимологічна парадигма: монографія. Київ: Нац. акад. внутр. справ, 2015. 331 с.

Corresponding author

Джужа Александр Николаевич,

доктор юридических наук, заведующий кафедрой уголовного права, Национальная академия внутренних дел (Украина, г. Киев), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1347-4937>

Тычина Дмитрий Михайлович,

доктор философии в области «Право», кандидат юридических наук, старший научный сотрудник лаборатории по проблемам противодействия преступности, Национальная академия внутренних дел (Украина, г. Киев), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9430-6101>

Назымко Егор Сергеевич,

*доктор юридических наук, первый проректор Донецкого юридического института Министерства внутренних дел Украины (Украина, г. Кривой Рог), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4949-4155>
УДК 343.62:343.85*

СПОСОБЫ ПОЛУЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИИ В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

Игорь Копотун, Нинель Карманова

HOW TO OBTAIN INFORMATION IN THE PENITENTIARY INSTITUTIONS

Igor Kopotun, Ninel Karmanova

В статье анализируется эффективность деятельности уголовно-исполнительных учреждений и факторы, которые влияют на состояние оперативной обстановки.

Ключевые слова: Уголовно-исполнительные учреждения, предотвращение, профилактика, жестокость.

The article is dedicated to analysis of types, sources, and methods of obtaining information to operational situation in penitentiary institutions.

Key words: Operational situation. Penitentiary institutions. Crime situation.

Введение

Для обеспечения эффективной деятельности уголовно-исполнительных учреждений важное значение имеет реализация структурными подразделениями предупредительных функций, которые не представляются возможными без знания и учета факторов, которые влияют на состояние оперативной обстановки.

Материалы и методы

Для решения поставленных задач нами был использован комплекс общенаучных методов: теоретических – анализ и обобщение научной литературы, нововведений в законодательной базе, синтез полученной информации, контент-анализ статистических закономерностей с целью

исследования социальных процессов. Эмпирические данные были собраны и проанализированы международными и общественными организациями с помощью наблюдения, анкетирования, тестирования и опроса испытуемых. Количественная обработка экспериментально полученных результатов исследования осуществлялась с помощью компьютерных программ.

Результаты и обсуждение

Как свидетельствуют статистические данные ГПтС Украины, в течение 2018 г. в учреждениях исполнения наказаний и следственных изоляторах осужденными и лицами, взятыми под стражу, было совершено 407 преступлений, что на 23,9 % больше показателя предыдущего года.

Организационный механизм анализа и оценки оперативной обстановки в уголовно-исполнительном учреждении должен иметь научную основу. Формы и методы организации оценки оперативной обстановки в уголовно-исполнительных учреждениях разнообразные, ее осуществление временами имеет стихийную, бессистемную основу.

Как правило, функциональный механизм исследования состояния криминогенной ситуации в среде осужденных реализуется в случаях чрезвычайных обстоятельств, совершения уголовных деяний действий осужденных, что дезорганизуют уголовно-исполнительную деятельность.

Руководители и сотрудники уголовно-исполнительных учреждений должны быть профессионально подготовлены и ориентированы на выявления проблем, которые негативно влияют на состояние оперативной обстановки и во всем этом должен быть научный подход.

Вопросом исследования оперативной обстановки в органах и учреждениях выполнения наказаний не уделено надлежащего внимания в научной литературе.

В современной криминологии и криминально исполнительской науке проблемы влияния на преступность в уголовно-исполнительных учреждениях является предметом и объектом постоянного изучения.

В частности, этими вопросами достаточно активно в Украине занимались и занимаются В. В. Голина, А. Н. Джужа, А. П. Закалюк, А. Г. Колб, А.Н. Литвинов, А. Х. Степанюк и др.

Аналитическая деятельность в сфере выполнения наказания в уголовно-исполнительных учреждениях обеспечивает реализации функций относительно обеспечения правопорядка, недопущения осложнений оперативной обстановки. Субъектами данной деятельности является начальник уголовно-исполнительного учреждения, заместители начальника, руководители структурных подразделений, сотрудники [1].

Реализуя свои профессиональные возможности, перечисленные субъекты обязаны осуществлять непрерывный анализ состояния оперативной обстановки на основе информации, которая образуется за результатами их деятельности: организации воспитательной работы; организации досмотра; организации охраны; организации оперативно-розыскной деятельности; организации материально-бытового и медицинского обеспечения; организации психологического обеспечения.

Специфика организационных и функциональных основ деятельности уголовно-исполнительных учреждений, ее функциональность определяют свойственные только данным учреждениям информационные блоки, которые имеют разное назначение, но в целом отображают характер и состояние всего процесса выполнения наказания, которой неотделимый от состояния оперативной обстановки [2].

Заклучение

Для оценки последней необходимо владеть определенной информацией. Информация, которая отображает состояние оперативной обстановки в уголовно-исполнительном учреждении, необходима не только для ее оценки, но и для принятия решений предупредительного характера, составления прогноза, разработки мероприятий, направленных на повышение эффективности деятельности структурных подразделений.

Оценка оперативной обстановки в уголовно-исполнительном учреждении предусматривает необходимость анализа многих видов информации, ее специфических проявлений, разных источников и способов получения. Наши исследования подтверждают, что в исправительных колониях не созданная система оперативного сбора информации с использованием разных источников, каждое из которых может владеть определенными видами информации, которая имеет значение для оценки оперативной обстановки.

Анализ и оценка оперативной обстановки в уголовно-исполнительном учреждении и ее прогноз должны осуществляться с учетом следующих основных видов информации [3]:

Изменения, которые происходят в количественном составе осужденных.

1. Необходимо учитывать динамику количественной характеристики осужденных. На осложнение оперативной обстановки влияет увеличение в уголовно-исполнительном учреждении числа осужденных сверх установленного лимита. Основным источником получения данного вида информации являются личные дела осужденных.

2. Криминогенная характеристика осужденных связанная со склонностью их к противоправному поведению.

Важно контролировать неформальные элементы среды осужденных, его субкультуру.

Кроме того, необходимо установить состояние криминальной среды среди осужденных, которая тоже влияет на состояние оперативной обстановки, необходимая информация об их качественном составе, который определяется количеством удерживаемых в исправительной колонии осужденных следующих категорий: молодежного возраста; какие не имеют семьи; с низким образовательным уровнем; какие не занимались к осуждению социально полезной деятельностью; с длительным криминальным прошлым, то есть неоднократно (три и больше раз) судимых; осужденных, которые находятся на профилактическом или оперативно профилактическом учете.

Источниками перечисленных видов информации являются личные дела осужденных, сами осужденные, оперативные материалы, получаемые оперативными работниками.

3. Анализ криминальной ситуации в исправительной колонии.

При анализе криминальной ситуации в исправительной колонии необходимо всесторонне анализировать каждое совершенное преступление путем сбора такой информации: время и место совершения; сведения, которые характеризуют лицо осужденных, которые совершили преступления, потерпевших; причины совершения преступлений; проблемы в деятельности сотрудников, которые не позволили предупредить, прекратить совершение преступлений; есть ли преступления результатом межличностных конфликтов. При анализе криминальной ситуации в исправительной колонии также учитывается и какие преступления совершены, их количество.

4. Анализ нарушений установленного порядка отбывания наказания.

Нарушения осужденными установленного порядка отбывания наказания могут быть разными за характером. Об осложнении оперативной обстановки свидетельствуют такие нарушения, как невыполнение законных требований персонала, конфликты, установления «воровских» традиций, криминальной субкультуры, азартные игры, поборы, отказы, от выхода на работу, объявление голодовки, массовое членовредительство, приобретение денег, спиртных напитков. Часть из перечисленных нарушений установленного порядка отбывания наказания имеет явный, открытый характер, другие – скрытый.

5. Характеристика мероприятий, примененных к осужденным за нарушение установленного порядка отбывания наказания.

Мероприятия дисциплинарного влияния (взыскание) всегда связаны с определенными видами нарушений. Особенно подлежат анализу факты необходимости помещения осужденных в дисциплинарный изолятор, перевод к помещению камерного типа. Увеличение тенденции применения к осужденным крайних мер дисциплинарного влияния свидетельствует о состоянии оперативной обстановки. Такие мероприятия применять необходимо, поскольку они направлены на недопущение последующего ее осложнения.

6. Виды и количество изъятых запрещенных предметов.

К наиболее распространенным видам запрещенных предметов в криминально исполнительных учреждениях принадлежат деньги, спиртные напитки, наркотические средства, мобильные телефоны. Поступление к осужденным этих предметов влечет негативные последствия, связанные с осложнением оперативной обстановки, совершением осужденными правонарушений (в т.ч. преступлений).

Анализ ситуации относительно выявления источников и каналов поступления запрещенных предметов может быть осуществлено лишь при условии полноты служебных расследований за фактами исключения денег, спиртных напитков, наркотиков и др. Необходимо отметить, что объективно оценить оперативную обстановку только за фактами исключения запрещенных предметов нельзя.

7. Наличие и характер межличностных конфликтов в среде осужденных.

Межличностные конфликты – источник осложнения оперативной обстановки. Оценка оперативной обстановки на основе результатов анализа межличностных конфликтов должна иметь непрерывный исследовательский характер. Источниками информации есть осужденные, которые находятся в конфликтных отношениях, их среда, результаты проведения оперативно-розыскных, педагогических, психологических мероприятий.

8. Опережающий анализ развития криминогенной ситуации в среде осужденных, осложнения оперативной обстановки.

Результатом опережающего анализа является прогноз изменения оперативной обстановки в уголовно-исполнительном учреждении, который являет собой вероятностное суждение о будущем состоянии оперативной обстановки, преступности, детерминанте, которые способствуют их изменению.

Прогноз должен быть основан на результатах исследования количественных и качественных характеристик криминологов явлений и процессов, которые изменяют условия выполнения и отбывания наказания, оперативную обстановку. За результатами проведенных нами исследований, 87 % разработок в исправительных колониях мероприятий носят неконкретный характер или отображают только выполнения должностных обязанностей сотрудников структурных подразделений. Значительная часть информации, имеющейся у оперативных работников, является невостребованной для оценки оперативной обстановки и составления прогноза ее изменения,

разработки профилактических мероприятий, которые могут быть реализованы начальниками отделений, сотрудниками отдела присмотра и безопасности психологами, производственным персоналом [3].

Рассмотрев теоретические и организационные основы анализа и оценки оперативной обстановки в криминально исполнительных учреждениях, необходимо сделать следующие выводы:

Состояние оперативной обстановки зависит от многих факторов системного и внутрисистемного характера. Оперативная обстановка может изменяться в результате как субъективных обстоятельств, связанных с организацией деятельности персонала структурных подразделений, так и процессов, которые происходят в среде осужденных, а также в связи с осложнением криминогенной обстановки в сфере функционирования уголовно-исполнительных учреждений, чрезвычайными ситуациями естественного, биогенного, техногенного характера.

Объективность анализа и оценка оперативной обстановки зависят от качества оценки деятельности органов и учреждений выполнения наказаний. Руководители уголовно-исполнительных учреждений и другие сотрудники должны создавать систему оперативного реагирования на блокирование действия негативных факторов, которые влияют на состояние оперативной обстановки, разрабатывать мероприятия по недопущению ее осложнений.

Литература

1. ДУКА О.А. *Организация надзора за осужденными в уголовно-исполнительных учреждениях*: учебное пособие / О. А. Дука, И. Н. Копотун / за редакцией А. Н. Джужы. – К. : Государственная пенитенциарная служба Украины, 2012. – 222 с.
2. КОПОТУН И.Н. *Предупреждение чрезвычайных событий криминально-правового характера в криминально исполнительных учреждениях*: материалы научно-практической семинар. ["Современные пути предотвращения правонарушений и преступлений среди персонала криминально исполнительной системы Украины"], (Чернигов, 30 ноября в 2016 г.) /Академия Государственной пенитенциарной службы. – Ч.: Акад. Пенит. служб., 2016. – С.57-61.
3. КОПОТУН И.Н. *Персонал органов и учреждений выполнения наказаний как субъект криминально исполнительной деятельности в Украине*: материалы 3-го Международного круглого стола. ["Криминальное право: традиции и новации"], (Чернигов, 7-8 сентября в 2017 г.) /Академия Государственной пенитенциарной службы. – Ч.: Акад. Пенит. служб., 2017. – С.62-64.

Corresponding authors

Копотун Игорь,

доктор юридических наук, профессор,
проректор с международных связей Академии ГУСПОЛ,
01011, Киев, Украина,
+380673239455, Igor.kopotun@gmail.com

Карманова Нинель,

кандидат политических наук,
преподаватель кафедры конституционного права НАВС Украины,
03048, Киев, Украина
+380950398555, Ninel.karmanova@gmail.com

ZAOBCHÁDZANIE S ODSÚDENÝMI VO VÝKONE TRESTU ODŇATIA SLOBODY V KONTEXTE SOCIÁLNEJ PRÁCE

Martina Oravcová

ЛЕЧЕНИЕ ОСУЖДЕННЫХ В ТЮРЬМЕ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ

Мартина Оравцова

TREATMENT OF CONVICTS IN PRISON IN THE CONTEXT OF SOCIAL WORK

Martina Oravcová

Dizertačná práca sa v teoretickej časti sa zaoberá analýzou filozofického konceptu účelu uväznenia od roku 1965 do súčasnosti. Obsahuje popis procesu formovania základných práv a povinností odsúdených, ich zaobchádzania a tiež princípy sociálnej práce v procese zaobchádzania s odsúdenými.

V empirickej časti práce bolo našim cieľom vytvoriť koncepčný návrh na vyhodnotenie resocializačnej prognózy odsúdeného v režime obmedzenej osobnej slobody. Vytvorením koncepčného návrhu na vyhodnotenie resocializačnej prognózy odsúdených sme predpokladali, že skutočné potreby odsúdených môžeme uspokojiť v režime obmedzenej osobnej slobody s dôrazom na ich úspešnú resocializáciu.

V empirickej časti práce sme vybrali kvantitatívne orientovaný typ výskumu, v ktorom sme ako výskumnú metódu použili štruktúrovaný dotazník. Porovnali sme odpovede respondentov z rokov 2003 a 2018. Prieskum sa uskutočnil v Memocnici pre obvinených a odsúdených v Trenčíne. Pomocou Pearsonovho Chi štvorca testu dobrej zhody sme vyhodnotili získané výskumné údaje.

Respondenti, ktorí sa zúčastnili na výskume v roku 2018, prikladajú väčší význam rizikám spojeným s výkonom trestu odňatia slobody v súvislosti s ich úspešným návratom do spoločnosti.

Vytvorením koncepčného návrhu na vyhodnotenie resocializačnej prognózy odsúdených sme predpokladali, že skutočné potreby odsúdených môžeme uspokojiť v režime obmedzenej osobnej slobody s dôrazom na ich úspešnú resocializáciu.

Kľúčové slová: zaobchádzanie, väzenie, sociálna práca, resocializácia

The dissertation provides us with both theoretical and empirical overview. The theoretical part deals with analysis of philosophical concept of purpose of imprisonment from 1965 to the present. It contains description of process of formation of fundamental rights and obligations of convicted persons, their treatment and also principles of social work in the process of treatment of convicted persons.

In the empirical part of the thesis, our goal is to create a conceptual proposal to evaluate the resocialization prognosis of the sentenced person under the regime of limited personal freedom. By creating a conceptual proposal for the assessment of the re-socialization prognosis of the convicted, we assume that we can saturate the real needs of the convicted in a regime of limited personal freedom, with emphasis on their successful resocialization.

In the empirical part of the thesis, we chose a quantitatively oriented type of research in which we used a structured questionnaire as a research method. We compared the respondents' answers from 2003 and 2018. The research was carried out at the hospital for the accused and convicted in Trenčín. Using the Pearson Chi-square of the good match test, we evaluated the research data obtained.

Respondents who participated in 2018 research attach greater importance to the risks associated with serving a custodial sentence in relation to their successful return to society.

By creating a conceptual proposal for the assessment of the re-socialization prognosis of the convicted, we assume that we can saturate the real needs of the convicted in a regime of limited personal freedom, with emphasis on their successful resocialization.

Key words: Treatment. Prison. Social work. Resocialization.

Úvod

Predmetná dizertačná práca explicitne poukazuje na zaobchádzanie s odsúdenými v režime obmedzenej osobnej slobody s dôrazom na úspešnosť ich resocializácie. Analyzuje legislatívne vymedzenie účelu výkonu trestu odňatia slobody v minulosti a dnes. Historický vývoj filozofického konceptu zákona o výkone trestu odňatia slobody predstavuje predmet nášho pozorovania ako v teoretickej tak aj v empirickej rovine tejto práce.

Hoci sa o väzení ľudí hovorilo už v staroveku, v dnešnom ponímaní trest odňatia slobody nemá ani zďaleka takú históriu. Zaobchádzanie s odsúdenými sa vyvíjalo postupne v čase, v závislosti od vývoja spoločnosti ako takej, jej ideológie a najmä v závislosti od ľudí, ktorí túto spoločnosť tvorili.

Motiváciou k voľbe témy bolo hlbšie nahliadnutie do problematiky zaobchádzania s odsúdenými v režime obmedzenej osobnej slobody. Na základe získaných vedomostí bola veľkou výzvou práve téma ohľadne práv a povinností odsúdených, ich genézy vývoja od roku 1965, kedy vstúpil do platnosti prvý zákon o výkone trestu odňatia slobody až po súčasnosť. Humanizácia trestného systému v nás vyvolávala množstvo otázok ohľadne procesu resocializácie odsúdených. Sme toho názoru, že ak trestný systém v rámci výkonu trestu odňatia slobody (ďalej len VTOS) má byť humánný, má byť rovnako aj účelný. Počas plánovania a písania dizertačnej práce sme mali stále na pamäti, že účelom VTOS je úspešná resocializácia odsúdeného. Veď predsa úspešne resocializovaný odsúdený nepotrebuje páchať ďalšiu trestnú činnosť, čo znamená, že nebude ohrozovať ani spoločnosť, do ktorej sa po výkone trestu vracia.

Dizertačná práca sa v teoretickej rovine zaoberá analýzou filozofického konceptu účelu VTOS od roku 1965 až po súčasnosť. Proces formovania základných práv a povinností odsúdených tvorí ďalší predmet záujmu teoretickej časti práce. Úpravy ustanovení, ktoré bezprostredne súvisia s právami a

povinnosťami odsúdených zaznamenali od roku 1965 množstvo legislatívnych zmien. Rovnako ako aj proces zaobchádzania s odsúdenými, ktorého pojem nebol v prvom zákone o VTOS (Zákon č. 59/1965 Zb.) ani definovaný. Zaobchádzanie s odsúdenými vtedy upravovali Minimálne štandardné pravidlá zaobchádzania s odsúdenými. V súčasnosti je tento pojem upravený v zákone o výkone trestu odňatia slobody (Zákon č. 475/2005 Z.z.), ako aj v zbierke rozkazov Generálneho riaditeľa Zboru väzenskej a justičnej stráže. V rámci teoretickej časti práce uvádzame aj zásady sociálnej práce vykonávanej v ústave na výkon trestu odňatia slobody, či kompetencie sociálneho pracovníka podľa aktuálneho znenia Rozkazu generálneho riaditeľa Zboru väzenskej a justičnej stráže č. 66/2015.

Predmet záujmu prelínáme aj do empirickej časti práce, v rámci ktorej je našou úlohou splniť hlavný cieľ práce pomocou štyroch čiastkových cieľov. Aplikácie sa práca zameriava na vytvorenie koncepčného návrhu „hodnotenia resocializačnej prognózy odsúdeného“ v režime obmedzenej osobnej slobody. Koncepčný návrh hodnotenia resocializačnej prognózy bude metodologicky vychádzať z dokumentu *Hodnotenie rizika sociálneho zlyhania*, ktorý aktuálne využíva Zbor väzenskej a justičnej stráže Slovenskej republiky.

Sme toho názoru, že vytvorením koncepčného návrhu hodnotenia resocializačnej prognózy odsúdeného, dokážeme saturovať reálne potreby odsúdených v režime obmedzenej osobnej slobody s dôrazom na ich úspešnú resocializáciu.

Cieľ a metodológia práce

Hlavným cieľom výskumu je vytvorenie koncepčného návrhu hodnotenia resocializačnej prognózy odsúdeného v režime obmedzenej osobnej slobody.

Koncepčný návrh hodnotenia resocializačnej prognózy vychádza metodologicky z dokumentu „Hodnotenie rizika sociálneho zlyhania“, ktorý aktuálne využíva v praxi Zbor väzenskej a justičnej stráže Slovenskej republiky.

Výskumný problém: Nedostatočná výpovedná hodnota dokumentu „Hodnotenie rizika sociálneho zlyhania“.

Z dôvodu obsahového naplnenia hlavného cieľa práce sme stanovili nasledovné čiastkové ciele:

C1: Identifikovať riziká súvisiace s výkonom trestu odňatia slobody. Následne porovnať názory respondentov z roku 2003 a z roku 2018 na skúmaný jav.

C2: Identifikovať význam dynamických rizík vo vzťahu k recidíve odsúdených. Následne porovnať názory respondentov z roku 2003 a z roku 2018 na skúmaný jav.

C3: Identifikovať úroveň penitenciárnej starostlivosti vo vzťahu k recidíve odsúdených. Následne porovnať názory respondentov z roku 2003 a z roku 2018 na skúmaný jav.

C4: Identifikovať úroveň postpenitenciárnej starostlivosti vo vzťahu k recidíve odsúdených. Následne porovnať názory respondentov z roku 2003 a z roku 2018 na skúmaný jav.

Stanovené čiastkové ciele dosiahneme prostredníctvom správne sformulovaných hypotéz. Každá z uvedených hypotéz má svoju nulovú a alternatívnu hypotézu. Nulová hypotéza hovorí o rovnosti, resp. o chýbaní rozdielov, alebo o neexistencii vzťahov medzi premennými. Alternatívna hypotéza je opakom nulovej hypotézy a predpokladá rozdiely, príp. vzťahy medzi premennými.

Hypotéza H1

H1: Medzi názorom odsúdených na riziká súvisiace s výkonom trestu odňatia slobody z roku 2003 a z roku 2018 je štatisticky významný vzťah.

K hypotéze H1 sme formulovali dva predpoklady:

H1₀: Respondenti výskumu z roku 2003 považujú riziká súvisiace s výkonom trestu odňatia slobody za menej významné v ich resocializačnej prognóze ako odsúdení z roku 2018.

H1₁: Riziká súvisiace s výkonom trestu odňatia slobody považujú odsúdení z roku 2003 za viac významné v ich resocializačnej prognóze ako odsúdení z roku 2018.

Hypotéza H2

H2: Medzi názorom respondentov z roku 2003 a z roku 2018 na význam dynamických rizík vo vzťahu k recidíve existuje štatisticky významný vzťah.

K hypotéze H2 sme formulovali dva predpoklady:

H2₀: Respondenti z roku 2003 a z roku 2018 majú porovnateľný názor na význam dynamických rizík výkonu trestu odňatia slobody vo vzťahu k recidíve.

H2₁: Respondenti z roku 2018 považujú dynamické riziká vo výkone trestu odňatia slobody za viac významné vo vzťahu k recidíve.

Hypotéza H3

H3: Medzi názorom respondentov na úroveň penitenciárnej starostlivosti z roku 2018 a z roku 2003 vo vzťahu k recidíve existuje štatisticky významný vzťah.

K hypotéze H3 sme formulovali dva predpoklady:

H3₀: Respondenti z roku 2003 majú porovnateľný názor na úroveň penitenciárnej starostlivosti ako respondenti z roku 2018.

H3₁: Respondenti z roku 2018 sú toho názoru, že úroveň penitenciárnej starostlivosti má vplyv aj na recidívu odsúdených.

Hypotéza H4

H4: Medzi názorom respondentov na postpenitenciárnu starostlivosť z roku 2003 a z roku 2018 existuje štatisticky významný vzťah.

K hypotéze H4 sme formulovali dva predpoklady:

H4₀: Respondenti z roku 2003 a z roku 2018 majú na úroveň postpenitenciárnej starostlivosti porovnateľný názor.

H₄: Respondenti z roku 2018 sú toho názoru, že postpenitenciarne starostlivosť je oproti roku 2003 na odborne lepšej úrovni.

V rámci výskumnej stratégie sme si zvolili ako prvý krok vypracovanie SWOT analýzy existujúceho dokumentu „Hodnotenie rizika sociálneho zlyhania“, ktorý predstavuje metodologické východisko pre naplnenie nášho hlavného cieľa výskumu.

V rámci výskumu bolo oslovených 200 respondentov v roku 2003 a 200 respondentov v roku 2018. Pre účely nášho kvantitatívneho výskumu sme volili techniku výskumu štrukturovaný dotazník so zatvorenými otázkami s možnosťou presnejšie popísať odpoveď pod vybranými otázkami dotazníka. Výskum sme realizovali v Nemocnici pre obvinených a odsúdených v Trenčíne, kde sú umiestnení odsúdení z rôznych ústavov na výkon trestu odňatia slobody, čím sme zabezpečili objektivnosť skúmanej vzorky respondentov. Na základe nášho projektu výskumu sme sa rozhodli pre štatistickú metódu vyhodnocovania získaných údajov, t.j. Pearsonov Chí-kvadrát test dobrej zhody.

Výsledky dizertačnej práce

Počas procesu vytvárania projektu výskumu sme sa do značnej miery inšpirovali prediktívnym nástrojom na hodnotenie rizík a kriminogénnych potrieb odsúdených (SARPO), ktorého elektornická podoba je od roku 2012 implementovaná vo všetkých väzniciach v Českej republike. Hodnotenie kriminogénnych rizík a potrieb odsúdených pomocou nástroja SARPO prináša novú metodológiu penitenciárneho vstupného hodnotenia. Vstupné hodnotenie spočíva v zmene filozofického konceptu zaobchádzania s odsúdeným, ktoré sa cielene zameriava na vyhodnotenie rizík a kriminogénnych potrieb odsúdeného s ohľadom na jeho trestnú činnosť a následnú motiváciu minimalizovania zistených rizík. Aj keď sa nástroj SARPO odlišuje od nášho nástroja hodnotenia rizík sociálneho zlyhania odsúdeného, ostáva pre nás inšpiráciou najmä v rovine jeho filozofického prístupu zaobchádzania s odsúdenými.

Naším cieľom naďalej ostáva vytvoriť koncepčný návrh hodnotenia resocializačnej prognózy odsúdeného (hodnotenie rizík sociálneho zlyhania odsúdeného) v režime obmedzenej osobnej slobody.

Riziká súvisiace s výkonom trestu odňatia slobody

Úlohou prvého čiastkového cieľa bolo identifikovať riziká, ktoré bezprostredne súvisia s výkonom trestu odňatia slobody. V projekte výskumu sme spomínané riziká zadefinovali nasledovne. Riziká, ktoré bezprostredne súvisia s výkonom trestu odňatia slobody predstavujú proces, v rámci ktorého sa jednotliví odsúdení musia adaptovať na väzenské prostredie. Úspešné prežitie výkonu trestu odňatia slobody si vyžaduje adaptáciu na život väzenskej subkultúry. Adaptácia v tomto zmysle znamená prijatie subkultúrnych noriem (rozumej subkultúra odsúdených) ako aj osvojenia si vzorcov správania počas väzenského režimu, čo má za následok vyhasínanie adaptívneho správania potrebného na život „na slobode“. Proces adaptovania sa odsúdeného na väzenské prostredie je definovaný pojmom **prizonizácia** a má dve zložky: **ideologizácia** a **inštitucionalizácia**.

Inštitucionalizáciu môžeme chápať ako adaptáciu na vysokoorganizovaný väzenský život, spojenú so stratou aktivity a iniciatívy. Ideologizácia predstavuje prijatie subkultúrnych noriem a pravidiel. Je prejavom identifikácie s kriminálnou subkultúrou.

Takto adaptovaný jedinec na tradičný výkon trestu odňatia slobody má po dlhšom uväznení horšiu individuálnu kriminálnu prognózu, čo priamo ovplyvňuje riziko sociálneho zlyhania a jeho resocializačná prognóza sa stáva menej priaznivá. Ako uvádza Harbordt prizonizácia je proces, ktorý podstatne znižuje

až anuluje pravdepodobnosť reintegrácie odsúdeného do spoločnosti po prepustení z výkonu trestu (Harbordt, In: Netík, Netíková, Hájek, 1997).

Na základe výsledku Chí kvadrát testu **potvrdzujeme hypotézu H1**, ktorá znie nasledovne: *Medzi názorom odsúdených na riziká súvisiace s výkonom trestu odňatia slobody z roku 2003 a z roku 2018 je štatisticky významný vzťah*. Vyhodnotenie prvej hypotézy záviselo od odpovedí respondentov na vybrané otázky dotazníka (otázka č. 1-11). Otázky sa týkali rizikových faktorov, ktoré súvisia s výkonom trestu. Na základe odpovedí respondentov uvádzame nasledovné zistenia:

- 51% z opýtaných respondentov z roku 2003 a 59% respondentov z roku 2018 sa vyjadrilo, že väzenské prostredie nemá žiadne výhody,
- 83% z opýtaných respondentov z roku 2003 a 87% respondentov uviedlo, že im chýba život na slobode,
- 69% z opýtaných respondentov z roku 2003 a 60% respondentov z roku 2018 súhlasilo s vyjadrením, že väzenie má negatívny vplyv na ich správanie, myslenie a vnímanie,
- 30% z opýtaných respondentov z roku 2003 a 40% respondentov z roku 2018 sa vyjadrilo, že im vyhovuje umiestnenie v cele s ostatnými odsúdenými,
- 34% respondentov z roku 2003 a 21% respondentov z roku 2018 sa vyjadrilo, že umiestnenie v cele s ostatnými odsúdenými vnímajú negatívne. Umiestnenie v cele s ostatnými odsúdenými vníma pozitívne 17% opýtaných v roku 2003 a 33% opýtaných v roku 2018.
- 27% z opýtaných respondentov z roku 2003 sa vyjadrilo, že prístup príslušníka zboru-bachara, vníma pozitívne. V roku 2018 to bolo 45% z celkového počtu opýtaných respondentov za rok 2018.
- 45% respondentov v roku 2003 a 11% respondentov v roku 2018 si nemyslí, že aktivity, činnosti, ktoré si stanovili s pedagógom, sociálnym pracovníkom a psychológom v rámci naplňovania cieľov resocializácie vplyvajú pozitívne na ich správanie, myslenie či vnímanie. Naopak 47% opýtaných v roku 2018 si myslí, že spomínané aktivity a činnosti vplyvajú na ich správanie, myslenie a vnímanie pozitívne. V roku 2003 to bolo 33% opýtaných.
- 56% z opýtaných respondentov v roku 2003 a 57% respondentov v roku 2018 sa vyjadrilo, že by vedeli pomenovať, aké riziká zapríčinili fakt, že spáchali trestný čin. Respondenti uvádzali nasledovné odpovede:
- 47% z opýtaných respondentov v roku 2003 a 45% respondentov v roku 2018 sa vyjadrilo, že rozmýšľajú nad tým ako ich vníma verejnosť,
- 40% z opýtaných respondentov v roku 2003 a 51% respondentov v roku 2018 sa vyjadrilo, že si nemyslia, že názor verejnosti má vplyv na ich správanie.

Z vyjadrení respondentov nám vyplýva, že vyššie definované rizikové faktory spojené s prizonizáciou do veľkej miery zasahujú do prežívania a vnímania odsúdených v ústave na výkon trestu odňatia slobody.

Indikátorom hĺbky prizonizácie je konkrétne správanie jedinca vo väzení, pretože prostredie väzenia sa výrazne odlišuje od bežného života mimo väzenia. Vplyvom rizík prizonizácie sa tak dostáva do mnohých diskomfortných, protichodných situácií. Ak sa odsúdený rozhodne dodržiavať normy a pravidlá vysokoorganizovaného väzenského režimu (inštitucionalizácia), môže sa ľahko ocitnúť v priamej konfrontácii s ostatnými odsúdenými, ktorí si počas výkonu trestu osvojili subkultúrne normy a pravidlá. V opačnom prípade, kedy sa odsúdený rozhodne osvojiť si subkultúrne pravidlá, identifikuje

sa s touto kriminálnou subkultúrou, prichádza do ostrej konfrontácie s väzenským personálom, ako aj s celým väzenským režimom. Prichádza o výhody v podobe odmeňovania za dobré správanie, čím si oddiaľuje možnosť požiadania o podmienčné prepustenie.

Základným predpokladom minimalizovania rizík procesu prizonizácie je kontakt trestaných osôb s odborne spôsobilými ľuďmi. Práve nositelia prizonizácie znamenajú veľkú psychickú záťaž pre kriminálne nenarušených spoluväzňov, zatiaľ čo z hľadiska personálu je ich správanie v rámci vonkajších prejavov takmer bez poruchové a nekonfliktné (Sochůrek, 2007). S problematikou rizík prizonizácie sa v odborných prameňoch stretávame len veľmi zriedka. Je možno na mieste apelovať na príslušné orgány, aby vyvinuli aktivitu a podieľali sa aj na takom závažnom jave akým je prizonizácia.

Dynamické riziká vo vzťahu k recidíve odsúdených

V rámci druhého čiastkového cieľa bolo našou úlohou identifikovať význam dynamických rizík vo vzťahu k recidíve odsúdených a následne porovnať názory odsúdených z roku 2003 a z roku 2018. K splneniu úlohy bolo potrebné dokázať či druhá hypotéza platí/neplatí. Na základe chí kvadrát testu dobrej zhody sa nám podarilo potvrdiť hypotézu H2, ktorá znela nasledovne: *Medzi názorom respondentov z roku 2003 a z roku 2018 na význam dynamických rizík vo vzťahu k recidíve existuje štatisticky významný vzťah*. Vyhodnotenie druhej hypotézy záviselo od odpovedí respondentov na vybrané otázky dotazníka (otázka č. 12-25). Otázky sa týkali dynamických rizikových faktorov ako napr. vzťahy, bývanie, vzdelanie, zamestnanie, finančná situácia, závislosti, postoj odsúdeného a iné. Na základe odpovedí respondentov uvádzame nasledovné zistenia:

- 89% respondentov z roku 2003 a pre 84% respondentov z roku 2018 považujú kontakt s rodinou počas výkonu trestu za veľmi dôležitý,
- 55% respondentov z roku 2003 a 60% respondentov z roku 2018 uviedlo, že výchova nemá súvis s ich trestnou činnosťou,
- 74% respondentov z roku 2003 a 70% respondentov z roku 2018 považuje vzdelanie vo svojom živote za dôležité,
- 64% respondentov z roku 2003 a 70% respondentov z roku 2018 uviedlo, že počas výkonu trestu nevyužili možnosť absolvovať rekvalifikačný alebo nejaký iný kurz zameraný na získavanie nových vedomostí,
- 78% respondentov z roku 2003 a 73% respondentov z roku 2018 sa vyjadrilo, že je dôležité, aby človek na slobode mal nejaké vzdelanie,
- 73% respondentov z roku 2003 a 85% respondentov z roku 2018 uviedlo, že považujú za dôležité, aby človek na slobode mal zamestnanie.
- 67% respondentov z roku 2003 a 63% respondentov z roku 2018 uviedlo, že pred nástupom do ústavu na výkon trestu odňatia slobody mali zamestnanie,
- 74% z opýtaných respondentov z roku 2003 a 61% respondentov z roku 2018 sa vyjadrilo, že nezamestnanosť človeka na slobode môže mať súvis s páchaním trestnej činnosti,
- 91% respondentov z roku 2003 a 85% respondentov z roku 2018 uviedlo, že im bola v ústave na výkon trestu odňatia slobody ponúknutá možnosť zamestnať sa,
- 49% z opýtaných respondentov z roku 2003 a 38% respondentov z roku 2018 sa vyjadrilo, že ich finančná situácia na slobode mala vplyv na ich trestnú činnosť,

- 48% respondentov z roku 2003 a 43% respondentov z roku 2018 uviedlo, že ich život na slobode bol sprevádzaný závislosťami (napr. alkohol, drogy, hranie na automatoch a pod.). V roku 2018 malo opačný názor až 39% opýtaných.
- 73% respondentov z roku 2003 a 66% respondentov z roku 2018 boli toho názoru, že závislosti môžu negatívne ovplyvniť správanie človeka a priviesť ho na spáchanie trestného činu,
- 81% z opýtaných respondentov z roku 2003 a 87% respondentov z roku 2018 sa vyjadrilo, že považujú za dôležité pre život na slobode vlastné bývanie.
- 49% respondentov z roku 2003 a 40% respondentov z roku 2018 boli toho názoru, že ak by po prepustení mali kde bývať, nepáchali by trestnú činnosť.

Z vyjadrení respondentov nám vyplýva, že počas výkonu trestu odňatia slobody zohrávajú dynamické rizikové faktory v živote odsúdených významnú úlohu. Ovplyvňujú nielen ich trestnú činnosť ale aj prežívanie počas výkonu trestu.

V podmienkach penitenciárnej starostlivosti v Slovenskej republike sme nezaznamenali pojem dynamické rizikové faktory, čo predikuje absenciu v rámci komplexného vnímania kriminogénneho rizika odsúdeného počas výkonu trestu. Ako sa uvádza v metodickej príručke SARPO, kriminogénne riziko sa skladá z viacerých rizikových faktorov, akými sú statické rizikové faktory (vek, pohlavie, začiatok trestnej činnosti, počet odsúdení a pod.), dynamické rizikové faktory, či nebezpečnosť odsúdeného (autoagresívne alebo heteroagresívne správanie počas výkonu trestu). Komplexné vnímanie kriminogénnych rizikových faktorov u odsúdeného môže predchádzať nepriaznivej resocializačnej prognóze.

Základným predpokladom minimalizovania spomínaných kriminogénnych rizík je aplikácia protektívnych faktorov, ktorých cieľom je motivovať odsúdeného k zmene. Prostredníctvom osobných či skupinových stretnutí s odborníkmi (psychológ, pedagóg, sociálny pracovník), nastavením správneho plánu zaobchádzania, absolvovaním konkrétnych aktivít a činností, či stanovením si reálnych, uskutočniteľných cieľov je možné motivovať odsúdeného k zmene v jeho správaní, či rozmyšľaní.

Ak by sme chronologicky postupovali v objasňovaní druhého čiastkového cieľa, zistili by sme, že za výrazové synonymum dynamických rizikových faktorov môžeme považovať exogénne determinanty, ktoré súvisia s recidívou odsúdeného, a teda sú súčasťou postpenitenciárnej starostlivosti. Príčiny recidívy môžu byť zapríčinené endogénnymi alebo exogénnymi faktormi. Málokedy sú determinované len jednými z nich, väčšinou ide o kombináciu oboch skupín faktorov. Riziká, ktoré definuje postpenitenciárna starostlivosť sa do veľkej miery prelínajú s rizikami, ktoré sme v rámci nášho čiastkového cieľa identifikovali. Avšak sme toho názoru, že pokiaľ sa správne a včas nevyhodnotia riziká, ktoré na odsúdeného vplývajú počas výkonu trestu, je bezpredmetné venovať čas identifikovaniu rizikových faktorov po prepustení odsúdeného. Taktiež sme aj toho názoru, že identifikovanie kriminogénnych rizík u odsúdeného by sa malo realizovať už v nástupnom oddieli, čo by prispelo k efektívnemu vypracovaniu program zaobchádzania u odsúdeného.

Penitenciárna starostlivosť vo vzťahu k recidíve odsúdených

Úlohou tretieho čiastkového cieľa bolo identifikovať úroveň penitenciárnej starostlivosti vo vzťahu k recidíve odsúdených. Penitenciárna starostlivosť sa komplexne zaoberá problematikou väznenia človeka, jeho adaptáciou, prežívaním, aspektami zaobchádzania s odsúdeným vrátane aplikácie konkrétnych metód, penitenciárnou diagnostikou (zaraďovaním väzňov do skupín), vhodnosťou pracovného zaradenia väzňa, expertízou pre posúdenie možného podmieneného prepustenia, interakciou väzeň, personál, psychologickým výberom personálu a pod. (Sochurek, 2007). Samotné riziká môžu súvisieť najmä s

prácou s trestanou osobou: kontakt so psychológom (aplikácia psychologických metód, penitenciárna diagnostika), kontakt s pedagógom (rekvalifikačné kurzy, záujmové činnosti), či kontakt so sociálnym pracovníkom (udržiavanie rodinných väzieb, príbuzenských vzťahov, návštev, a pod.).

Na základe Chí kvadrát testu sme **potvrdili hypotézu H3**, ktorá znela nasledovne: *Medzi názorom respondentov na úroveň penitenciárnej resocializácie z roku 2018 a z roku 2003 vo vzťahu k recidíve existuje štatisticky významný vzťah*. Vyhodnotenie tretej hypotézy záviselo od odpovedí respondentov na vybrané otázky dotazníka (otázka č. 26-37). Otázky sa týkali penitenciárnej starostlivosti. Na základe odpovedí respondentov uvádzame nasledovné zistenia:

- 69% respondentov v roku 2003 a 66% respondentov v roku 2018 uviedlo, že ich cieľom je viesť život slušného občana bez páchania trestnej činnosti,
- 46% respondentov z celkového počtu opýtaných v roku 2003 a 41% respondentov v roku 2018 uviedlo, že stretnutie s odborníkmi (psychológ, pedagóg, sociálny pracovník ...) počas výkonu trestu zmenilo ich pohľad na to, čo spravili,
- 40% respondentov v roku 2003 a 30% respondentov v roku 2018 uviedlo, že využili možnosť osobného stretnutia s odborníkom v oblasti riešenia rodinných či iných vzťahov, pracovnej činnosti, príp. ubytovania v ústave. Naopak, v roku 2018 52% respondentov uviedlo, že túto možnosť nevyužili, v roku 2003 to bolo 36% opýtaných respondentov.
- 28% respondentov v roku 2003 a 23% respondentov v roku 2018 uviedlo, že osobné stretnutie s odborníkom, ktoré sa rozhodli využiť zmenilo ich pohľad na vzniknutú situáciu, či doterajšie správanie. Naopak, osobné stretnutie s odborníkom nepomohlo zmeniť pohľad na vzniknutú situáciu, či správanie 46% respondentov v roku 2018 a v roku 2003 to bolo 28% respondentov
- 55% respondentov v roku 2003 a 51% respondentov v roku 2018 uviedlo, že sa zúčastnili počas výkonu trestu odňatia slobody aktivít v rámci skupinových stretnutí, ktoré riešili vzájomné vzťahy medzi odsúdenými v ubytovacom priestore,
- 31% respondentov v roku 2003 a 26% respondentov, že skupinové stretnutia s odborníkmi zmenili ich pohľad na vzniknutú situáciu, či ich správanie. Naopak, skupinové stretnutie s odborníkmi nepomohlo zmeniť pohľad na vzniknutú situáciu, či správanie 44% respondentov v roku 2018 a v roku 2003 to bolo 28% respondentov.
- 35% respondentov v roku 2003 a 33% respondentov v roku 2018 uviedlo, že pripúšťajú, že vďaka týmto odborníkom si uvedomili závažnosť svojho činu a nikdy by tento čin už neurobili,
- 32% respondentov v roku 2003 a 29% respondentov v roku 2018 uviedlo, že im stretnutia s odborníkmi pomohli s nejakým ich problémom počas pobytu vo väzení,
- 86% respondentov v roku 2003 a 78% respondentov v roku 2018 uviedlo, že ich počas pobytu vo väzení nenavštívil kurátor z úradu práce,
- 90% respondentov v roku 2003 a 97% respondentov v roku 2018 uviedlo, že ich počas pobytu vo väzení nenavštívil alebo nekontaktoval pracovník mimovládnej organizácie,
- 61% respondentov v roku 2003 a 60% respondentov v roku 2018 uviedlo, že majú presné informácie čo majú robiť keď ich prepustia z výkonu trestu odňatia slobody,
- 69% respondentov v roku 2003 a 73% respondentov v roku 2018 uviedlo, že majú vedomosť o tom, že po prepustení z ústavu majú možnosť navštíviť sociálneho kurátora za účelom poskytnutia resocializačného príspevku.

Základným predpokladom minimalizovania rizík zaobchádzania je minimalizovanie negatívnych dopadov väznenia na osobnosť odsúdeného. Individuálny prístup multidisciplinárneho tímu odborníkov pôsobiach v rámci penitenciárneho zaobchádzania predikuje minimalizovanie rizík spojených s recidívou odsúdených. Na základe výsledkov výskumu sa respondenti radšej zúčastňujú skupinových ako osobných stretnutí s odborníkmi, pričom nie vždy dokáže toto stretnutie naplniť ich očakávania a vyriešiť ich problém. Otázkou však ostáva do akej miery nedokáže stretnutie naplniť očakávania odsúdeného. Zaujímavým zistením je spolupráca odborníkov pôsobiach v ústave na výkon trestu s odborníkmi mimo ústavu počas výkonu trestu. Vo výskume realizovanom v roku 2018 uviedlo až 97% respondentov, že počas pobytu vo väzení ich nenavštívil ani nekontaktoval pracovník mimovládnej organizácie. V roku 2003 to bolo 90% respondentov. Návštevu sociálneho kurátora v ústave nezaznamenalo 78% respondentov v roku 2018 a 86% v roku 2003. Pozitívne vnímame informovanosť odsúdených v prípade prepustenia ako aj informovanosť o aktivitách súvisiacich s týmto procesom. V roku 2018 uviedlo 66% respondentov a v roku 2003 69% respondentov, že ich cieľom je viesť život slušného občana bez páchania trestnej činnosti.

Postpenitenciárna starostlivosť vo vzťahu k recidíve odsúdených

V rámci štvrtého čiastkového cieľa bolo našou úlohou identifikovať úroveň postpenitenciárnej starostlivosti vo vzťahu k recidíve odsúdených a následne porovnať názory respondentov z roku 2003 a z roku 2018. K splneniu úlohy bolo potrebné dokázať či štvrtá hypotéza platí/neplatí. Na základe chí kvadrát testu dobrej zhody sa nám hypotéza H4 nepotvrdila, takže platí nulová hypotéza H_{0_4} : Respondenti z roku 2003 a z roku 2018 majú na úroveň postpenitenciárnej starostlivosti porovnateľný názor. Vyhodnotenie tretej hypotézy záviselo od odpovedí respondentov na vybrané otázky dotazníka (otázka č. 26-37). Otázky sa týkali penitenciárnej starostlivosti. Na základe odpovedí respondentov uvádzame nasledovné zistenia:

- 75% respondentov v roku 2003 a 96% respondentov v roku 2018 uviedlo, že po prepustení navštívili sociálneho kurátora za účelom poskytnutia resocializačného príspevku,
- 17% respondentov v roku 2003 uviedlo, že im pomohol sociálny kurátor aj iným spôsobom (napr. poradenstvo ohľadne ubytovania, evidencie na úrade práce, vybavenie občianskeho preukazu, či karty poistenia a iné.). V roku 2018 uviedlo rovnakú odpoveď 13% opýtaných z celkového počtu respondentov za rok 2018. V druhom prípade, kedy označili respondenti, že im sociálny kurátor nepomohol žiadnym iným spôsobom sme zaznamenali 83% respondentov v roku 2003 a v roku 2018 to bolo 87% respondentov.
- 87 % respondentov v roku 2003 a 82 % respondentov v roku 2018 uviedlo, že im pracovník mimovládnej organizácie (pracovník z občianskeho združenia) neposkytol pomoc v situácii, akou je prepustenie na slobodu (napr. poradenstvo ohľadne ubytovania, evidencie na úrade, vybavenie občianskeho preukazu, karty poistenia a pod.).
- 63% respondentov v roku 2003 a 46% respondentov v roku 2018 uviedlo, že im po prepustení pomohol niekto iný.

Postpenitenciárna starostlivosť by nemala len bezprostredne nadväzovať na penitenciárnu starostlivosť, ale mala by sa v určitých fázach zaobchádzania prelínať. V období pred prepustením odsúdeného by spolupráca odborníkov v ústave na výkon trestu odňatia slobody a odborníkov pôsobiach mimo ústavu, mala zastrešovať minimalizovanie rizík spojených s prepustením na slobodu. Riziká súvisiace s prepustením odsúdeného sa môžu týkať všetkých oblastí jeho života, od základných životných potrieb, akými sú bývanie, strava, ošatenie, ďalej vzťahy s rodinou, priateľmi, vybavenie potrebných dokladov,

evidencia na úrade práce, zamestnanie až po nájdenie zmyslu života „na slobode“ bez páchania trestnej činnosti. Obdobie pred prepustením vníma každý odsúdený veľmi intenzívne, preto považujeme za dôležité nastaviť spoluprácu s odsúdeným tak, aby sa minimalizovali spomínané riziká.

Postpenitenciárna starostlivosť ponúka viacero možností, ako klientovi pomôcť adaptovať sa do života na slobode a to tak vo svojej nútenej, ako aj dobrovoľnej forme. Jej základom však je vnímať klienta v prvom rade ako osobu, ktorá potrebuje pomoc a až potom ako človeka, ktorý porušil normy všeobecne prijaté a uznávané spoločnosťou. Bez pomoci totiž tento klient s veľkou pravdepodobnosťou po prepustení na slobodu zlyhá a opätovne bude páchať trestnú činnosť.

Odporúčania pre prax

Hlavným cieľom výskumu bolo vytvorenie koncepčného návrhu hodnotenia resocializačnej prognózy odsúdeného v režime obmedzenej osobnej slobody.

Koncepčný návrh hodnotenia resocializačnej prognózy vychádzal metodologicky z dokumentu „Hodnotenie rizika sociálneho zlyhania“, ktorý aktuálne využíva v praxi Zbor väzenskej a justičnej stráže Slovenskej republiky.

Na základe teoretických poznatkov a získaných výsledkov výskumu odporúčame nasledovné opatrenia pre prax:

- ✓ Dotazník „Hodnotenia rizika sociálneho zlyhania“ implementovať v rámci vstupného rozhovoru s odsúdeným (v nástupnom oddieli), vďaka čomu by sociálny pracovník získal relevantné informácie pre vytvorenie plánu zaobchádzania s odsúdeným.
- ✓ Upraviť znenie dotazníka „Hodnotenia rizika sociálneho zlyhania“, upraviť znenie existujúcich otázok, doplniť nasledujúce otázky:
 - a) otázky ohľadne minulosti odsúdených by mali mať presnejšie znenie, adresnejší opytovací tvar,
 - b) doplniť otázku ohľadne vzťahu odsúdeného k inými odsúdeným,
 - c) doplniť otázku ohľadne vzťahu odsúdeného k príslušníkom zboru - bachar,
 - d) doplniť otázku ohľadne vzťahu odsúdeného k rodinným príslušníkom, príp. inej blízkej osobe,
 - e) doplniť otázku ohľadne spolupráce odsúdeného s odborníkmi, ktorí sa podieľajú na aktivitách, činnostiach, či cieľoch programu zaobchádzania (soc. pracovník, pedagóg, psychológ),
 - f) doplniť otázku ohľadne pracovnej činnosti odsúdeného v ústave na výkon trestu, odňatia slobody, taktiež postoj odsúdeného k tejto činnosti,
 - g) doplniť otázku ohľadne aktivít, činností, ktoré odsúdený absolvoval počas výkonu trestu, taktiež postoj odsúdeného k týmto činnostiam,
 - h) doplniť otázku ohľadne vzdelávania odsúdeného (rekvalifikačné kurzy) počas výkonu trestu, taktiež postoj odsúdeného k tejto aktivite,

- i) doplniť otázku ohľadne spolupráce odsúdeného s sociálnym kurátorom ešte počas výkonu trestu,
- j) doplniť otázku ohľadne spolupráce odsúdeného s občianskym združením ešte počas výkonu trestu,
- k) doplniť otázku, v ktorej by odsúdený zhodnotil účel výkonu trestu z jeho pohľadu, príp. vyjadril svoj názor na zaobchádzanie počas výkonu trestu
- l) odstrániť otázku ohľadne veku a pohlavia odsúdeného

✓ V rámci nášho prvého čiastkového cieľa nám z vyjadrení respondentov vyplynulo, že rizikové faktory spojené s prizonizáciou do veľkej miery zasahujú do prežívania a vnímania odsúdených v ústave na výkon trestu odňatia slobody. Základným predpokladom minimalizovania rizík procesu prizonizácie je kontakt trestaných osôb s odborne spôsobilými ľuďmi. Na základe tohto zistenia kladieme dôraz na sústavné vzdelávanie odborníkov pôsobiacich v ústave na výkon trestu odňatia slobody.

✓ Kriminologické riziká súvisiace s osobnosťou odsúdeného predstavujú pre odborníkov pôsobiacich v ústave na výkon trestu odňatia slobody synonymum individuálneho prístupu k odsúdenému. Predpokladom minimalizovania týchto rizík je aplikácia protektívnych faktorov, ktorých cieľom je motivovať odsúdeného k zmene. Odporúčame odborníkom, najmä sociálnym pracovníkom pôsobiacim v zbore väzenskej a justičnej stráže zúčastňovať sa projektov organizovaných Európskou spoločnosťou pre probáciu (CEP). Zámerom takýchto projektov, workshopov, či konferencií je priniesť ich účastníkom efektívne prístupy aj v sociálnej práci v trestnej justícii.

✓ Na základe výsledkov výskumu odporúčame užšiu a intenzívnejšiu spoluprácu medzi odborníkmi (sociálny pracovník, pedagóg, psychológ) pôsobiacimi v ústave na výkon trestu odňatia slobody a odborníkmi (sociálny kurátor, probačný a mediačný úradník, sociálny pracovník mimovládnej organizácie) mimo ústavu.

✓ Na základe viacerých výskumov, ktoré sme realizovali, rovnako aj na základe výsledkov tohto výskumu odporúčame zriadiť expertnú skupinu v rámci pôsobnosti Ministerstva spravodlivosti SR pre rozvoj probácie a mediácie v trestných veciach

Záver

Dizertačná práca svojim obsahom priblížila problematiku zaobchádzania s odsúdenými v režime obmedzenej osobnej slobody s dôrazom na úspešnosť ich resocializácie. Teoretické vymedzenie problematiky vychádzalo z analýzy legislatívneho vymedzenia účelu výkonu trestu odňatia slobody v minulosti (59/1965 Sb.) a dnes (475/2005). Počas písania práce boli pre nás významne podnetné odborné pramene z oblasti legislatívy Slovenskej republiky. Predstavovali ich zákony a ich novelizácie, legislatívne normy vymedzujúce ľudské práva, interné normy zboru väzenskej a justičnej stráže, zbierky rozkazov generálneho riaditeľa ZVJS, ústavný poriadok a pod. Praktický pohľad na skúmanú problematiku sme získavali prostredníctvom publikovaných príspevkov príslušníkov a zamestnancov Zboru väzenskej a justičnej stráže v občasníku Zvesti.

Historický vývoj filozofického konceptu zaobchádzania s odsúdenými predstavoval predmet nášho pozorovania ako v teoretickej tak aj v empirickej rovine tejto práce.

Hlavný cieľ empirickej časti práce bol zameraný na vytvorenie nového koncepčného návrhu hodnotenia resocializačnej prognózy odsúdeného v režime osobnej slobody. Koncepčný návrh hodnotenia resocializačnej prognózy vychádzal metodologicky z dokumentu „Hodnotenie rizika sociálneho zlyhania“, ktorý aktuálne využíva Zbor väzenskej a justičnej stráže Slovenskej republiky. V rámci splnenia hlavného cieľa práce sme si stanovili štyri čiastkové ciele, ktoré mali za úlohu identifikovať riziká súvisiace s výkonom trestu odňatia slobody, identifikovať dynamické riziká vo vzťahu k recidíve, identifikovať význam penitenciárnej starostlivosti vo vzťahu k recidíve odsúdených, a v neposlednom rade identifikovať význam postpenitenciárnej starostlivosti vo vzťahu k recidíve odsúdených. Výskumná vzorka predstavovala odsúdených umiestnených v Nemocnici pre obvinených a odsúdených v Trenčíne. V rámci výskumu sme porovnávali odpovede respondentov z výskumu, ktorý bol realizovaný v roku 2003, kde odsúdení vykonávali trest v pôsobnosti zákona č. 59/1965 Sb. a odpovede respondentov z výskumu, ktorý sme realizovali v roku 2018. Pre účely nášho výskumu sme volili techniku výskumu štrukturovaný dotazník so zatvorenými otázkami s možnosťou presnejšie popísať odpoveď pod vybranými otázkami dotazníka. Výskum vychádzal z vopred definovaného výskumného problému: Nedostatočná výpovedná hodnota dotazníka „Hodnotenie rizika sociálneho zlyhania“. V úvodnej fáze projektu výskumu sme vypracovali SWOT analýzu existujúceho dotazníka „Hodnotenie rizika sociálneho zlyhania“. SWOT analýza predstavovala v závere výskumu východiskový nástroj pre zostavenie koncepčného návrhu dotazníka „hodnotenie rizika sociálneho zlyhania“ (Príloha E). Primárnymi údajmi pre zostavenie koncepčného návrhu boli údaje získané prostredníctvom nášho výskumu.

Prostredníctvom získaných údajov nášho výskumu sme vypracovali odporúčania pre prax. Táto časť práce poukazuje na nedostatky súčasného stavu skúmanej problematiky. Konkrétne odporúčania sme adresovali najmä odborníkom pôsobiacim v ústave na výkon trestu odňatia slobody, kde kladieme dôraz na sústavné vzdelávanie odborníkov pôsobiacich v ústave na výkon trestu odňatia slobody, taktiež odporúčame odborníkom, najmä sociálnym pracovníkom pôsobiacim v ústave na výkon trestu zúčastňovať sa projektov organizovaných Európskou spoločnosťou pre probáciu (CEP), užšiu a intenzívnejšiu spoluprácu medzi odborníkmi (sociálny pracovník, pedagóg, psychológ) pôsobiacimi v ústave na výkon trestu odňatia slobody a odborníkmi (sociálny kurátor, probačný a mediačný úradník, sociálny pracovník mimovládnej organizácie) mimo ústavu. V neposlednom rade odporúčame zriadiť expertnú skupinu v pôsobnosti Ministerstva spravodlivosti Slovenskej republiky, ktorej kompetencie by siahali do výskumnej sféry samotnej probačnej činnosti.

Dôležitým poznatkom po napísaní práce ostáva fakt, že tak ako sa mení spoločnosť, mení sa aj prístup ľudí v nej. V dnešnej dobe sa pretláča individualizmus v každej oblasti života človeka. Zabúdame, že spolupatričnosť je pre prežitie v spoločnosti veľmi dôležitá, a tak ako sa niekto vplyvom okolností dostane do ústavu na výkon trestu odňatia slobody, tak ho raz aj opustí. Humanizácia trestného systému by tak mala reflektovať aktuálne potreby odsúdených s ohľadom na ich úspešnú resocializáciu.

Zoznam použitej literatúry

BALKO, E., - FOLDEŠI, D.: 2004. *Penitenciárna pedagogika II. časť*. Bratislava: Akadémia PZ, 2004, 149 s. ISBN 80-8054-312-7.

CYHELSKÝ, L., SUČEK, E. 2009. *Základy statistiky*. Praha: Vysoká škola finanční a správní, 2009. ISBN 978-80-7408-013-5.

DISMAN, M. 2009. *Jak se vyrábí sociologická znalost*. Příručka pro uživatele. 6. dotisk 3 vyd. Praha: Karolinum, 2009. 372 s. ISBN 978-80-246-0139-7.

DRAHÝ, F., HŮRKA, J., PETRAS, M., JIŘIČKA, V.: *Hodnocení kriminogenních rizik odsouzených*. Prezentace zveřejněná v rámci III. Kriminologických dnů konaných od 19. do 20. ledna 2015 v Hradci Králové. Dostupné na: <https://www.vscr.cz/o-nas/sarpo/ke-stazeni/>

- FÁBRY, A. 2009. *Penológia*. Bratislava: Bratislavská škola práva, 2009. 264 s. ISBN 978-80-89447-01-5.
- GAVORA, P. 1999. *Úvod do pedagogického výskumu*. Bratislava: UK, 1999. 207 s. ISBN 80-223-1342-4.
- HRADISKÁ, E. 2004. In: SOLLÁROVÁ E. – KOLLÁRIK, T. A kol: *Metódy sociálnopsychologickej praxe*. Bratislava: Ikar, 2004. 264 s. ISBN 80-5510-765-3.
- HEJDIŠ, M. 2011. *Etika sociálneho zaobchádzania v režime obmedzenia osobnej slobody*. In: Prohuman, 2011. Dostupné na internete: <http://www.prohuman.sk/socialna-praca/etika-socialneho-zaobchadzania-v-rezime-obmedzenia-osobnej-slobody>.
- HENDL, J. 2005. *Kvalitatívny výskum: Základní metody a aplikace*. 1 vyd. Praha: Portál, 2005. 408 s. ISBN 978-80-7367-485-4.
- JUSTOVÁ, M. 2005. *Cisár je nahý. Represia verzus prevýchova*. Bratislava: Vydavateľstvo Oto Németh, 2005. 119 s. Isbn 80-88-949-79-3.
- KOZOŇ, A.: 2006. *Špecifiká zaobchádzania s odsúdenými vo väzení*. Trnava: 2006. ISBN 80-969455-8-0.
- LOUČKOVÁ, I. 2010. *Integrovaný prístup v sociálne viednym výskumu*. Praha: Slon, 2010. 196 s. ISBN 978-80-7419-001-8.
- MAGDOLENOVÁ, J. 2007. *Empirické metódy rozhodovania v manažmente*. Dostupné..na..internet: <http://dspace.upce.cz/bitstream/handle/10195/32318/CL662.pdf?sequence=1>
- ONDREJKOVIČ, P. 2007. *Úvod do metodológie spoločenskovedného výskumu*. Bratislava: Veda, 2007. 140 s. ISBN 80-224-40970-4.
- PAPŘOKOVÁ, A. 2012. *Techniky sociologického výskumu*. Ostrava: VŠB-TU Ostrava. 2012. 107 str. ISBN 978-80-248-2931-9.
- PAPŠO, P. 2016. *Prevenia recidívy trestnej činnosti prostredníctvom postpenitenciárnej starostlivosti*. In: Prohuman: Vedecko-odborný interdisciplinárny recenzovaný časopis. Dostupné na: <https://www.prohuman.sk/socialna-praca/prevenia-recidivy-trestnej-cinnosti-prostrednictvom-postpenitenciarnej-starostlivosti>
- PETRAS. M., BIEDERMANOVÁ, E., HŮRKA, J.: *Risk/Need Assessment – Nový metodologický nástroj?* In: České vězeňství. 2006, 5, str. 11-13. Praha, Vězenská služba ČR. Dostupné na: <https://www.vscr.cz/wp-content/uploads/2017/03/cv05-2006.pdf>
- RIMARČÍK, M. 2007. *Štatistika pre prax*. ISBN 978-80-969813-1-1.
- SILVERMAN, D. 2005. *Ako robiť kvalitatívny výskum*. Bratislava: Ikar, 2005. 327 s. ISBN 80-551-0904-4.
- SOCHUREK, J. 2007. *Úvod do penologie*. 1. Vyd. Liberec: TU, 2007. 80 s. ISBN 978-80-7372-287-6.
- ŠIFT, P. 2005. *Nový zákon upravujúci výkon trestu odňatia slobody*. Dostupné na: <http://www.epi.sk/odborny-clanok/Novy-zakon-upravujuci-vykon-trestu-odnatia-slobody.htm>
- ŠVEC, Š. 1997. *Metodológia vied o výchove*. Bratislava: Iris. 1997. 300 s. ISBN 80-8877-873-5.

Štandardné minimálne pravidlá pre zaobchádzanie s väzňami. Schválené Hospodárskou a sociálnou radou OSN, 1995.

ÚVVaÚVTOS-97/21-2014. Ústavný poriadok pre odsúdených. 2014. Ústavný poriadok pre odsúdených v Ústave na výkon väzby a Ústave na výkon trestu odňatia slobody Banská Bystrica. Banská Bystrica. 2014.

Vyhláška MS SR č. 368/2008 ktorou sa vydáva Poriadok o výkone trestu odňatia slobody

Zákon č. 59/1965 Zb. o výkone trestu odňatia slobody, ako vyplýva zo zmien a doplnení vykonaných zákonom č. 173/1968 Zb., zákonom č. 100/1970 Zb., zákonom č. 47/1973 Zb., zákonom č. 179/1990 Zb., zákonom č. 79/1992 Zb., zákonom č. 296/1993 Z. z., zákonom č. 33/1994 Z. z. a zákonom č. 451/2002 Z. z.

Zákon NR SR č. 300/2005 Z. z. Trestný zákon

Zákon NR SR č. 305/2005 Z. z. o sociálnoprávnej ochrane detí a sociálnej kuratele

Zákon NR SR č. 475/2005 Z. z. o výkone trestu odňatia slobody a o zmene a doplnení niektorých zákonov v znení neskorších predpisov

Zákon NR SR č. 93/2008 Z. z. ktorým sa mení a dopĺňa zákon č. 475/2005 Z. z. o výkone trestu odňatia slobody a o zmene a doplnení niektorých zákonov

Zákon NR SR č. 370/2013 Z. z. ktorým sa mení a dopĺňa zákon č. 475/2005 Z. z. o výkone trestu odňatia slobody a o zmene a doplnení niektorých zákonov v znení neskorších predpisov

Zákon NR SR č. 68/2014 Z. z. úplné znenie zákona č. 475/2005 Z. z. o výkone trestu odňatia slobody a o zmene a doplnení niektorých zákonov, ako vplýva zo zmien a doplnení vykonaných zákonom č. 93/2008 Z. z., zákonom č. 498/2008 Z. z., zákonom č. 461/2012 Z. z. a zákonom č. 370/2013 Z. z.

ZNÁŠIKOVÁ, E. 1993. *Penitenciárne zaobchádzanie, jeho východiská, ciele, obsah, prostriedky a metódy.* Interný materiál Zboru väzenskej a justičnej stráže. 1993

Zbierka rozkazov generálneho riaditeľa Zboru väzenskej a justičnej stráže. Rozkaz č. 33 o zaobchádzaní s obvinenými a odsúdenými. 2012

Zbierka rozkazov generálneho riaditeľa Zboru väzenskej a justičnej stráže. Rozkaz č. 45 o zriaďovaní a činnosti špecializovaných oddielov. 2006

Zbierka rozkazov generálneho riaditeľa Zboru väzenskej a justičnej stráže. Rozkaz č.

66/2015 o sociálnej práci vo výkone väzby a výkone trestu odňatia slobody.

Corresponding author:

Mgr. Martina Oravcová, PhD.

Vysoká škola zdravotníctva a sociálnej práce sv. Alžbety

E-mail: m.oravcova@gmail.com

ОБЪЕКТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ: ПРИЗНАКИ И РАЗНОВИДНОСТИ

Ирина Бандурка

В статье рассмотрены общие признаки объекта преступления и его разновидности. Отмечено, что у объекта охраны в соответствии с Уголовным кодексом Украины имеются общественные отношения, в частности, права и свободы человека и гражданина, его здоровье, честь и достоинство, общественный порядок и общественная безопасность. Единственным и реальным основанием уголовной ответственности является наличие в действиях лица общественной опасности, которая включает в себя состав преступления, то есть совокупности признаков (объективных и субъективных), определяющие совершенное общественно опасное деяние как преступление, предусмотренное Уголовным кодексом Украины. Общим объектом преступного посягательства определяют все общественные отношения, которые поставлены под охрану уголовного законодательства, но нормы уголовного права направлены на защиту только тех общественных отношений, причинение вреда которым способно нанести существенный вред интересам общества в целом. Итак объектом преступления являются не все и не любые общественные отношения, а только те, которые охраняются уголовным законодательством. Значение общего объекта преступления, прежде всего помогает в определении круга наиболее важных общественных отношений, благ и интересов общества, которые находятся под уголовно-правовой защитой. Определение объектов преступления способствует установлению тождества и однородности общественных отношений, охраняемых законом в той или иной сфере общественных отношений, что позволяет классификации всех преступлений и уголовно-правовых норм, устанавливающих ответственность за их совершение. Непосредственный объект преступления проявляется через те конкретные общественные отношения, поставленных законодательством под охрану определенной статьи Особенной части Уголовного кодекса Украины, которым наносится вред посягательствами, что подпадает под признаки уголовного преступления. Разновидностью непосредственного объекта является видовой. Видовой объект -- это такой объект преступления, на которое посягают все преступления отдельного вида (убийства, похищения, дезертирство, взяточничество и т.д.). Видовой, родовой и общий объекты испытывают вреда только в той части, в которой урон наносится непосредственному объекту. Основным непосредственным объектом являются те общественные отношения, которые, прежде всего, стремились поставить под охрану законодатель, принимая закон об уголовной ответственности.

Ключевые слова: объект преступления, состав преступления, уголовное посягательство, уголовная ответственность, общественные отношения, субъекты (участники) общественных отношений.

The article discusses key features associated with the Criminal Code of Ukraine. It is emphasized that the object of protection under the Criminal Code of Ukraine is public relations, in particular, the rights and freedoms of persons and citizens, their health, honor and dignity, public order and public safety. The basis for criminal liability is the presence in the actions of a person of public danger, which includes the crime, i.e. a set of features (objective and subjective) that define the committed socially dangerous act as a crime under the Criminal Code of Ukraine. The general object of criminal encroachment is defined as all social relations that are protected by criminal law, but the rules of criminal law are aimed at protecting only those public relations, the harm of which can cause significant harm to the interests of society as a whole. Thus, the object of the crime is not all public relations, but only those that are protected by criminal law. The significance of the common object of the crime, first of all, helps to determine the range of the most important public relations, benefits and interests of society, which are under criminal law protection. The definition of objects of crime helps to establish the identity and homogeneity of public relations, protected by law in a particular area of public relations, which allows the classification of all crimes and criminal law, which establishes responsibility for their commission. The direct object of the crime is revealed through those specific social relations, which are placed by law under the protection of the Special Part of the Criminal Code of Ukraine, and which are harmed by encroachments that fall under the criminal structure of the crime. A type of direct object is a species. A specific object is an object of crime that is encroached upon by all crimes of a particular

type (murder, abduction, desertion, bribery, etc.). Species, generic and general objects are damaged only in the part where the damage is given to the direct object. The main direct object is public relations, which, first of all, the legislator sought to protect under the law on criminal liability.

Key words: *object of crime, corpus delicti, criminal encroachment, criminal liability, public relations, subjects (participants) of public relations.*

Постановка проблемы

Наиболее важные общественные отношения охраняются законом с помощью уголовного права. За посягательство на определенные общественные отношения установлена уголовная ответственность. Конкретные общественные отношения, охраняемые уголовным законом, против которых прямо или косвенно направлено одно или несколько посягательств в уголовном праве определяется как объект преступления. Круг общественных отношений, охраняемых уголовным правом постоянно меняется в зависимости от их значимости и важности для общественной жизни, что объясняется потребностями защиты прав и свобод человека и гражданина, законных интересов общества и государства. В процессе развития общества постоянно возникают новые объекты криминальных посягательств, что требует дополнительного исследования категории – объекта преступления. Объектом преступления считается уголовно-правовая категория, которая используется для обозначения общественных институтов, которым нанесен ущерб в результате совершения уголовного противоправного действия (бездействия) [1].

Уголовный кодекс Украины имеет своей задачей правовое обеспечение охраны прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности, окружающей среды, конституционного строя Украины от преступных посягательств, обеспечение мира и безопасности человечества, а также предупреждение преступлений. Для осуществления этой задачи Уголовный кодекс Украины определяет, какие общественно опасные деяния являются преступлениями и какие наказания применяются к лицам, их совершившим (ст. 1 УК Украины)) [1].

Состояние исследования

Объект преступления, как отдельная категория преступления, исследовался Литвиновым А.М., Гладковой Е.А., Харченко В.Б., Емельяновым В.П.

Объекты преступления в отдельных видах преступлений исследовали В. Беленко (преступления против авторитета органов государственной власти), Р. Мовчан (умышленное уничтожение имущества), Е. Шевченко (преступления с производными последствиями в уголовном праве), В. Антипов (умышленное уничтожение или повреждение объектов жилищно-коммунального хозяйства), В. Кузнецов (компьютерная кража), М. Мазур (интегративный подход к определению объекта преступления и объекта правопорядка) и другие.

Разнообразие признаков объектов преступления, несмотря на то, что в украинском праве они уже неоднократно рассматривались, обуславливает необходимость дополнительной характеристики признаков и разновидностей объекта преступления.

Целью и задачей статьи является на основе анализа различных научных позиций определить основные характеристики признаков состава преступления и его разновидностей, охарактеризовать общественные отношения посягательства законом определены как преступление.

Изложение основного материала

Объектом охраны, согласно УК Украины, является охрана общественных отношений, в частности, права и свободы человека и гражданина, собственность, общественный порядок и общественная безопасность, окружающая среда, конституционный строй Украины, мир и безопасность человечества.

Единственной и действительным основанием уголовной ответственности является наличие в действиях лица общественной опасности, которая включает в себя состав преступления, то есть совокупность признаков (объективных и субъективных), определяющие совершенное общественно опасное деяние как преступление, предусмотренное Уголовным кодексом Украины.

Таковыми признаками преступления является объект и объективная сторона, субъект и субъективная сторона. Объектом преступления выступают общественные отношения, которые перечислены в ст.1 УК Украины и охраняются законом и которым противоправными деяниями причинен вред. Без объекта преступления нет состава преступления.

Неотъемлемым фактором в практическом применении норм уголовного права является правильность квалификации того или иного преступления. Учитывая это в теории уголовного права возник своеобразный аппарат – состав преступления, на основе которого построена конструкция норм Особенной части Уголовного Кодекса Украины. С помощью состава преступления становится возможным отнесение отдельных действий по соответствующим признакам к отдельным видам уголовных преступлений, структурирование видов преступлений, квалификация действий и решения других практических вопросов.

Впервые термин «состав преступления» (*corpus delicti*) применил в 1591 году известный итальянский криминалист Фаринаций) [2]. Однако долгое время это понятие использовалось не как уголовно-правовое, а как уголовно-процессуальное и криминалистическое. В XVI-XVII веке под ним понимались различные следы преступления, которые оставались после его совершения: труп, орудие убийства, следы преступления и др. – все то, что давало основания утверждать о наличии преступного деяния. Лишь в конце XVII – начале XVIII века понятие *corpus delicti* постепенно стало входить в понятийный аппарат материального уголовного права. В отечественной уголовно-правовой литературе оно вошло в понятийный аппарат во второй половине XIX – начале XX века) [3].

В научной литературе, состав преступления определяют как совокупность установленных в уголовном законе юридических признаков (объективных и субъективных), что определяют совершенное общественно опасное деяние как преступное [4].

В каждом составе преступления выделяют его элементы. Ими являются: объект преступления, объективная сторона преступления (их совокупность называют объективными признаками состава), субъект и субъективная сторона преступления (они в совокупности называются субъективными признаками состава). В своем единстве эти объективные и субъективные признаки и образуют состав преступления.

Объект преступления является чрезвычайно важным, хотя и юридически равнозначным обязательным элементом состава какого-либо уголовно противоправного и общественно опасного деяния. Теоретический аспект объекта преступления детально разработанный в юридической науке, однако до сих пор ведётся много дискуссий относительно его определения.

Значение общественных отношений, как правоохранительных интересов и, как объекта уголовного посягательства подчеркивал известный российский юрист М.С. Таганцев (1843-1923) еще в 1902 году писал: «Таковыми правоохранительными интересами могут быть: личность и ее блага-жизни, телесная неприкосновенность, личные чувства, честь, владение или пользование известными предметами внешнего мира; внешнее проявление личности, свобода передвижения и деятельности в ее различных сферах; возникшие в силу такой деятельности различные отношения или положение, их неизменность, незыблемость; различные блага, составляющие общественный достаток и т.п.

Эти интересы могут принадлежать отдельному лицу, физическому или юридическому или отдельным сообществам, существующим в государстве, или всей совокупности общественных факторов, всему обществу, или, наконец государству как юридически организованном целом. Правоохранительная может относиться как к самому интересу, защищая его непосредственно от разрушения, уничтожения или изменения, или охрана может быть направлена на юридическое отношение лица к такому благо-охране возможности и свободы владений, распоряжаться или пользоваться таким благом или интересом [5].

Н.Ф. Кузнецова и И.М. Тяжкова определяют объект преступления – как охраняемые уголовно-правовым законом социально значимые ценности, интересы, блага, на которые посягает лицо

совершая преступление, и в результате совершения преступного деяния прекращается или может быть причинен существенный вред [6].

Самой распространенной и общепринятой является точка зрения, что объектом преступления являются охраняемые уголовным законом общественные отношения. В советской уголовно-правовой науке на протяжении всего исторического периода существования СССР (1992-1991) господствовала точка зрения об объекте преступления, которая была сформулирована еще в 1924 г. А.А.Пионтковский в одном из первых советских учебников по уголовному праву.

Он в частности отмечал, что «исходя из общего учения о преступлении объектом любого преступного деяния следует считать общественные отношения, охраняемые всем аппаратом уголовно-правового принуждения» [7].

В.Я. Горбачевский отмечает, что объектом преступления являются общественные отношения, которые находятся под охраной уголовного закона, на которые посягает преступление, которым причиняется или которые ставятся под угрозу причинения общественно опасного вреда [8].

Такого же мнения придерживается профессор Коржанский М.И. (Объектом преступления в уголовном праве являются общественные отношения, охраняемые законом от преступных посягательств) [9].

Мельник Н.И. и Клименко В.А. также считают, что объектом преступления являются общественные отношения между людьми, которые существуют в обществе и охраняются нормами уголовного законодательства [10].

Однако нельзя полностью согласиться с вышеупомянутыми выводами о понятии объекта преступления. Такой подход к этой проблеме несколько недооценивает значение человека в сфере социальной жизни, которая признана Конституцией Украины наивысшей социальной ценностью, а его права, свободы и их гарантии должны определять содержание и направленность деятельности государства [11].

Более точной является теория А.Н. Трайнина, по мнению которого объектом посягательства в его конкретном жизненном воплощении могут быть, как материальные, так и нематериальные ценности – политические, моральные, культурные и другие [12].

Сторонники этой теории определения объекта преступления считают, что ценности – это то, что имеет существенное значение для человека и общества в целом, поэтому они охраняются нормами различных отраслей права, а важнейшие из них берет под защиту уголовное законодательство. Какое – либо преступное деяние, направленное против этих важнейших ценностей, создает угрозу вызвать или вызывает им вред, поэтому они являются объектом преступления. Итак по их мнению объект, как элемент состава преступления – это ценности, охраняемые уголовным законом, против которых направлено преступное деяние и которым оно может причинить или причиняет вред [13].

П. С. Матышевским высказана еще одна точка зрения, согласно которой в качестве объекта преступления, кроме общественных отношений, выступают и личные блага человека (жизнь, здоровье, физическая неприкосновенность, честь, достоинство) Следует отметить, что эта точка зрения заслуживает полной поддержки, поскольку указанные блага – это природные ценности, существование которых не зависят от общества и государства, а могут ими только охраняться [3].

Существует также позиция, согласно которой объектом преступления является только человек. Например, Г.П. Новоселов отмечает, что преступление причиняет или угрожает причинить вред не то (благам, нормам права, отношениям и т.д.), а кому-то и, соответственно, как объект преступления нужно рассматривать не то, а кого-то [14].

Однако данная точка зрения не получила поддержки в уголовно – правовой науке, поскольку такое понимание объекта преступления противоречит законодательству, не разграничивает понятия объекта и предмета преступления и др...

Несмотря на то, что большинство ученых определяют объектом преступления общественные отношения, необходимо все же проанализировать данную категорию. Общественные отношения – это специфические взаимодействия, которые урегулированы различными социальными нормами. Общественные отношения возникают между двумя и более людьми, которые играют определенную

социальную роль, имеют какую-то социальную позицию. Возникают они также и между группами людей, между человеком и группой.

Предметом (объектом) общественных отношений всегда есть то, по поводу (относительно) чего возникает общественное отношение. Как предмет (объект) общественного отношения могут выступать те или иные явления внешнего мира, предметы, которые являются продуктом человеческой деятельности и имеют соответствующую ценность (как в денежном так и не в денежном определении). Предмет преступления – это часть объекта преступления, тот его элемент, воздействуя на который преступник наносит вред тем или иным общественным отношениям.

Учитывая изложенное, по мнению автора, объект преступления – это те общественные отношения, ценности, материальные и нематериальные блага на которые посягает преступление, нанося определенный ущерб, и которые охраняются уголовным законодательством.

Несмотря на то, что общественные отношения, на которые посягают преступления и которые являются объектами таких преступлений, очень разнообразные, в уголовно – правовой науке сформировалась определенная классификация этих объектов. Такая классификация необходима, так как она способствует более полному раскрытию сущности и значимости объектов преступления.

Найбільш поширеною класифікацією об'єктів є, так звана «вертикальна» класифікація, яка розрізняє об'єкти загальні, родові і безпосередні.

Традиционно общим объектом называют все общественные отношения, которые поставлены под охрану уголовного законодательства. Однако, это не означает, что уголовное право охраняет все без исключения общественные отношения.

Нормы уголовного права направлены на защиту только тех общественных отношений, причинение вреда которым способно нанести существенный вред интересам общества в целом. Итак, объектом преступления являются не все и не любые общественные отношения, а только те, которые охраняются уголовным правом [15].

Однако, как отмечает П.С. Мартишевский и Е. В. Фесенко, практически вся совокупность общественных отношений не может быть объектом преступления. По сути, это объект уголовно-правовой охраны, не следует отождествлять с понятием объекта преступления. Итак, для введения так называемого общего объекта в «вертикальную» классификацию объектов преступлений нет оснований. Эта классификация, по их мнению, содержит лишь два вида объектов – родовой и непосредственный [16].

Очевидно, что такая категоричность относительно отрицания наличия оснований для введения общего объекта в «вертикальную» классификацию необоснованная. Поскольку такой объект объединяет исчерпывающий круг общественных отношений, взятых под охрану уголовного закона. Если же те или иные отношения не приняты под такую охрану, то причинения им вреда не является преступлением. Общий объект позволяет раскрыть социально-политическую сущность, общественную опасность преступления. Он иногда помогает отделить преступление от неправомерного поведения [13].

Как считает В.Я. Таций, отказ от трехступенчатой классификации не желателен потому, что на ней построена система Особенной части уголовного законодательства. «Трехступенчатого разделения – Особенная часть – глава Особенной части – состав преступления – отвечает и трехступенчатое разделение объекта уголовно-правовой охраны: общий объект – родовой объект – непосредственный объект. Самое главное же заключается в том, что предложенная система классификации соответствует потребностям практики, логическая, ведь она основана на соотношении философских категорий общего особенного и отдельного» [17].

Значение общего объекта преступления прежде всего помогает в определении круга наиболее важных общественных отношений, благ и интересов общества, охраняемых уголовным законодательством.

Следующим элементом в вертикальной системе объектов является родовой объект преступления. Научная литература, в большинстве случаев, предлагает определение родового объекта, как группы однородных, тождественных по своим характеристикам объектов, охраняемых единственной группой уголовно-правовых норм и находятся между собой в соответствующем соподчинении [3].

Родовой объект представляет собой менее высокий (усредненный) уровень обобщенности общественных отношений, охраняемые уголовным законом. Группировка общественных отношений осуществляется не произвольно, а на основании объективно существующих критериев, обговаривают их тождество или однородность. Такими критериями являются различные элементы общественных отношений, которые охраняются, их социальное предназначения в них (субъекты или предметы отношений, содержание и особенность социальной связи). Основой же такой классификации общественных отношений справедливо признается та или иная сфера государственной или общественной жизни. Поэтому родовыми объектами следует признавать отношения собственности, систему хозяйствования, отношения, обеспечивающие надлежащий общественный порядок и нравственность и прочее.

Неслучайно, что родовой объект преступлений чаще всего отмечается в названии раздела Особенной части УК. Например, раздел VII назван «Преступления в сфере хозяйственной деятельности». Родовым объектом выступают именно эти общественные отношения, то есть такое их состояние, которое обеспечивает установленный в государстве порядок хозяйствования.

Однако некоторые авторы обращают внимание на мнимый характер родового объекта. Например И.П. Лановенко и Г. И. Чангули замечали, что некоторые авторы высказывают сомнения в целесообразности и даже правильности его определения, так как родовой объект преступления, это абстракция которую знает закон [18].

По мнению автора данной статьи, родовой объект преступления все же имеет значение для практики уголовного права. Он позволяет провести классификацию всех преступлений и уголовно-правовых норм, устанавливающих ответственность за их совершение. Это свойство было положено в основу построения Особенной части Уголовного кодекса, правильно объединив в пределах одного раздела кодекса нормы, в которых устанавливается ответственность за посягательство на тождественные или однородные общественные отношения. Так, к разделу VI Особой части УК Украины «Преступления против собственности» включены нормы, которые устанавливают ответственность за преступные посягательства на те общественные отношения, которые призваны обеспечить неприкосновенность собственности. В раздел XVIII Особенной части УК «Преступления против правосудия» включены нормы об ответственности за посягательство на существующую в нашем государстве систему правосудия. Третьим видом является непосредственный объект преступления. Под ним следует понимать те конкретные общественные отношения, которые поставлены законодателем под охрану определенной статьи Особенной части УК и каким наносится вред преступлением, подпадающим под признаки конкретного состава преступления [4].

Правильное определение непосредственного объекта дает возможность установить круг субъектов отношений, охраняемых пределы преступного и не преступного поведения, правильно сформировать состав преступления, квалифицировать по существующей статье Особенной части, определить степень общественной опасности посягательства на охраняемые законом общественные отношения, размер наказания и прочее [19].

Как и посягательство на жизнь (собственность и т. п.), что определено законом, является не конкретным, а видовым посягательством, так и объект этого вида посягательства вообще (жизнь, собственность и т. д.) является видовым, а не непосредственным. Если мы говорим, что объектом убийства является жизнь человека, то мы не имеем в виду конкретное убийство и не имеем в виду жизнь отдельного конкретного определенного человека. Здесь используется видовое понятие убийства и видовое понятие жизни. В таком употреблении жизнь означает не отдельные общественные отношения по обеспечению жизни, а все аналогичные общественные отношения как отдельный их вид. Но не сложно увидеть, что ни одно убийство не направлено именно на лишение жизни как вида общественных отношений, то есть на лишение жизни всего человечества. Убийство непосредственно направленное на лишение жизни одного человека (в редких случаях нескольких лиц), жизнь которой и выступает непосредственным объектом посягательства. На тот объект, который в существующей классификации называется непосредственным, преступление напрямую не посягает. Этот объект является видовым, на вид объекта посягают вообще все преступления одного даного вида [9].

Видовым объектом является, таким образом, тот объект, на который посягают все преступления отдельного вида (убийства, похищения, дезертирства, взяточничества и т. п.). Непосредственный объект – это уже нарушены общественные отношения, то есть объект, который уже изменился

отдельным конкретным преступлением или какой находится в условиях реальной опасности. В отличие от общего, родового, видового объектов, которым ущерб непосредственного преступления не причиняется, ущерб от преступления всегда терпит непосредственный объект. На уровне видового, родового и общего объектов общественный вред причиняется только благодаря повреждению или угрозе повреждения непосредственного объекта. Видовой, родовой и общий объекты страдают только в той части, в которой вред причиняется непосредственному объекту. При этом в конкретном своем проявлении отдельные общественные отношения, как непосредственный объект, повреждаются преступлением или даже уничтожаются, аннулируются совсем. Видовой объект может быть поврежденным лишь в единичных своих проявлениях, но не может быть аннулирован, поскольку невозможно совсем уничтожить преступным путем отношения данного вида, например, отношения собственности, жизни, здоровья людей и другие общественные отношения как таковые [9].

В теории уголовного права широко известна также и классификация непосредственных объектов преступлений «по горизонтали». Сущность этой классификации заключается в том, что на уровне непосредственного объекта выделяют основной (главный) и дополнительный объекты. Необходимость такой классификации возникает тогда, когда одно и тот же преступление одновременно наносит ущерб нескольким общественным отношениям. Например, при разбое – ст. 187, – страдает собственность и жизнь или здоровье человека; при превышении власти или служебных полномочий, если оно сопровождалось насилием над личностью – ч. 2 ст. 365 – объектами выступают отношения собственности и лицо пострадавшего.

Так, например Е.А. Фролов считает целесообразным различать среди нескольких непосредственных объектов, которые одновременно нарушают преступление, основной, дополнительные и факультативные объекты [20].

Распределение объектов на главные и дополнительные Д. Н. Розенберг предложил еще в 1947 году. Правда, следует отметить, что Д. Н. Розенберг ошибочно считал посягательство на отношения собственности посягательством на единый непосредственный объект. Исключение Д. Н. Розенберг делал только для разбоя. Однако нетрудно обнаружить, что на два и более объектов претендует не только разбой, но и насильственный грабеж, вимагательство (собственность, лицо), уничтожение или повреждение имущества (собственность, общественный порядок, общественная безопасность) и другие преступления [21].

И так, основной объект следует понимать как общественные отношения, тот интерес, который законодатель, создавая норму, пытался поставить под охрану уголовного закона в данном случае. Дополнительные объекты, общественные отношения, которые, заслуживая в определенном аспекте самостоятельной охраны в отношении целей и задач создания данной нормы, защищаются уголовным законом лишь косвенно, то есть поскольку эти отношения обязательно ставятся в опасность причинения вреда при совершении посягательства на основной непосредственный объект. Факультативный объект – это такие общественные отношения, которые, нуждаясь в других случаях и самостоятельной уголовно-правовой охраны, во время совершения данного преступления может попасть в опасность причинения вреда, однако совсем не обязательно [9].

Несколько иную классификацию предлагает М.И. Бажанов. Он разделяет основной непосредственный и дополнительный непосредственный объекты. В свою очередь, последний разделяет на дополнительные обязанности и дополнительный факультативный объекты.

Дополнительный обязательный объект – это такой объект, который в данном составе преступления страдает всегда, в любом случае совершения определенного преступления. Этому объекту, как и основному, всегда причиняется вред в результате совершения преступления. Так, в составе разбоя основным непосредственным объектом является собственность, а дополнительным – жизнь или здоровье человека. Дополнительный факультативный объект – это такой объект, который при совершении определенного преступления может существовать рядом с основным, а может отсутствовать (например, отношения собственности и здоровья граждан при хулиганстве). Установление того, что в результате полного преступного посягательства причинен ущерб также и факультативному объекту, при всех прочих равных условиях, является свидетельством большей общественной безопасности совершенного деяния и должно учитываться при определении меры наказания виновному [4, с. 101].

Горизонтальная классификация объектов преступления которую предлагает М.И. Бажанов достаточно широкая и более точно конкретизирована. Что очень важно в практическом применении норм уголовного права, а также для определения социальной сущности совершенного преступления, для установления тяжести последствий, наступивших или могли наступить.

Вертикальную классификацию объектов преступления подверг критике и Б.С. Никифоров, отметив, что «предложенный в литературе трехступенчатое распределение объектов, претендует на универсальность, в действительности вполне может быть применен только к некоторым преступлениям, например, к преступлениям против личности. Что касается других составов нередко указываются только два объекта – общий, что представляется, и другой – то «специальный», или «непосредственный», то «специальный» и «непосредственный» одновременно» [22, с. 108-109].

Из этого можно сделать вывод, что во-первых общий и родовой объект устанавливаются относительно составов преступлений, которые существуют в действующем законодательстве; во-вторых реальный из всех объектов один – непосредственный или специальный, другие только предусматриваются. Рассмотрение теоретических вопросов об объекте преступления имеет важное значение для перспектив дальнейшего исследования проблем, связанных с установлением состава преступления как основания уголовной ответственности лица и приведение науки уголовного права в соответствие к современным методам урегулирования общественных отношений.

Определение объектов преступлений в соответствии с уголовным правом имеет решающее значение в разработке и реализации мер противодействия преступности, уголовно-правовой защиты общественных интересов, защиту национальной безопасности Украины. Национальную безопасность Украины [23] следует понимать как состояние защищенности жизненно важных интересов человека и гражданина, общества и государства, когда обеспечивается постоянное развитие общества, своевременное выявление, предотвращение и пресечение реальных и потенциальных угроз.

Личность и государство должны находиться в сбалансированных, гармоничных отношениях на основе взаимоуважения, гуманизма и социальной справедливости, без ограничения прав и свобод личности, но и без произвола чиновника или частного лица. Иначе возникает огромная пропасть между народом и государственной властью, глубокое отчуждение личности от государства» [24], что не будет способствовать противодействию преступности, уголовно-правовой защите интересов человека, общества, государства.

Выводы

Правильность определения состава преступления в практическом применении является неотъемлемым элементом квалификации преступления как субъект преступления, объективная и субъективная стороны состава преступления. Общественно опасное действие (бездействие) только тогда может иметь состав преступления, когда в нем есть объект посягательства, который охраняется законом. Объект преступления – это те общественные отношения, ценности, материальные и нематериальные блага на которые посягает преступление, нанося им определенный вред, и которые охватываются нормами уголовного законодательства.

Литература

1. Кримінальний кодекс України: Науково-практичний коментар/За заг. ред.. В.Т. Маляренка та В.В. Сташиса. Харків: ТОВ «Одіссей», 2004 р, ст.7.
2. Farinacius (Фаринаций) varae quastiones et communes opinionis. См. Сnacobur В. Учебник уголовного права. т.1. СПб 1863 с.89.
3. Фріс П. Л. Кримінальне право України. Загальна частина: Підручник для студентів вищих навчальних закладів / П.Л. Фріс – К.: Атіка, 2004. – 488 с.
4. Бажанов М.І. Кримінальне право України: Загальна частина: Підручник для студентів юрид. спец. вищ. закладів освіти / М.І. Бажанов, В.В. Сташис, В.Я. Тацій. – Київ – Харків: Юрінком Інтер – Право, 2002. – 416 с.

5. Русское уголовное право. Лекции: Часть общая: В 2-х т. Т. 1 / Таганцев Н.С.; Сост. и отв. ред.: Загородников Н.И. – М.: Наука, 1994. – 380 с. С.32-35
6. Курс уголовного права. Общая часть. Том 1: Учение о преступлении / Под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. М., 2002. С.209
7. Пиотковский А.А. Уголовное право. Особенная часть. Изд. второе, перераб. / Ред. проф. А.А. Герцензон и проф. А.А. Пиотковский. – М.: Юриздат НКЮ СССР, 1939. – 528 с.
8. Горбачевський В.Я. Кримінальне право України: теоретичний курс та практикум: Навчальний посібник / За заг. ред. В.Я. Горбачевського – К.: Атіка, 2005. с.51
9. Коржанський М.Й. Кримінальне право і законодавство України. Частина Загальна. Курс лекцій / За ред. М. Й. Коржанського – К.: Атіка, 2001.-С.147
10. Мельник М.І. Кримінальне право України. Загальна частина: Підручник.(Ю.В.Александров, В.І. Антипов, М. В. Володько та ін.). Вид. 3-тє, переробл. та допов./ За ред. М. І. Мельника, В. А. Клименка. - К.: Юридична думка, 2004.- С.78
11. Конституція України : прийнята на п'ятій сесії Верховної Ради України 28 червня 1996 р. — К. : Преса України, 1997. — 80 с
12. Трайнин А.Н. Общее учение о составе преступления. – М.: Госюриздат, 1957. – С.123
13. Шевчук В.В. Об'єкт злочину за кримінальним правом України / Шевчук В.В., О.В. Охман // Університетські наукові записки. – 2006. – № 2(18) – С. 234 – 239
14. Новоселов Г.П. Учение об объекте преступления. Методологические объекты. – М.: Издательство НОРМА, 2001. – С. 53.
15. Омельчук О.М. Кримінальне право України: Навч. посіб. / С. Г. Волкотруб, О. М. Омельчук, В. М. Ярін та ін.—За ред О. М. Омельчука. — К.: Наукова думка; Прецедент, 2004. — С.129
16. Матишевський П.С. Кримінальне право України. Загальна частина: Підр. / Г.В. Андрусів, П.П. Андрушко, В.В. Беньківський та ін.; П.С. Матишевського та ін. – К.: Юрінком – Інтер, 1997. – С. 129.
17. Тацій В.Я. Объект и предмет преступления в советском уголовном праве. – Х.: Вища школа, 1988. – С. 80
18. Лановенко И.П., Чангули Г.Л. Уголовно-правовая охрана трудовых прав граждан/ АН УССР. Ин-т государства и права. – Киев.: Наук. Думка, 1989. – С.13.
19. Галиакбаров Р.Р. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть/Р.Р. Галиакбаров . – Краснодар, КГАУ, 1997. – С. 141.
20. Фролов Е.А. Объект уголовно – правовой охраны и его роль в организации борьбы с посягательствами на социалистическую собственность: Дис. ...д-ра юрид. наук.- Свердловск, 1971. – С. 269 – 290
21. Розенберг Д. Н. О понятии имущественных преступлений в советском уголовном праве (объект и предмет посягательства). Ученне записки. Изд-во Харьковского юридического института, 1943. - С. 74.
22. Никифоров Б.С. Объект преступления по советскому Уголовному праву. – М.: Госюриздат, 1960. – 230 с. 108-109
23. Про основи національної безпеки України. Закон України. Відомості Верховної Ради України 2003.№ 39 ст. 351
24. О.М. Бандурка, О.М. Литвинов. Стратегія і тактика протидії злочинності. Монографія. Харків.2012 Ніка Нова ст. 35(318 ст.).

Literature

1. Criminal Code of Ukraine: Scientific and practical commentary / For the general. ed .. In T. Malyarenko and VV Stashis. Kharkiv: Odyssey LLC, 2004, p.7.

2. Farinacius (Фаринаций) varae quæstiones et communes opinionis. See Cnacobur B. Criminal Law Textbook. v.1. SPb 1863 p.89.
3. Fries P.L. Criminal law of Ukraine. General part: Textbook for students of higher educational institutions / P.L. Fries – K.: Attica, 2004. – 488 p.
4. Bazhanov M.I. Criminal law of Ukraine: General part: Textbook for law students. special higher educational institutions / M.I. Bazhanov, B.B. Stashis, V.Y. Tatsiy. – Kyiv – Kharkiv: Yurinkom Inter – Pravo, 2002. – 416 p.
5. Russian criminal law. Lectures: General part: In 2 volumes. Vol. 1 / Tagantsev N.S.; Coct. and resp. ed.: Zagorodnikov N.I. – M.: Nayka, 1994. – 380 c. P.32-35
6. Course of criminal law. The general part. Volume 1: The Doctrine of Crime / Ed. N.F. Kuznetsova, I.M. Tyazhkova. M., 2002. S.209
7. Piotkovsky A.A. Criminal law. A special part. Ed. second, reworked. / Ed. prof. A.A. Herzenzon and prof. A.A. Пионтовский. – M.: Юриздат НКЮ СССР, 1939. – 528 c.
8. Gorbachevsky V.Ya. Criminal law of Ukraine: theoretical course and workshop: Textbook / For general. ed. V.Ya. Gorbachevsky – K.: Attica, 2005. p.51
9. Korzhansky M.J. Criminal law and legislation of Ukraine. Part General. Course of lectures / Ed. M.J. Korzhansky – K.: Attica, 2001.- P.147
10. Melnik M.I. Criminal law of Ukraine. General part: Textbook. (Y.V. Alexandrov, V.I. Antipov, M.V. Volodko, etc.). Kind. 3rd, reworked. and add./ Ed. M.I. Melnyk, V.A. Klimenko.- K.: Legal Thought, 2004.- P.78
11. The Constitution of Ukraine: adopted at the fifth session of the Verkhovna Rada of Ukraine on June 28, 1996 – Kyiv: Press of Ukraine, 1997. – 80 p.
12. Trainin A.N. General doctrine of the composition of the crime. – M.: Госюриздат, 1957. – C.123
13. Shevchuk V.V. Object of crime under the criminal law of Ukraine / Shevchuk V.V., OV Ohman // University scientific notes. – 2006. – № 2 (18) – P. 234 – 239
14. Novoselov G.P. The doctrine of the object of the crime. Methodological objects. – M.: NORMA Publishing House, 2001. – P. 53.
15. Omelchuk O.M. Criminal law of Ukraine: Textbook. way. / SG Volkotrub, O.M. Omelchuk, V.M. Yarin and others. — Edited by O.M. Omelchuk. – K.: Наукова думка; Precedent, 2004. – P.129
16. Matyshevsky P.S. Criminal law of Ukraine. General part: Ed. / G.V. Andrusiv, P.P. Andrushko, V.V. Benkivsky and others; P.S. Matyshevsky and others. – K.: Yurinkom – Inter, 1997. – P. 129.
17. Tatsiy V.Ya. The object and subject of the crime in Soviet criminal law. – H.: Higher school, 1988. – P. 80
18. Lanovenko I.P., Changuli G.L. Criminal legal protection of labor rights of citizens / USSR Academy of Sciences. Inst. Of State and Law. – Kiev.: Science. Dumka, 1989. – P.13.
19. Galiakbarov R.R. Criminal law of the Russian Federation. General part / R.R. Галиакбаров. – Krasnodar, KSAU, 1997. – P. 1
20. Frolov E.A. Object of criminal – legal protection and its role in the organization of struggle against encroachments on socialist property: Dis. ... Dr. Jurid. nauk.- Sverdlovsk, 1971. – S. 269 – 290
21. Rosenberg D.N. On the concepts of property crimes in Soviet criminal law (object and subject of encroachment). Learning notes. Kharkiv Law Institute Publishing House, 1943.- P. 74.
22. Nikiforov B.S. The object of the crime under Soviet criminal law. – M.: Госюриздат, 1960. – 230 c. 108-109
23. On the foundations of national security of Ukraine. Law of Ukraine. Information of the Verkhovna Rada of Ukraine 2003. № 39 Art. 351 24. O.M. Bandurka, O.M. Litvinov. Strategy and tactics for combating crime. Monograph. Kharkiv. 2012 Nika Nova st. 35 (Art. 318).

Ирина Бандурка,
доктор юридических наук,
Харковский национальный университет внутренних дел

ПРЕДМЕТ ИНФОРМАЦИОННО СОДЕРЖАТЕЛЬНОГО ДОКАЗЫВАНИЯ

Корецкий Олег Павлович, Корецкая Виктория Виталиевна

SUBJECT OF INFORMATION PROOF OF EVIDENCE

Статья рассматривает элементы общих и специальных теорий уголовного процесса на основании континентальной правовой системы и элементов англосаксонского права. Центральное положение в системе уголовного процесса является теория доказательств и доказывания. На ее основе следователь, прокурор, судья имеет право установить обстоятельства уголовного правонарушения, вину подозреваемого на стадиях уголовного производства. Проанализировано модельные положения информационного обеспечения, доказывания, рассматриваются допустимые и недопустимые доказательства, которые должны быть установлены во время досудебного расследования. Предложены теоретические аспекты и практические решения данных вопросов.

Ключевые слова: право, процедура, механизм, доказательства, доказывание, следователь, прокурор, судья, следователи, розыскные действия.

The article considers the elements of general and special theories of criminal procedure on the basis of the continental legal system and elements of Anglo-Saxon law. The central city in the system of criminal procedure is the theory of evidence and proof, which indicates the guilt of the suspect, the establishment of the circumstances of the criminal offense at the stages of criminal proceedings. Theoretical aspects and practical solution of these issues are offered.

Key words: law, procedure, mechanism, evidence, proving, investigator, prosecutor, judge, investigative (search) actions.

Актуальность статьи заключается в определении теоретических положений уголовного процесса Украины, который построен на основе общей и специальной теории, включает в себя признаки континентальной правовой системы и элементы англосаксонского права. Центральной в системе уголовного процесса является теория доказательств и доказывания, что указывает на вину подозреваемого, установление обстоятельств уголовного правонарушения на стадиях уголовного производства и принятия и провозглашения приговора коллегиальным судом.

Целью статьи является определение теоретических положений доказательств и доказывания в ходе досудебного расследования. На основании познания обстоятельств уголовного правонарушения определить вину подозреваемого.

Новизна

Рассматриваются научные положения информационно содержательного доказывания, которые включают в себя две основные конструкции, в частности общую теорию доказывания и специальную теорию познания обстоятельств уголовного правонарушения. Первая конструкция построена на основании теоретических аспектов предмета доказывания как уголовной процессуальной деятельности.

Теоретические разработки, которые необходимо определить в данной статье должны быть основаны на теоретических положениях теории, философии права, уголовного процесса, криминалистики и других отраслевых наук.

Общая теоретическая концепция доказывания была определена в начале 1900 К.Д. Анциферовым, В.Ф. Дерюжинским, С.В. Познышевой, А.И. Тальбергом, И.Г. Щегловитовой, И.Я. Фойницким и др. [2; 24; 31]. Первые научные обоснования теории доказательств и доказывания составили общие положения института доказательств как общей теории уголовного процесса.

Дальнейшее развитие научных позиций был разработан после 1961 Р.С. Белкиным, А.И. Винтбергом, М. Миньковским, М.М. Гродзинским, Г.Ф. Горским, Л.Д. Кокаревым, А.Н. Лариной, Н.Н. Полянским, В.М. Савицким, С.М. Стаховской, М.С. Строговичем, М.А. Чельцовым, П.С. Елькин и др. [3; 8; 9; 12; 18; 25; 27; 32].

Изложение общего материала

Действующее законодательство определяет, что сторона обвинения должна принять средства, которые урегулированы процессуальным механизмом сбора, закрепления, оценки фактических данных, установленные по фактам расследования, сведениями о фактах и процессуально закреплены в качестве доказательств на стадии предварительного расследования. Положение доказательств определяется таким образом, что во время судебного разбирательства стороны, отдельная категория участников, коллегиальный суд исследуют доказательства и приходят к единому выводу, что судебные доказательства являются надлежащими, допустимыми, относящимися к предмету доказывания и указывают на вину обвиняемого. Если доказательства, установленные в суде, одной из сторон будут признаны недопустимыми, либо несоответствующими то судья вправе предложить сторонам процесса и дать возможность, с помощью консенсуса, признать доказательства допустимыми. Ст. ст. 86-88 УПК Украины регулируют данные правовые отношения таким образом, если стороны соглашаются, чтобы эти доказательства были признаны допустимыми; они подаются для доказывания того, что подозреваемый, обвиняемый действовал с определенным умыслом и мотивом или имел возможность, подготовку, знание, потребность совершения уголовного преступления; подозреваемый не мог ошибиться относительно обстоятельств, при которых он действовал; доказательства представляются стороной защиты и подозреваемым (обвиняемым), подозреваемый (обвиняемый) использовал доказательства для дискредитации участников уголовного производства.

Доказательства определенной привычки или обычной деловой практики подозреваемого, обвиняемого являются допустимыми для доказательства того, что определенное уголовное преступление согласовывалось с этой привычкой. После согласования сторонами о допустимости доказательств судья имеет процессуальные полномочия исключить недопустимые доказательства по отдельным положениям обвинения.

Если доказательства предоставлены стороной публичного обвинения, не нашли своего выражения в ходе судебного разбирательства, то государственный обвинитель может признать, что предъявленное обвинение не подтверждается и имеет право отказаться от поддержания публичного обвинения. Он должен изложить мотивы отказа в своем процессуальном решении и приобщить ее к материалам судебного рассмотрения уголовного производства. Копия постановления предоставляется обвиняемому, его защитнику, потерпевшему и законным представителям. В случае отказа прокурора от поддержания государственного обвинения в суде председательствующий разъясняет потерпевшему его право поддерживать обвинение в суде. Если пострадавший выразил согласие на поддержание обвинения, председательствующий предоставляет ему время, необходимое для подготовки к продолжению судебного разбирательства. Потерпевший, который согласился поддерживать обвинение в суде, пользуется всеми правами стороны обвинения в ходе судебного разбирательства.

С.А. Альперт, Р.С. Белкин, А. И. Винберг, А.Р. Белкин, В. В. Вапнярчук, Л.Е. Владимиров, Ю. Грошевой, А.В. Каплина, Л. Лобойко, Е.В. Селина, А. Г. Шило и др. определяли допустимость, принадлежность, недопустимость доказательств в уголовном процессе. Методологической основой данной концепции является философская теория познания и ее составляющая - теория отпечатков [1, 3, 4, 5, 6; 7, 8; 10, 13]. И.В. Басиста, В.И. Галаган, Ж.В. Удовенко, М.П. Кузнецов, С.М. Стаховская, А.Г. Шило и др. были единственные в своих теоретических подходах. Они считали, что основа концепции включает в себя информационно-коммуникативную модель взаимодействия участников досудебного расследования и судебного производства [7; 13; 17; 27].

В.М. Тертишник писал, что установление объективной истины в уголовном процессе освещает основные методологические проблемы теории доказательств, а именно истина во время досудебного и судебного производства должна быть установлена только на основании проверенных и оцененных в совокупности всех доказательств. Доказательства должны быть установлены на основании процессуальной процедуры и порядка их фиксации. Основным процессуальным положением должна быть процессуальная форма досудебного расследования и судебного разбирательства. В структуре доказывания неизменно присутствуют гносеологические элементы, связанные с выяснением информации, ее процессуальной фиксации. Особое значение имеют коммуникативные аспекты, на основании которых проводится процессуальное фиксирование и перенос информации из пространства, места происшествия в протокол следственного (розыскного) действия. Достоверные фактические данные должны быть обоснованными и определены в логическом процессе доказывания истины [29, с. 67-72].

Третья концепция доказывания была разработана В.П. Гмырко, В.М. Ищенко, Е.Д. Лукьянчиковым, В.М. Стратоновым и др. [11; 20; 28]. За основу было положено познавательное - практическую, правовую, логико - психологическую деятельность участников уголовного производства. Методологической основой этой концепции является теория познания, аргументации, интерпретации и системно аналитической деятельности участников уголовного производства. Познание состоит из двух конструкций. Первая предполагает познание на основании субъективного определения с помощью чувства. Сюда можно отнести интуицию как отдельный вид познания и способность непосредственного логично обосновать доказательства. Вторая указывает на рациональное познание, осуществляемое на основании знания и ума. Основным механизмом рационального познания являются сравнение, обобщение, отвлечение. Знание есть единством чувства и рационального познания действительности. Знание не может обойтись без рациональных данных опыта и интеллектуального развития.

Философия определяет виды знания: жизненное, которое имеет эмпирическое содержание; научное знание, которые определяют понятие как в действительности, так и в прошлом. Основа познания является практическим знанием. Оно имеет несколько отражений, в частности художественное отображение мира; рациональный подход к логическим категориям

иррациональное знание, которое строится на эмоциях, интуиции; личное знание, которое имеет только конкретный участник интеллектуальной собственности.

С.И. Викторский, Л.Е. Владимиров и др. предоставили основу теоретической концепции, а именно метода математического моделирования, который отражает степень достоверности установления доказательств. Судья на стадии судебного разбирательства получает вероятное доказательство (probable evidence), процессуальную информацию и должен проверить ее с участием сторон процесса. Только после беспристрастной, тщательной проверки и оценки судебных доказательств он имеет право принять и объявить приговор [5, с.120].

М.А. Чельцов раскрыл теоретическое содержание доказательств как предмета материального мира, с помощью которых следователь, прокурор, суд должны их оценить по внутреннему убеждению. При этом внутреннее убеждение должно основываться на всестороннем, полном, беспристрастном исследовании всех обстоятельств уголовного производства. Следователь, прокурор, судья, руководствуясь законом, должны оценить каждое доказательство с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а совокупность собранных доказательств - с точки зрения достаточности и взаимосвязи для принятия соответствующего процессуального решения. Ни одно доказательство не имеет заранее установленной силы [32, с. 137-138].

В.М. Стратонов, раскрывая содержание данной концепции, приводит свои теоретические рассуждения, которые можно определить в следующем, в частности познавательную деятельность можно определить в виде системы научно обоснованных, проверенных на практике положений науки уголовного процессуального права. Познание нельзя сводить к одной процедурной форме в уголовном процессе. С одной стороны, при обнаружении признаков преступления следователь должен установить событие преступления на основании процесса познания. Перед органом расследования возникают задачи необходимости установления логических связей и правовых отношений. С другой стороны, следователь, прокурор, судья не в каждом случае имеют возможность выявлять правовые связи и предоставить им процессуальный вывод [28, с. 50].

Оппоненты предоставили толкования отдельных положений познания и считали, что не всегда сторона обвинения и коллегиальный суд, судья имеют процессуальную возможность установить истину на основании познания. Сторона защиты, обвиняемый в качестве участника доказывания всегда имеет больше возможностей скрыть доказательства вины, а не предоставить доказательства невинности. Закон расширяет процессуальные возможности стороны обвинения в доказывании вины обвиняемого и определяет в структуре познания возможность использования криминалистических, специализированных познаний участников уголовного судопроизводства [15].

Проблемы методологии научного познания – это практическая проблема соотношения знания и познания. Знание есть совокупность знаний в одной или других жизненных сферах, охватываемых опытом, возрастом и др. Познание можно определить как динамику абсолютной, объективной истины, устанавливаемой для каждого участника уголовного процесса. Каждый участник процесса имеет индивидуальные элементы познания. Методикой познания является поиск объективной истины. Можно выделить три уровня методологии научного познания. Первый уровень указывает, что все знания должны быть направлены на познание Вселенной. Второй - включает совокупность знаний в отдельной отрасли. Третий уровень предполагает совокупность индивидуальных знаний.

Теоретические положения познания в праве имеют специфическую ошибку, которая заключается в том, что действующее законодательство Украины связывает свое нормативное определение с отдельными принципами и нормами международного права без анализа и практики применения международных норм в действующем законе. Кроме этого, можно определить процессуальные

ошибки, существующие в основе процесса, при применении частно-научных методов познания, а именно социологического, сравнительно-правового и др.

Е.Д. Лукьянчиков, Л. Лобойко, М.М. Прохоров, В.М. Стратонов и др. считали, что следователь, прокурор, судья должны руководствоваться законами познания, логическими правилами при оценке доказательств [19; 20; 22, с. 35; 28, с. 118].

Л. Лобойко указывал, что уголовное процессуальное доказывание - это правовая деятельность, осуществляемая в логических формах. На основании логики следователь, прокурор вправе выдвинуть версии о системе юридических обстоятельств. Во время сбора, проверки и оценки доказательств по версиям следователь приходит к обоснованному, достоверному выводу о виновности подозреваемого (обвиняемого) [19, с. 39].

Г.Ф. Горский, Л.Д. Кокарев, П.С. Елькинд, Ю.М. Грошевой, М.В. Жогин, В. Танасевич, М. Миньковский, М.М. Прохоров, В.А. Коновалова, В.Ю. Шепитько и др. считают, что доказывание - это осуществляемая в установленном законом порядке деятельность по сбору, проверке и оценке доказательств, а также формулирование на этой основе тезиса об аргументации и обоснования вины подозреваемого [8, с. 37; 10, 12, с. 443; 16; 22; 33]. Н.Н. Михеенко имеет несколько иную позицию. Он определяет процесс доказывания с целью установления объективной истины и принятие на ее основе законного и справедливого решения [21].

В.П. Гмырко предоставил новый взгляд на истину в уголовном производстве, а именно "реконструкция логики исследования фундаментальных вопросов доказывания показала, что в науке отечественного уголовного процесса существует «разрыв» между деятельностным позиционированием доказывания и практикой его теоретического освоения (осмысление). Одной из таких альтернатив мероприятий является выход из системы осмысленной деятельности. Данные положения он определил как СМД методология. Расширяя методологический контекст автор предлагает определить следующие категории доказывания, которые включают в себя диспозитивные положения «правда» является «совесть»; «Истина» является «справедливость». Философский аспект истины должен быть отражен как морально-познавательный идеал. Свои выводы он выложил в тезис: кто не достигает невозможных вещей, тот никогда их не сможет достичь "[11].

Основная мысль СМД методологии заключается в теоретических положениях установления истины. Истина как критерий научного знания в философии права имеет дискуссионное содержание. Определение истины в праве до конца не раскрыта. Одинакового научного подхода не имеет и не может быть потому, что постоянно меняются научные взгляды ученых к данной категории. В попытке определить, какое знание является действительным, а какое нет, наукой были предложены критерии истины. **Выводы** можно сформулировать в следующем: внутренняя согласованность и логическая непротиворечивость знаний, по которым определяется истина. Она должна строиться на основании фундаментальных научных знаний, подтверждаться жизненным опытом и практикой. Наука предложила ее определения на основании реальной действительности. Она должна отражать предмет и его закономерности. Без проверки теории практикой теоретические положения нельзя считать научными.

Литература

1. Альперт С. А. Кримінально-процесуальні функції : поняття, система, суб'єкти / С.А. Альперт // - Х. : Основа, 1995. - 120 с.
2. Анциферов К. Д. Обвинительное начало и английский процесс / К. Д. Анциферов // Юридический вестник. - М., 1879. - С. 432.

3. Белкин Р. С. Криминалистика. Общетеоретические проблемы / Р. С. Белкин, А. И. Винберг//. – М. : Юрид. лит., 1973. – 260 с.
4. Белкин А. Р. Теория доказывания в уголовном судопроизводстве. — М.: Норма, 2005. — 528 с.
5. Владимиров Л. Е. Учение об уголовных доказательствах / Л. Е. Владимиров. - Тула : Автограф, 2000. - 235 с.
6. Вапнярчук В.В. Теорія і практика кримінального процесуального доказування / В.В. Вапнярчук – Юрайт, 2017, - 408с.
7. Галаган В. І. Кримінальний процес України : навч. посіб. / Басиста І. В., Галаган В. І., Удовенко Ж. В. – К. : Центр учбової л-ри, 2010. – 352 с.
8. Горский Г. Ф. Проблемы доказательств в советском уголовном процессе / Г.Ф.Горский, Л.Д.Кокарев, П.С.Элькинд. - Воронеж : 1978. - 230 с.
9. Гродзинский М. М. Государственный обвинитель в советском суде / М. М. Гродзинский. - Москва : Госюриздат, 1954. - 234 с.
10. Грошевой Ю.М. Нове у кримінально-процесуальному законодавстві України / Ю.М. Грошевой, Т. М. Мірошниченко. - Х: Основа, 2002. - 110 с.
11. Гмирко В. П. Доказування у кримінальному процесі: діяльнісна парадигма. Теоретичний аналіз. Проблематизація. СТД – репрезентація / В. П. Гмирко. – Дніпропетровськ: Академія митної служби України, 2010. – 314 с.
12. Жогин Н. В. Теория доказательств в советском уголовном процессе / Н. В. Жогин, В.Г. Танасевич, Г. М. Миньковский и др. ; под. ред. Н. В. Жогина. - Москва : Юрид. лит., 1973. – 736 с.
13. Капліна О.В. Кримінальний процес України: підручник / О.В. Капліна, Ю.М. Грошевой, О.В. Шило. – Х. Юрид. університет. 2013. – 820с.
14. Карпович В.Н. Системность теоретического знания. Логический аспект. — Новосибирск, 1984. С. 114.
15. Керимов Д.А. Методология права. — М., 2000. С. 310. 13
16. Коновалова В. Е. Тактика допроса при расследовании преступлений / В. Е. Коновалова, А.М. Сербулов. - Киев : КВШ МВД СССР, 1978. - 110 с.
17. Кузнецов Н. П. Доказывание в стадии возбуждения уголовного дела / Н. П. Кузнецов. - Воронеж : ВГУ, 1983. - 164 с.
18. Ларин А. М. Доказывание на предварительном расследовании в советском уголовном процессе / А. М. Ларин. – М.: Юрид. лит., 1961. - 220 с.
19. Лобойко Л.М. Методи кримінального процесуального права / Л.В. Лобойко/ монографія. Д.: Днепр. держ. ун- т внутр. справ. 2006. 352с.
20. Лук'янчиков Є. Д. Методологічні засади інформаційного забезпечення розслідування злочинів / Є. Д. Лук'янчиков. - Київ, 2005. - 359 с.

21. Михеєнко М. М. Проблеми розвитку кримінального процесу в Україні : Вибрані твори / М.М. Михеєнко. – К. : Юрінком Інтер, 1999. - 240с.
22. Прохоров М.М. В поисках нового мировоззрения: монография — Н. Новгород, 1992. С. 118.
23. Поппер К. Объективное знание. Эволюционный подход. — М., 2002. С. 24—26.
24. Познышев С.В. Элементарный учебник русского уголовного процесса. М., 1913. С. 182.
25. Полянский Н. Н. Проблемы судебного права / Н. Н. Полянский, М. С. Строгович, В. М. Савицкий, А. А. Сельников. — Москва.: Юрид. лит., 1983. - 291 с.
26. Селина Е.В. Допустимость доказательств и судебское усмотрение в уголовном процессе // Государство и право. 2009. № 8. С. 31—38.
27. Стахівський С. М. Слідчі дії як основні засоби збирання доказів / С. М. Стахівський. - Київ : Атака, 2009. - 64 с.
28. Старатонов В. М. Криміналістична теорія пізнавальної діяльності / В. М. Стратонов. - Херсон: Вид-во Херсонського державного університету. 2009. - 440 с.
29. Тертишник В. М. Гарантії істини та захисту прав і свобод людини в кримінальному процесі / В. М. Тертишник. - Дніпро : Юрид. академія МВС України. 2002. - 429с.
30. Удалова Л. Д. Чинність кримінального процесуального закону / Л. Д. Удалова, С. І. Щериця. - Київ : КНТ, 2014. - 143 с.
31. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства : учебник / И. Я. Фойницкий. - Санкт-Петербург : Наука, 1996. - Т. 1. - 586 с.
32. Чельцов М. А. Советский уголовный процесс : учебник / М. А. Чельцов. - Москва : Госюриздат, 1951. - 300 с.
33. Шепітько В. Ю. Криміналістика : підруч. для студ. юрид. спец. вищ. закл. освіти / за ред. В. Ю. Шепітька. — [2-ге вид.]. — К. : Концерн «Видавничий Дім «Ін Юре», 2004. — 728 с.

Corresponding author

Корецкий Олег Павлович,
начальник отдела Государственного
бюро расследования

Корецкая Виктория Виталиевна,
судья Киверцевского районного суда
Волынской области
УДК 343.125

WAR CRIMES IN THE SYSTEM OF INTERNATIONAL HUMANITARIAN AND INTERNATIONAL CRIMINAL LAW

Pilypenko V.P.

ВОЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ГУМАНИТАРНОГО И МЕЖДУНАРОДНОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА

Пилипенко Володимир Пилипович

В статье исследуются нормативные и доктринальные подходы к определению военных преступлений в системе международного гуманитарного и международного уголовного права. В частности анализируются такие составы военных преступлений, как серьезные нарушения Женевских конвенций 1949 г., совершаемые во время международных вооруженных конфликтов; другие серьезные нарушения правил ведения международных вооруженных конфликтов; серьезные нарушения Женевских конвенций 1949 г., совершаемые во время немеждународных вооруженных конфликтов; другие серьезные нарушения правил ведения немеждународных вооруженных конфликтов. Кроме того, внимание уделяется анализу Римского статута Международного уголовного суда, 1998 г. в контексте квалификации военных преступлений, совершенных во время международных и немеждународных вооруженных конфликтов. Автором сформулированы предложения относительно приведения отечественного уголовного и уголовно-процессуального законодательства в соответствии с международно-правовыми нормами международного уголовного и международного гуманитарного права в данной сфере правоотношений.

Ключевые слова: военные преступления, международные уголовные трибуналы, Международный уголовный суд, вооруженный конфликт международного характера, вооруженный конфликт немеждународного характера, Женевские конвенции, 1949 года, международные обычные нормы и др.

Formulation of the problem

Historical experience of the XX century shows that the most horrific atrocities took place during wars and armed conflicts. It is undeniable that any armed conflict in the current context of globalization create a great danger to the entire international community, not to mention the value of every human life. That is why the settlement of armed conflicts in legal way, and, above all, the system of implication in the context of various types of conflicts of international humanitarian law provisions aimed at saving human life, today have an urgent need to improve, systematize and adapt to modern challenges.

Nowadays there are almost four dozen armed conflicts and wars in the world, one of which continues in Ukraine. The number of armed conflicts in the world has noticeably increased since the end of World War II. But if earlier it was interstate armed conflicts, now we observe mainly local conflicts. But often another state participates in them, helping one of the parties. Thus, according to the American Center for Comprehensive Peace (CSP), at the beginning of 2017 there were 36 armed conflicts. 28 states took a direct part in them. Almost half of them (13 countries) have protracted conflicts - lasting more than ten years.

Unfortunately, the issue of this study is topical for Ukraine today in the context of the undeclared hybrid war by Russia, which resulted in the temporary occupation of the ARC and Sevastopol, some districts of Donetsk and Luhansk regions and the continuation of the armed conflict in eastern Ukraine.

In connection with the establishment in the 1990s of international criminal tribunals under the auspices of the United Nations – the International Criminal Tribunal for the Former Yugoslavia (ICTY) and the International Tribunal for Rwanda (ICTR), and in connection with Adoption in 1998 of the Rome Statute of the International Criminal Court (ICC), there is a sharp increase in domestic science of international law the interest in criminal liability for violations of IHL, and, accordingly, in international criminal law, which criminalizes such violations.

The purpose of this article is to conduct a comprehensive legal analysis of war crimes as serious violations of the Geneva Conventions of 1949 and their Additional Protocols, 1977 in the context of international humanitarian and international criminal law.

Analysis of recent research and publications

War crimes have repeatedly been the subject of study by experts in international and criminal law, both in Ukraine and in other countries. Thus, the issue of criminal liability for war crimes was dealt with by such domestic and foreign scientists as A. H. Abashidze, V. F. Antipenko, Al-Zakharna Salima, V. A. Bazov, Yu. G. Barsegov, V. A. Batyr, I. P. Blishchenko, M. V. Buromensky, V. G. Butkevich, N. V. Dryomina, S. O. Zagorodniuk, N. A. Zelinska, A. V. Kartavtsev, Yu. M. Kolosov, I. O. Kolotukha, N. I. Kostenko, V. M. Lysyk, I. I. Lukashuk, A. S. Matsko, N. G. Mikhailov, F. I. Poltorak, M. Yu. Raginsky, S. A. Radzhabov, V. M. Repetsky, V. P. Popovich, V. Kh. Yarmaki and many other scientists.

Presenting main material

On the beginning of the XXI century in the international law was formed an integral system of sources which determined the rules (laws and customs) for the conduct in armed conflicts. The main ideas about the necessity of the military actions regulation had found legislative enshrinement in the international legal acts at the turn of the XIX-XX centuries (The Hague Conventions and relevant Regulations). However, creation the fundamentals of the modern system of the laws of conduct military operations is connected with the activities and decisions of the International Military Tribunals, Nyubenberg and Tokyo, established on the result of the Second World War. International co-operation had invariably been confronted with the crimes of war, but it had received them more as a tribute than as an inevitable sacrifice on the way to victory or defeat. Analyzing this question, Prof. N. A. Zelinska emphasize that "History shows that the attempt to introduce international criminal court after the First World War was rejected precisely because contrary to international practice, a person guilty of initiyyuvanni and driving aggressive war never subjected to criminal sanctions" [4, c . 179]. At the same time, two world wars of the twentieth century demonstrated the world actions of unprecedented scale and cynicism, which led to the change of the existing attitude to the criminal acts which are made in the course of the military conflicts.

1945 was the starting point of a fundamentally new policy of the international community on international criminal law. During this period, the international community developed a completely new approach to building international communication, called the "right to peace" renouncing the concept of "right to war". The first step towards punishment for crimes under international law was taken on August 8, 1945, when four allied states – the USSR, the United States, Britain and France – signed the London Agreement on the prosecution and punishment of major war crimes of European axis powers, an appendix to which was the Statute of the International Military Tribunal [23]. Article 6 of the Statute defined the categories of crimes for the committing of which the Tribunal had the right to judge and punish any person or group of persons. Such categories of crimes were war crimes, crimes against peace and security, and crimes against humanity.

The Geneva Conventions of 1949, which codified the IHL after World War II, contain the first detailed list of war crimes in history. Each of the four Geneva Conventions: "On improving the proportion of wounded and sick in active armies" [15] (I Geneva Convention), "On improving the proportion of wounded, sick and shipwrecked in the armed forces at sea" [16] (II Geneva Convention), "On the Treatment of Prisoners of War" [3] (III Geneva Convention), "On the Protection of Civilians in Time of War" [14] (IV Geneva Convention) – contains its own list of "serious violations" of the rules and means of conducting military operations, which today are unequivocally regarded as war crimes in international law.

Regarding the role of the Geneva Conventions of 1949 p. in the definition of war crimes, V.Yu. Kalugin rightly remarked that although the term "war crimes" is not used directly in their text, when it comes to "serious violations" of their provisions, there is no doubt that war crimes are meant. Personal responsibility is assumed for their actions, as well as for violating the laws and customs of war. "This terminological ambiguity is explained by the desire to reinforce the obligations of the contracting states to prevent acts that are prohibited and to punish them" [5, p. 23-29]. Yes, in Art. 49 I Geneva Convention, p. 50 II of the Geneva Convention, Art. 129 III of the Geneva Convention, p. 146 IV of the Geneva Convention contains a common rule for these international treaties, which stipulates that "each High Contracting Party is obliged to search for persons accused of having committed or ordered to commit such serious violations and, regardless of their nationality, to bring them to justice. It may also, if it deems it appropriate, transfer them, in accordance with the provisions of its law, to another interested Contracting Party concerned, provided that that Contracting Party has gathered sufficiently strong evidence to prosecute those persons".

These obligations - to take the necessary measures to put an end to the offenses provided in the Conventions – are an integral part of the more general obligation contained in the common Article 1 of the Geneva Conventions, which requires States to "comply" and "compel compliance" with the provisions of these Conventions. It is established that the state is obliged to put into effect the criminal legislation intended for the execution of persons guilty of committing the crime. They are also obliged to search for persons accused of committing serious offenses and to hand them over to their own court or to another state.

Based on the analysis of the provisions of the Geneva Conventions, it is possible to compile a list of war crimes which, in accordance with the obligations of states, should be prohibited by national law and for the commission of which should be punishable. The importance of this provision lies in the fact that in most civilized countries there is a constitutional principle for the priority of international power.

Thus, the provisions of the Geneva Conventions and other provisions of international law, which determine the criminality of violations of the rules of conduct of armed conflicts. In addition, the rules on the criminality of violations of the rules of war referred to in the conventions must be implemented in the national criminal law of the member states of these conventions, the number of which in 2017 is 196 states. On the other hand, international law does not contain specific provisions on the classification of serious offenses, which could serve as a basis for their system. The international norms indicate only those types of crimes or offenses which, due to their nature and degree of cruelty, "cannot remain unpunished".

Appendix II of 1977 is considered to be one of the most important sources of international law, which establishes the criminality of violations of the rules and customs of military operations. 1]. At the same time, Additional Protocol II, which established a number of criminal offenses committed in the course of non-international conflicts, has a real "revolutionary" significance. It should be noted that the Geneva Conventions and Additional Protocol I list all the war crimes listed in the war crimes lists in previously adopted documents, in particular those on the basis of which the London Accord of 8 August 1945 "On Prosecution and Punishment" was concluded. major war crimes of European countries "axis".

Geneva Conventions of 1949 the following serious violations of rules and customs of conducting military actions are defined: premeditated murder; bullying and inhuman behavior; biological experiments; intentional infliction of severe distress; causing serious injury or damage to health (Article 50 of the Geneva Convention, Article 51 of the II Geneva Convention, Article 130 of the III Geneva Convention; illegal, arbitrary and large-scale destruction and appropriation of property caused by military necessity (Article 50 of the Geneva Convention of the 2nd Convention, Article 51 of the Geneva Convention). forcing a prisoner of war to serve in the armed forces of the enemy state (Article 130 of the III Geneva Convention); deprivation of a prisoner of war of the right to a fair and proper judicial inquiry provided for by the Conventions (Article 130 III of the Geneva Convention); illegal deportation or relocation of a person; illegal arrest of a person; hostage-taking from the civilian population (Article 147 of the IV Geneva Convention). Serious violations of the rules and customs of war as defined in Additional Protocol I include damage by any intentional and unjustified act or omission, the physical or mental state of health and inviolability of persons under the control of the opposing party, or internees, detainees or otherwise deprived of their liberty as a result of an armed conflict.

In particular, these include: infliction of physical injuries, medical or scientific experiments, removal of tissues or organs for transplantation, as well as any other medical procedure that is not required by the state of health of the person and does not comply with generally accepted medical standards. medical point of view of the circumstances to the citizens of the party conducting this procedure who are not imprisoned in any form (art. 11 Additional Protocol I).

Serious violations also include acts committed intentionally and causing death, or bodily injury or damage to health (paragraph 3 of Article 85 of Additional Protocol I), which consist in: transforming the civilian population or individual civilians into the object of attack; committing an indiscriminate attack affecting the civilian population or civilian objects, when it is known that such an attack will cause excessive loss of life, injury to the civilian population, or cause damage to civilian objects; acts of assault on installations or devices containing dangerous substances, when it is known that such an attack is the cause of excessive loss of life, loss of life; transfer of non-defensive locations and neutral zones to the object of attack; acts of assault on a person when it is known that she has ceased to take part in hostilities; the use of the recognizable emblem of The Red Cross, the Red Crescent, the Red Crystal, or other protective symbols.

Serious violations also include the following acts if they are committed intentionally in violation of the Conventions and Protocol I (paragraph 4 of Article 85 of Additional Protocol I): relocation by the occupying Power of part of its own civilian population to the occupied territory, or deportation or relocation the population of the occupied territory within or outside that territory; unjustified delay in the repatriation of prisoners of war or civilians; the use of apartheid, other inhumane and degrading treatment based on racial discrimination that degrades the dignity of the individual; the transformation of clearly identified historical monuments, works of art, or places of worship, which are the cultural or spiritual heritage of peoples and are given special protection, into an object of attack, as a result of which they are severely damaged when such objects are not in close proximity to military facilities and are not used by the other party to support armed action; deprivation of a person enjoying the protection of the Conventions and Protocol I of the right to an impartial and due justice.

In Additional Protocol II, which extends the Geneva Conventions to armed conflicts of a non-international nature, serious violations of the rules of such conflicts, in addition to the general provisions of the common to the four Geneva Conventions, Art. 3, named as follows (Articles 13-18 of Additional Protocol II): acts

of violence or threats of violence which have as their primary purpose the punishment of civilians; the use of hunger among the civilian population as a method of conducting military operations; attack, destruction, removal or rendering of objects necessary for the survival of the civilian population; an attack on installations and buildings containing dangerous substances; committing any acts of war, directed against historical monuments, works of art or the power of worship, which are cultural or spiritual; relocation of civilians for reasons related to the conflict.

In addition, the rules ("laws and customs") for the conduct of armed conflicts are established in other international legal acts adopted in the second half of the twentieth century. These include the following international treaties: The Hague Convention for the Protection of Cultural Property in the Event of Conflict, May 14, 1954 [13]; Convention on the prohibition of military or any other hostile use of means of influencing the environment, May 18, 1977 [11] Convention on Prohibitions or Restrictions on the Use of Specific Conventions of Conventional Weapons Which May Be Considered to Cause Superior Damage or have an Inexhaustible Effect, October 10, 1981 [10]; Convention on the Prohibition of the Development, Production and Stockpiling of Bacteriological (Biological) and Toxic Weapons and on Their Destruction of April 10, 1972 [12] and others.

As noted above, a special place among the sources of international criminal law is occupied by acts of International ad hoc tribunals: ICTY, ICTR, the results of which have led to radical changes and contributed to the further development of both international law in general and international criminal law in particular. One cannot disagree with A. Neyer's assessment of the activities of these tribunals: in connection with the changes in this area, international prosecution of those who committed crimes in the course of internal armed conflicts, so common today, is now allowed. In the future, it is possible that "the national courts of many countries will try, prosecute and punish those responsible for such crimes in accordance with the principle of universal jurisdiction, regardless of where they were committed. So far only a few such cases have been initiated in individual occur in international law, and as human rights groups become more active, the number of such processes may increase significantly "[27, p. 102].

The most important event in the formation of the state framework of international law to establish responsibility for war crimes was the adoption on July 17, 1998 of the Rome Statute of the International Criminal Court [22] (hereinafter - the Rome Statute of the ICC), which entered into force on July 1, 2002. This document formulates the concept of "war crimes" (Article 8), establishes a list of them, defines the limits of applicable law, general principles of international and national jurisdiction (including the commission of war crimes), as well as the principles of international criminal law. However, most of the provisions of the Rome Statute deal with procedural and judicial matters. The main thing is that in this document of the late twentieth century. for the first time a holistic system of war crimes under international law was drawn up. Thus, war crimes (Article 8 of the Rome Statute) include serious violations of the 1949 Geneva Conventions and other serious violations listed in the Charter committed on a large scale during international and non-international armed conflicts. At the Rome Diplomatic Conference on the adoption of the Statute, it was discussed that in the last half century, most serious human rights violations have occurred not in the course of international armed conflicts, but in individual states. Therefore, the ICC includes modern international standards of international humanitarian law that qualify as criminal offenses war crimes committed in armed conflicts of not international character, excluding internal disturbances or riots.

The definition of crimes in the Statute is the result of long and persistent work carried out by many delegations and their experts. Each of the definitions is clearly formulated, reflects the current norms of international law and meets the requirements of certainty in criminal law. Judges of the Court must interpret the definitions in a strict manner and do not use them by analogy. The purpose of the Statute is to establish objective international standards that do not permit arbitrary decisions. In general cases, these definitions should be interpreted in favor of the suspect or accused.

Thus, currently the main sources governing the conduct of armed conflict are the Geneva Conventions of 1949 and their Additional Protocols. Their provisions limit the choice of means and methods of conducting

not only international conflicts, but also conflicts of a non-international nature. However, a comprehensive definition of war crimes as such became possible and was given only in the ICC Treaty. The Rome Statute contains a kind of "code of war crimes" under international criminal law.

Conclusions and suggestions

Thus, there are different definitions of war crimes related to different punishment systems at the domestic and international levels. After World War II, these crimes were clearly enshrined internationally in the statutes of the international military tribunals established by the Allies in Nuremberg and Tokyo, in the Geneva Conventions of 1949 and in the Additional Protocols of 1977 (as serious violations of the Geneva Conventions), and in 1993 and 1994 in the statutes of the ICTY and the ICTR. Currently, the most complete list of crimes punishable by an international judicial body is given in the Rome Statute of the ICC. The ICC plays a leading role in harmonizing crime definitions at the national and international levels. Ukraine has signed but not yet ratified the Rome Statute. In this context, it should be noted that Ukraine's commitment to ratify the Rome Statute of the ICC follows from the text of the Association Agreement between Ukraine, on the one hand, and the European Union, the European Atomic Energy Community and their Member States, on the other of 27.06.2014 (Article 8) [24]. Representatives of the European Union, the Council of Europe and other authoritative international organizations also emphasize the need to accelerate Ukraine's ratification of the Rome Statute [20]. In our opinion, Ukraine shall fulfill its international legal obligation to the EU, but before that it is necessary to bring the current legislation, first of all, criminal and criminal procedure, in line with the norms of the Rome Statute of the ICC, including the war crimes corpus delicti.

Литература

1. Додатковий протокол до Женевських конвенцій від 12 серпня 1949 року, що стосується захисту жертв збройних конфліктів неміжнародного характеру (Протокол II), від 8 червня 1977 року URL: http://zakon.rada.gov.ua/laws/show/995_200 (дата звернення: 26.11.2018)
2. Додатковий протокол до Женевських конвенцій від 12 серпня 1949 року, що стосується захисту жертв міжнародних збройних конфліктів (Протокол I), від 8 червня 1977 р. URL: http://zakon.rada.gov.ua/laws/show/995_199 (дата звернення: 26.11.2018)
3. Женевська конвенція про поводження з військовополоненими від 12.08.1949 р. URL: http://zakon.rada.gov.ua/laws/show/995_153 (дата звернення: 25.11.2018)
4. Зелинская Н. А. Политические преступления в системе международной преступности / Н. А. Зелинская ; Одес. нац. юрид. академия. Одесса : Фенікс, 2003. 400 с.
5. Калугин В.Ю. Обязательства Республики Беларусь по пресечению серьезных нарушений международного гуманитарного права и их реализация в уголовном законодательстве / Виталий Юрьевич Калугин. Белорусский журнал международного права и международных отношений. 1998. № 3. С. 23-29. URL: <http://evolutio.info/content/view/159/49/> (дата звернення: 25.11.2018)
6. Конвенція про заборону розробки, виробництва, накопичення і застосування хімічної зброї та про її знищення від 13 січня 1993 року URL: http://zakon.rada.gov.ua/laws/show/995_182 (дата звернення: 26.11.2018)
7. Конвенція про заборону застосування, накопичення запасів, виробництва і передачі протипіхотних мін та про їх знищення від 18 вересня 1997 року. URL: http://zakon.rada.gov.ua/laws/show/995_379 (дата звернення: 24.11.2018)

8. Конвенція про маркування пластичних вибухових речовин з метою їх виявлення від 1 березня 1991 року URL: http://zakon.rada.gov.ua/laws/show/995_016 (дата звернення: 24.11.2018)
9. Каюмова А.Р. Смешанные (гибридные) уголовные трибуналы и интернационализированные суды в системе международной уголовной юстиции / А.Р. Каюмова. Казань, 2008. С. 40-41.
10. Конвенція про заборону або обмеження застосування конкретних видів звичайної зброї, які можуть вважатися такими, що завдають надмірних ушкоджень або мають невибіркову дію від 10 жовтня 1981 року URL: http://zakon.rada.gov.ua/laws/show/995_266 (дата звернення: 24.11.2018)
11. Конвенція про заборону військового або будь-якого ворожого використання засобів впливу на природне середовище ООН від 18.05.1977 р. URL: http://zakon.rada.gov.ua/laws/show/995_258 (дата звернення: 26.11.2018)
12. Конвенція про заборону розробки, виробництва та накопичення запасів бактеріологічної (біологічної) і токсинної зброї та про їх знищення від 10.04.1972 URL: http://zakon.rada.gov.ua/laws/show/995_054 (дата звернення: 27.11.2018)
13. Конвенція про захист культурних цінностей у випадку збройного конфлікту від 14.05.1954 р. URL: http://zakon.rada.gov.ua/laws/show/995_157 (дата звернення: 27.11.2018)
14. Конвенція про захист цивільного населення під час війни від 12.08.1949 р. URL: http://zakon.rada.gov.ua/laws/show/995_154 (дата звернення: 27.11.2018)
15. Конвенція про поліпшення долі поранених і хворих у діючих арміях від 12.08.1949 р. URL: http://zakon.rada.gov.ua/laws/show/995_151 (дата звернення: 27.11.2018)
16. Конвенція про поліпшення долі поранених, хворих та осіб, які зазнали корабельної аварії, зі складу збройних сил на морі від 12.08.1949 р. URL: http://zakon.rada.gov.ua/laws/show/995_152 (дата звернення: 27.11.2018)
17. Міжнародна конвенція про боротьбу з вербуванням, використанням, фінансуванням і навчанням найманців від 4 грудня 1989 року URL: http://zakon.rada.gov.ua/laws/show/995_103 (дата звернення: 24.11.2018)
18. Нюрнбергский процесс: право против войны и фашизма /Под ред. А.И. Ледах, И.И. Лукашука. Ин-т государства и права РАН, 1995. 262 с.
19. Обычное международное гуманитарное право. /Под редакцией Жана-Мари Хенкертса и Луизы Досвальд-Бек. Т. I. «Нормы». Москва, МККК, 2006. URL: <https://www.icrc.org/ru/doc/assets/files/other/customary.pdf> (дата звернення: 24.11.2018)
20. «Потім буде пізно»: в ЄС закликали Київ терміново ратифікувати Римський статут URL: <https://ukr.segodnya.ua/politics/potom-budet-pozdno-v-es-prizvali-kiev-srochno-ratificirovat-rimskiy-statut-1189506.html> (дата звернення: 27.11.2018)
21. Репецький В.М., Лисик В.М. Поняття та ознаки воєнних злочинів / В.М. Репецький, В.М. Лисик. Альманах міжнародного права. Вып. 1. 2009. С. 120–125.
22. Римський статут міжнародного кримінального суду від 17.07.1998 р. URL: http://zakon.rada.gov.ua/laws/show/995_588 (дата звернення: 25.11.2018)
23. Статут Міжнародного військового трибуналу для суду та покарання головних військових злочинців європейських країн осі Ірландія, СРСР, США від 08.08.1945 р. URL: http://zakon.rada.gov.ua/laws/show/998_201 (дата звернення: 25.11.2018)

24. Угода про асоціацію між Україною, з однієї сторони, та Європейським Союзом, Європейським співтовариством з атомної енергії і їхніми державами-членами, з іншої сторони від 27.06.2014 року URL: http://zakon.rada.gov.ua/laws/show/995_588 (дата звернення: 25.11.2018)
25. Doc. Preparatory Commission for the International Criminal Court /1999/WGEC/INF. 1. § 16-20
26. Greek Case, 1969. URL: <http://www.worldcat.org/title/greek-case-application-no-332167-denmark-v-greece-application-no-332267-norway-v-greece-application-no-332367-sweden-v-greece-application-no-334467-netherlands-v-greece-report-of-the-commission/oclc/63475293> (дата звернення: 25.11.2018)
27. Neier A. War Crimes: Brutality, Genocide, Terror, and the Struggle for Justice / Aryeh Neier. Times Books. 1998. 286 p.
28. Prosecutor V. Ante Furundzija. Case № IT-95-17/1-T. 10 December 1998.
29. Prosecutor V. Dusko Tadic. ICTY T. Ch. II. 11 November 1999.
30. Prosecutor v. Zejnil Delalic, Zdravko Mucic, Hazim Delic, Esad Landzo, Case № IT-96-21-T. 16 November 1998.
31. Prosecutor V. Goran Jelusic. Case № IT-95-10. 14 December 1999.
32. Prosecutor V. Tihomir Blaskic. Case № IT-95-14-T. Ch. II. 3 March 2000.
33. Prosecutor V. Zlatko Aleksovsky. ICTY T. Ch I. 25 June 1999.
34. Weizaecker & Others. US M i l i t a r y Tribunal at Nurenberg, 14 April 1949.

References

1. Dodatkovy protokol do Zhenevs'kykh konventsiy vid 12 serpnia 1949 roku, shcho stosuyet'sya zakhystu zhertv zbroynykh konfliktiv nemizhnarodnoho kharakteru (Protokol II), vid 8 chervnia 1977 roku URL: http://zakon.rada.gov.ua/laws/show/995_200 (data zvernennya: 26.11.2018)
2. Dodatkovyy protokol do Zhenevs'kykh konventsiy vid 12 serpnia 1949 roku, shcho stosuyet'sya zakhystu zhertv mizhnarodnykh zbroynykh konfliktiv (Protokol I), vid 8 chervnia 1977 r. URL: http://zakon.rada.gov.ua/laws/show/995_199 (data zvernennya: 26.11.2018)
3. Zhenevs'ka konventsiya pro povodzhennya z viys'kovopolonenymy vid 12.08.1949 r. URL: http://zakon.rada.gov.ua/laws/show/995_153 (data zvernennya: 25.11.2018)
4. Zelynskaya N. A. Polytycheckye ppectuplenyya v cysteme mezhhdunapodnoy ppectupnocty / N. A. Zelynskaya ; Odec. nats. yupyd. akademya. Odecca : Feniks, 2003. 400 c.
5. Kaluhyn V.YU. Obyazatel'ctva Pecpublyky Belapuc' po ppecechenyyu cep'eznyx napushenyy mezhhdunapodnoho humanytapnoho ppava y yx pealyzatsyya v uholovnom zakonodatel'ctve / Vytalyy YUp'evych Kaluhyn. Belopucckyy zhupnal mezhhdunapodnoho ppava y mezhhdunapodnyx otnoshenyy. 1998. № 3. S. 23-29. URL: <http://evolutio.info/content/view/159/49/> (data zvernennya: 25.11.2018)
6. Konventsiya ppo zaboponu pozpobky, vypobnystva, nakopychennya i zactocuvannya ximichnoyi zbpoyi ta ppo yiyi znyshchennya vid 13 cichnia 1993 poku URL: http://zakon.rada.gov.ua/laws/show/995_182 (data zvernennya: 26.11.2018)

7. Konventsiya ppo zaboponu zactocuvannya, nakopychennya zapaciv, vypobnytstva i pepedachi ppotypixotnyx min ta ppo yix znyshchennya vid 18 vepecnya 1997 roku. URL: http://zakon.rada.gov.ua/laws/show/995_379 (data zvernennya: 24.11.2018)
8. Konventsiya ppo mapkuvannya plactychnyx vybuxovyx pechovyn z metoyu yix vvyavlennya vid 1 bepeznya 1991 roku URL: http://zakon.rada.gov.ua/laws/show/995_016 (data zvernennya: 24.11.2018)
9. Kayumova A.R. Smeshanye (hybrydnye) uholovnye trybunaly y ynternatsyonalizyrovannye sudy v systeme mezhdunarodnoy uholovnoy yustytssy / A.R. Kayumova. Kazan', 2008. S. 40-41.
10. Konventsiya pro zaboronu abo obmezheniya zastosuvannya konkretnykh vydiv zvychnoyi zbroyi, yaki mozhut' vvazhatysya takymy, shcho zavdayut' nadmirnykh ushkodzen' abo mayut' nevybirkovu diyu vid 10 zhovtnya 1981 roku URL: http://zakon.rada.gov.ua/laws/show/995_266 (data zvernennya: 24.11.2018)
11. Konventsiya pro zaboronu viys'kovoho abo bud'-yakoho vorozhoho vykorystannya zasobiv vplyvu na pryrodne seredovyshe OON vid 18.05.1977 r. URL: http://zakon.rada.gov.ua/laws/show/995_258 (data zvernennya: 26.11.2018)
12. Konventsiya pro zaboronu rozrobky, vyrobnytstva ta nakopychennya zapasiv bakteriologichnoyi (biologichnoyi) i toksynnoyi zbroyi ta pro yikh znyshchennya vid 10.04.1972 URL: http://zakon.rada.gov.ua/laws/show/995_054 (data zvernennya: 27.11.2018)
13. Konventsiya pro zakhyst kul'turnykh tsinnostey u vypadku zbroynoho konfliktu vid 14.05.1954 r. URL: http://zakon.rada.gov.ua/laws/show/995_157 (data zvernennya: 27.11.2018)
14. Konventsiya pro zakhyst tsyvil'noho naselennya pid chas viyny vid 12.08.1949 r. URL: http://zakon.rada.gov.ua/laws/show/995_154 (data zvernennya: 27.11.2018)
15. Konventsiya pro polipshennya doli poranenykh i khvorykh u diyuchykh armiyakh vid 12.08.1949 r. URL: http://zakon.rada.gov.ua/laws/show/995_151 (data zvernennya: 27.11.2018)
16. Konventsiya pro polipshennya doli poranenykh, khvorykh ta osib, yaki zaznaly korabel'noyi avariyi, zi skladu zbroynykh syl na mori vid 12.08.1949 r. URL: http://zakon.rada.gov.ua/laws/show/995_152 (data zvernennya: 27.11.2018)
17. Mizhnapodna konventsiya ppo bopot'bu z vepbuvannyam, vykopyctannyam, financuvannyam i navchannyam naymantsiv vid 4 hpudnya 1989 roku URL: http://zakon.rada.gov.ua/laws/show/995_103 (data zvernennya: 24.11.2018)
18. Nyupnbephckyy ppotsecc: ppavo ppotyv voyny y fashyzma /Pod ped. A.Y. Ledyax, Y.Y. Lukashuka. Yn-t hosudarstva y prava RAN, 1995. 262 s.
19. Obychnoe mezhdunarodnoe humanytarnoe pravo. /Pod redaktsyey Zhana-Mary Khenkert-sa y Luyzy Dosval'd-Bek. T. I. «Normy». Moskva, MKKK, 2006. URL: <https://www.icrc.org/ru/doc/assets/files/other/customary.pdf> (data zvernennya: 24.11.2018)
20. «Potim bude pizno»: v YES zaklykaly Kyyiv terminovo ratyfikuvaty Ryms'kyy statut URL: <https://ukr.segodnya.ua/politics/potom-budet-pozdno-v-es-prizvali-kiev-srochno-ratificirovat-rimskiy-statut-1189506.html> (data zvernennya: 27.11.2018)
21. Repets'kyy V.M., Lysyk V.M. Ponyattya ta oznaky voyennykh zlochyniv / V.M. Repets'kyy, V.M. Lysyk. Al'manakh mezhdunarodnogo prava. Vyp. 1.2009. S. 120–125.

22. Ryms'kyy statut mizhnarodnoho kryminal'noho sudu vid 17.07.1998 r. URL: http://zakon.rada.gov.ua/laws/show/995_588 (data zvernennya: 25.11.2018)
23. Statut Mizhnarodnoho viys'kovoho trybunalu dlya sudu ta pokarannya holovnykh viys'kovykh zlochyntsiy yevropeys'kykh krayin osi Irlandiya, SRSR, SSHA vid 08.08.1945 r. URL: http://zakon.rada.gov.ua/laws/show/998_201 (data zvernennya: 25.11.2018)
24. Uhoda pro asotsiatsiyu mizh Ukrainoyu, z odniyeyi storony, ta Yevropeys'kym Soyuzom, Yevropeys'kym spivtovarystvom z atomnoyi enerhiyi i yikhnimy derzhavamy-chlenamy, z inshoyi storony vid 27.06.2014 roku URL: http://zakon.rada.gov.ua/laws/show/995_588 (data zvernennya: 25.11.2018)
25. Doc. Preparatory Comission for the International Criminal Court /1999/WGEC/INF. 1. § 16-20
26. Greek Case, 1969. URL: <http://www.worldcat.org/title/greek-case-application-no-332167-denmark-v-greece-application-no-332267-norway-v-greece-application-no-332367-sweden-v-greece-application-no-334467-netherlands-v-greece-report-of-the-commission/oclc/63475293> (дата звернення: 25.11.2018)
27. Neier A. War Crimes: Brutality, Genocide, Terror, and the Struggle for Justice / Aryeh Neier. Times Books. 1998. 286 p.
28. Prosecutor V. Ante Furundzija. Case № IT-95-17/1-T. 10 December 1998.
29. Prosecutor V. Dusko Tadic. ICTY T. Ch. II. 11 November 1999.
30. Prosecutor v. Zejnil Delalic, Zdravko Mucic, Hazim Delic, Esad Landzo, Case № IT-96-21-T. 16 November 1998.
31. Prosecutor V. Goran Jelusic. Case № IT-95-10. 14 December 1999.
32. Prosecutor V. Tihomir Blaskic. Case № IT-95-14-T. Ch. II. 3 March 2000.
33. Prosecutor V. Zlatko Aleksovsky. ICTY T. Ch I. 25 June 1999.
34. Weizaecker & Others. US M i l i t a r y Tribunal at Nurenberg, 14 April 1949.

Corresponding author

Пилипенко Володимир Пилипович,

кандидат юридичних наук,

Заслужений юрист України,

член Європейської комісії за демократію через право

(2013-2017 рр.)

Pilypenko V.P.,

Candidate of Legal Science,

Honored Lawyer of Ukraine,

member of the European Commission for Democracy through Law

(2013-2017)

ОЛИГАРХАТ КАК ЭЛЕМЕНТ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В УКРАИНЕ

Виктор Литвиненко

Статья посвящена особенностям олигархата как элемента организованной преступности и проблематике противодействия этому явлению.

Автор начинает свои исследования с анализа процесса становления системы олигархата в Украине, которая берет свое начало со времени президентства Л. Кучмы. Подробно рассмотрены особенности происхождения олигархических структур, обусловленные процессом массовой приватизации государственного имущества в первые годы независимости Украины. В дальнейшем олигархат закрепился во времена президентства Ющенко, получил мощного конкурента в лице «семьи» во времена правления Януковича, и перешел к окончательному расцвету во времена президентства первого полноценного олигарха-президента П. Порошенко.

В ходе исследования выделены следующие признаки украинской олигархии: контроль за определенными секторами экономики; контроль над СМИ, собственность над СМИ; наличие собственных лоббистов во всех ветвях власти Украины; наличие подконтрольных общественных организаций; коррупционные связи с руководящим составом правоохранительных органов; наличие капитала в оффшорных зонах; получение паспортов гражданина или права на постоянное пребывание в других странах (как правило - в развитых странах мира); наличие возможностей влиять на принятие государственно-управленческих решений; наличие бизнеса за пределами Украины; использовать поступления в Государственный бюджет Украины для удовлетворения потребностей собственного бизнеса, используя коррупционные связи в органах государственной власти и управления, подконтрольные СМИ, своих представителей в ветвях украинской власти.

Автор настаивает на необходимости: введения открытой единой электронной базы данных деклараций; принятия закона о защите лиц, добросовестно сообщающих о коррупционных правонарушениях олигархата; введения санкций за сокрытие коррупционных правонарушений; проведения общественной антикоррупционной экспертизы.

Особое внимание автора посвящено перспективным путям противодействия организованной преступности в целом, и олигархата (как ее элемента) в частности. Среди прочего отмечена необходимость создания системы сравнения затрат на правоохранительный орган и реальных результатов его работы.

Ключевые слова: олигархия; олигархат; организованная преступность; правоохранительные органы; коррупция; правовое регулирование.

The article is devoted to the peculiarities of the oligarchy as an element of organized crime and the problems of counteracting this phenomenon.

The author begins his research with an analysis of the process of formation of the oligarchic system in Ukraine, which back to the presidency of Leonid Kuchma. The peculiarities of the origin of oligarchic structures due to the process of mass privatization of state property in the first years of Ukraine's independence are considered in detail. The oligarchs later established themselves during Yushchenko's

presidency, gained a strong rival in front of the face of the "family" during Yanukovych's rule, and begin success during the presidency of the first full-fledged oligarch, President Poroshenko.

The study highlighted such features of the Ukrainian oligarchy as: control over certain sectors of the economy; control over the media, ownership or co-ownership of the media; availability of own lobbyists in all branches of government of Ukraine; availability of controlled public organizations; corrupt connections with law enforcement officials; availability of capital in offshore zones; obtaining passports or the right to permanent residence in other countries (usually in developed countries); availability of opportunities to influence public administration decisions; availability of business outside Ukraine; the opportunity to use revenues to the State Budget of Ukraine to meet the needs of their own business, using corrupt connections in public authorities and management, controlled by the media, their representatives in the branches of Ukrainian government.

The author insists on the need to introduce an open single electronic database of declarations; adoption of a law on the protection of persons who honestly report corruption offenses of the oligarchy; introduction of sanctions for concealment of corruption offenses; conducting public anti-corruption expertise.

The author pays special attention to promising ways to combat organized crime in general, and the oligarchy (as its element) in particular. Among other things, the need to create a system for comparing the costs of law enforcement and the actual results of its work was emphasized.

Keywords: *oligarchy; oligarchs; organized crime; law enforcement agencies; corruption; legal regulation.*

Актуальность темы исследования

Почему мы так живем? Вопрос, которым задается чуть ли не каждый украинец. Как в Украине, имевшей большие национальные стремления и экономические желания к развитию и самоутверждению, сложилась такая кризисная ситуация? В большинстве своем население Украины верило в хорошее будущее и регулярно рисованные политиками розовые перспективы. Однако за каких-то 30 лет мы оказались в большой долговой яме и с одним из худших уровней жизни в мире. Причин этому много, но хотелось бы остановиться на основных, к которым, по нашему мнению, можно отнести тяжелый переход от социального государства к реформированию права собственности.

В отличие от наших соседей - Польши, Венгрии, Румынии, Словакии, Грузии и т.д., Украина не стала формироваться как правовое государство. В нашей стране не были проведены соответствующие реформы собственности. В большинстве ситуаций страна формировалась на нечестных условиях распределения собственности (имеется в виду постсоветский захват собственности бывшим партийно-комсомольским аппаратом или представителями государственной безопасности). Кто пришел к власти - представители рискованных групп населения: спекулянты, мошенники, цеховики и какая-то часть представителей предпринимательских структур, имеющих опыт накопления первичного капитала (при том, не всегда полученного законным способом).

В связи с ослаблением государственного управления, будущие чиновники начали поиск поддержки неформальных структур, в т. ч. криминального толка. На смену имеющегося криминалитета начали появляться т. н. «авторитеты», которые не были связаны с установленной в то время уголовной субкультурой.

Будущие же чиновники, олигархи, стали использовать возможности привлечения к зоне своего влияния как органов государственного управления, СМИ, так и представителей криминальных структур.

И что же мы получили? В современных условиях в Украине более десятка олигархов - представителей финансово-промышленного капитала, которые стали реально влиять на органы законодательной, исполнительной и судебной власти с целью накопления собственного капитала и личного обогащения. Правовая система Украины попала под тотальное олигархически-коррупционное влияние таких лиц.

Отдельные моменты относительно становления и развития олигархической системы в Украине рассматривали в своих исследованиях такие авторы как А. Ю. Бусол [1], М. М. Дудин [2], Т. М. Захарова [3], В. В. Козюк [4], Т. К. Пояркова [5] и другие. В то же время, всеохватность проблемы олигархизации и необходимость противодействия ей как составляющей организованной преступности требует проведения новых исследований и обуславливает их актуальность.

Целью исследования является определение основных характеристик современного олигархата как элемента организованной преступности и поиск путей противодействия этим явлениям.

Основное содержание исследования. Сейчас все чаще говорится об «эпохе реформирования». В процессе неустанных реформ, призванных (будто бы) способствовать росту эффективности правоохранительных органов, вместо профессиональных сотрудников, которые имели определенный опыт (пусть даже это не всегда были «святые люди»), правоохранительные органы возглавили лица с уголовным прошлым, главной «добродетелью» которых является личная преданность представителям олигархата. Начали формироваться новые подразделения полиции. На смену ГУБОП, удачно противодействовавшего организованной преступности и коррупции, подразделению по борьбе с экономической преступностью, которые были спешно ликвидированы очередным «Большим реформатором», пришли новые полицейские, которые пытались путем ликвидации и присвоения баз данных информационно-аналитической системы «Скорпион» отбелить уголовное прошлое сегодняшних чиновников.

Реформаторы были не знакомы с наработанной национальной системой функционирования правоохранительных органов и взаимодействия между их подразделениями, но в итоге - их это не интересовало. Так, сейчас патрульная полиция отделена от территориальных подразделений полиции, от участковых инспекторов, оперативников уголовного розыска и т.п., что, безусловно, разорвало целостную систему функционирования противодействия преступности в Украине. Экономическая сфера государства в это время была монополизирована представителями олигархических кланов, которые незаконно завладели многочисленным имуществом - начиная от создания первоначального капитала и заканчивая овладением наиболее приоритетными направлениями в экономике, топливно-энергетическом, кредитно-банковском, внешнеэкономическом, аграрно-промышленном комплексах. При этом особого внимания удостоились стратегические предприятия страны.

Во время массовых беспорядков, которые были поддержаны внешними силами - так называемых «Революций» и «Майданов Достоинства», правоохранительная система Украины была вынуждена пройти испытание на верность присяге и давлению недовольства народных масс. Правоохранительная система должна была выполнять свои конституционные обязанности.

При новой власти, которая пришла к управлению государством в результате событий 2013-2014 годов и имела вполне обоснованные сомнения в верности ей существующей правоохранительной системы (которая уже «запятнала себя негативным опытом» служения закону), было решено создать правоохранительную систему «под себя», используя идеи реформирования и внешнее давление иностранных партнеров как оправдание неотложности таких изменений.

Нельзя не учитывать историческое влияние на создание, существование и жизнедеятельность Украинского государства со стороны России, которое имеет глобальный характер. Наша страна постоянно ведет свой поиск в глобальной системе существования. При этом в геополитическом противостоянии между Западом и Россией государство Украина вынуждено выживать. Она стала своеобразным заложником этой ситуации. Как результат - мы получили внешнее управление.

Сильная, мощная, влиятельная Украины, которая могла, исходя из её местонахождения и экономических возможностей, человеческих ресурсов, занять достойное место среди крупнейших развитых государств, - увы не нужна никому. Поэтому мы вынуждены полагаться исключительно на свои внутренние возможности, национальное единство, потенциальную экономическую возможность и человеческий потенциал. И все это требует должным образом сформированной системы национальной безопасности государства, особенно - ее правовой составляющей.

Олигархия (от греческого «олигой» как меньшинство, «архе» - правление или обладание властью), это политическое устройство, в котором богатое меньшинство управляет государством в своих собственных корыстных интересах. Иными словами, олигархия - это коллективный авторитаризм состоятельной части общества. Так трактует олигархию Платон, в трудах которого этот термин появился впервые [6]. Олигархия - это феномен не только Древней Греции (в частности - Спарты), но и Средневековой Италии (Венеции), а также и Новейшего Времени (Латинская Америка девятнадцатого - двадцатого века, практически вся современная Африка, в какой-то части - современная Азия и практически все постсоветские страны).

Попробуем же выделить главные признаки украинской олигархии, личностные и поведенческие качества олигархов.

Признаками современной украинской олигархии, по нашему мнению, являются:

- 1) Контроль над определенными секторами экономики;
- 2) Контроль над СМИ, путём покупки СМИ или вхождение в состав собственников;
- 3) Наличие собственных лоббистов во всех ветвях власти Украины;
- 4) Наличие подконтрольных общественных организаций;
- 5) Коррупционные связи с руководящим составом правоохранительных органов;
- 6) Наличие капитала в оффшорных зонах;
- 7) Получение паспортов гражданина или права на постоянное пребывание в других странах (как правило, в развитых странах мира);
- 8) Наличие возможностей влиять на принятие государственно-управленческих решений;
- 9) Наличие бизнеса за пределами Украины;
- 10) Возможности использовать поступления в Государственный бюджет Украины для удовлетворения потребностей собственного бизнеса, используя коррупционные связи в органах государственной власти и управления, подконтрольные СМИ, своих представителей в ветвях украинской власти.

Общие личностные качества украинской олигархии:

- 1) Ярко выраженные лидерские качества;
- 2) Профессионализм;
- 3) Политическая мимикрия (способность приспосабливаться к возникающим обстоятельствам)
- 4) Беспринципность в вопросах социально-экономического развития Украины;
- 5) Псевдопатриотизм;

6) Жадность;

7) Проблемы собственного самообогащения доминируют над национальными интересами государства.

Поведенческие качества украинской олигархии:

1) Используют Украину как «сырьевой придаток» с дешевой рабочей силой;

2) Склонность к ситуативному объединению или мобилизации ресурсов в условиях возможного возникновения потенциальных или реальных угроз их экономико-финансовым интересам в Украине;

3) Демонстрируют готовность возглавлять проведение «реформ» в стране (с целью сохранения своего влияния на страну);

4) Ведут себя как «граждане мира», а не граждане Украины (отсутствует национальная самоидентичность);

5) Действуют преимущественно для достижения собственных интересов, пренебрегая интересами государства.

Основной целью олигархии в Украине нам видится систематическое внедрение в коллективное мышление украинского народа заблуждений, вроде того, что экономические законы (на базе которых развиваются все страны мира) не срабатывают в Украине (якобы не экономика определяет политику (как базис и надстройка), а политика определяет экономику), что, в свою очередь, исключает образование среднего класса – как основы стабильности общества, порождает депрессивное состояние в обществе, стимулирует пренебрежение национальными ценностями и национальной самоидентификацией граждан независимой Украины и обеспечивает получение олигархами сверхприбыли и безопасного существования в Украине. Для реализации этой цели они готовы на все. Как считал английский исследователь Томас Джозеф Даннинг «Капитал боится отсутствия прибыли, но если есть в наличии достаточный доход, капитал смелеет. Обеспечьте 10 процентов, и капитал согласен на всякое применение, при 20 он оживает, при 50 - готов сломать себе шею, при 100 он попирает все человеческие законы, при 300 процентах - нет такого преступления, на которое бы он не рисковал пойти, даже под страхом физической казни» [7]. Вот он – ответ украинскому народу на вопрос, почему у нас заоблачные коммунальные платежи, низкие зарплаты и пренебрежение ст.1 Основания Конституции Украины касательно социально-правового государства [8].

Фактически, начиная с 2012 года, олигархат приспособил под себя организованную экономическую преступность, используя ее как важный инструмент для достижения своей цели.

По нашему мнению, финансово-олигархические группы являются основой коррумпированной системы власти в Украине. Они, через свои представительства в законодательной, исполнительной, судебной власти, образуют организованные преступные структуры и за счет коррупции и теневой экономики, злоупотребляя своим положением, разворовывают бюджет государства, используют топливно-энергетический комплекс, финансово-банковскую систему, незаконной приватизации, оффшоры, через которые выводят за пределы государства средства и по другим преступным схемам закупают (активами государства) или большинства населения страны.

Олигархи, как правило, определяются как псевдорыночные предприниматели, имеющие непосредственное влияние на политику и экономику. В 1990-х годах олигархи превратились в предпринимателей с коррумпированными связями, которые начали почти из ничего и разбогатели за счет непрозрачного процесса приватизации государственных предприятий с помощью

коррупционности правящей тогдашней политической элиты (криминалитета). Эти украинские «бизнесмены» взяли на себя контроль над политическими партиями, став их спонсорами, или создали новые, чтобы получить парламентское большинство в Верховной Раде для проведения законов, необходимых им для защиты и удовлетворения собственных интересов.

Возникновение олигархов было связано с процессами приватизации государственных активов, которыми партийная номенклатура времен СССР распоряжалась по факту. Тогда, когда для публики речь шла о распределении собственности предприятий, земли и недвижимости на равноправной основе с помощью таких инструментов, как приватизационные чеки, сертификаты и т.д.

Олигархия включает в себя продолжение, развитие и перенос на более высокий уровень управления клановой модели общественного ранне-феодальной организации советской эпохи, базирующаяся на неформальных структурах власти - скрытых и мощных кланах. «Кланы» в украинских условиях используют государственные институты для достижения своих частных или узко-корпоративных интересов, фактически присваивая государственные функции как таковые. Из-за существования нескольких кланов возникает потребность в координации их деятельности и в недопущении или минимизации конфликтов между ними.

На наш взгляд, одним из основных факторов организованной преступности и коррупции в Украине имеется олигархическая система, которая состоит из одиннадцати субъектов финансовых групп во главе с известными олигархами, которые используют для обеспечения своей деятельности возможности властной и политической коррупции. Ими, в целях воздействия для обеспечения как легального, так и нелегального бизнеса, используется политическая система Украины. Через Парламент, избираемый, согласно имеющегося законодательства, по пропорциональной и мажоритарной системе используя коррупционные схемы. Так, кандидаты в депутаты при мажоритарной системе, осуществляют коррупционные меры по обеспечению своих избирателей в своих округах как материальными (гречка, масло, медицинские препараты, уголь, дрова и прочее), так и финансовыми ресурсами (непосредственно подкупом избирателя за деньги, в том числе - с использованием бюджетных ресурсов). При имеющейся пропорционально системе с закрытыми списками, как правило, лидеры фракции комплектуют списки кандидатов в депутаты по своему усмотрению, при этом одним из главных факторов является соответствующее внесение финансов в партийную кассу от кандидатов в депутаты. Такой подход - через использование финансовых и материальных ресурсов, которые поступают от имеющейся олигархической системы, - обеспечивает коррупционное влияние на формирование депутатской среды, которые должны выполнять поставленные задачи по обеспечению защиты бизнеса соответствующих олигархов и соответствующих законов по решению интересов, в которых заинтересованы финансовые заказчики.

Итак, на сегодня в государстве в наличии одиннадцать олигархов, которые в значительной степени используют как бюджет государства, так и средства граждан. Так, например, в рамках обеспечения энергоресурсами используются схемы по закупкам газа, нефтепродуктов, угля и других топливных продуктов. Это как известные всем схемы «Роттердам плюс» по поставке угля, соответствующие схемы по закупке и поставке газа (как для промышленности, так и для населения по единой цене), так и коммунальные услуги.

Например, в аграрном секторе для поддержки сельских производителей из бюджета государства выделяются определенные средства, которые, к сожалению, передаются олигархам (до 70% всех дотационных средств), а не десяткам тысяч фермеров, нуждающихся в государственной поддержке. В государстве, кроме известного олигархата, значительное влияние как в легальном, так и в теневом бизнесе, имеют до ста соответствующих семей, во владении которых (вместе с олигархами), находится 80% имущества Украины (предприятия, банки, холдинги и т.д.). В то же время, их вклад (посредством налогообложения) в бюджет государства составляет всего до 20%. Зато на основную массу населения Украины, в том числе на малый и средний бизнес, предпринимателей и другие категории, приходится налоговая нагрузка до 80%. На примере США можно утверждать, что в

развитой стране основное налоговое бремя бюджета страны (до 97%) приходится на крупный бизнес, в то время как основная масса населения возмещает до 3% налоговых поступлений бюджета.

Необходимо также иметь в виду, что олигархи и крупные финансовые структуры завладели имеющимся имуществом и финансами посредством незаконных манипуляций при создании первоначального капитала, и в дальнейшем развивали свой легальный и нелегальный бизнес с использованием вышеуказанных властных и политических схем коррупции и организованной преступности, что, по нашему мнению, дает право обществу через соответствующие государственные учреждения и проведение соответствующей политики государства, требовать возмещения, хотя бы в форме определенных отчислений в бюджет государства, возможно через финансовую амнистию и другие механизмы. Также для правового и справедливого функционирования политической системы в стране и недопущения использования коррумпированных схем, деятельности преступных организаций необходимо выработать механизм формирования парламента Украины по открытым спискам при пропорциональной избирательной системе с возможностью снятия неприкосновенности и отзыва депутатов, нарушивших обязательства перед избирателями и другие законодательные нормы.

Особую обеспокоенность вызывает состояние национальной безопасности государства. В том числе – по причине обусловленных коррупцией возможностей завладения стратегическими объектами, перечень которых за последние десять лет сократился с трех с половиной тысяч до тысячи. Ярким примером можно считать выведение из системы стратегических объектов единственного в Украине патронного Луганского завода, который в дальнейшем был вывезен в Россию. Украинская армия и другие военизированные формирования Украины остались практически без боеприпасов.

В этой связи тотальный олигархат в коррумпированном среде, который расцвел в Украине, проявил себя крепкими связями государственных служащих высшего звена с большим бизнесом. Именно коррумпированной средой поражена вся система государственных органов: таможня, налоговая служба, органы надзора и контроля правоохранительных структур, учреждения в сфере медицины, образования и т.д.

Поэтому, перспективы по преодолению олигархата в Украине, в первую очередь, определяются качественным уровнем нашей готовности к изменениям - каждый из нас в отдельности и украинского общества в целом. Именно эффективные антиолигархические реформы могут свести коррупцию к минимуму из-за недопущения олигархов к участию в депутатском корпусе, в топливно-энергетическом комплексе, банковской системе и приоритетных направлениях экономики и тому подобное. Успешность таких реформ во многом будет зависеть от того, сможет ли украинское общество предстать перед олигархатом сильной гражданской сообщностью. Поскольку именно гражданское общество должно быть начеку и следить за каждым шагом реформирования страны. Ведь война с олигархатом требует кардинального изменения правил игры - то есть не косметических, а радикальных изменений законодательства, призванных исключить применение различных коррупционных схем благодаря патриотизму, профессионализму и объединенной национальной идеи.

Как известно, в большинстве развитых демократических стран мира такого понятия, как олигархат, нет. Такое позорное явление, к сожалению, присуще постсоветским странам, некоторым странам Азии и Африки. Причинами наличия олигархата в постсоветских странах, на наше видение, является посттоталитарное прошлое, отсутствие демократических основ общества, соответствующего законодательства. В то же время в демократических странах традиции, ментальность, законодательство не позволяют формировать такие олигархические кланы, там не воспринимается обществом такой феномен, он вызывает негативную реакцию общественности и соответствующее реагирование правоохранительных структур этих государств.

Для такого противодействия олигархату необходимо создать эффективную систему мониторинга достоверности данных, содержащихся в декларациях об имуществе, доходах, расходах и

обязательствах финансового характера. При этом следует отметить, что в Украине функционирует децентрализованная система сбора, хранения, публикации и проверки таких деклараций, которая, однако, нуждается в совершенствовании. Для этого необходимо:

- ввести открытую единую электронную базу данных деклараций и применить пропорциональные и сдерживающие санкции за нарушение законодательства и декларирования доходов, расходов и обязательств финансового характера с учетом возможности введения электронной системы оценки знаний по этим вопросам;
- принять закон о защите лиц, добровольно сообщающих о коррупционных правонарушениях олигархата (обличителей), предусмотрев обязательность фиксирования сообщений и защиты обличителей, создание внутренних и внешних каналов представления информации, системы защиты обличителей от притеснений и преследования, а также меры стимулирования сообщений о коррупционных схемах;
- введение санкций за сокрытие фактов коррупционных правонарушений;
- проведение общественной антикоррупционной экспертизы как противодействия олигархату, подлежащего контролю и надзору за обязательной оплатой необходимых налогов государству. При этом считается, что оффшор - это открытая динамическая экосистема, которая включает в себя совокупность юридических, финансовых и налоговых компетенций с различными уровнями секретности и разносторонними балансами законных и незаконных видов деятельности. В значительной степени оффшорные услуги возникли как средство ухода от двойного налогообложения, поскольку средства, полученные в одной стране, не смогли обложить налогом одновременно и в другой стране, а также там, где находится индивид или корпорация. Как правило, оффшоры предоставляют возможность «двойного необложения налогом», благодаря использованию в портфеле ценных бумаг разного срока и разделению каждой операции с целью роста секретности и сложности финансовых потоков. На наш взгляд, такой коррумпированный мир олигархата не имеет четко определённой локализации, поскольку его латентность и виртуальность и является неотъемлемым источником деструктивной энергии.

Анализ истории и философии образования и развития украинского олигархата свидетельствует о том, что он развивался как неотъемлемая составляющая политической системы независимой Украины параллельно с развитием организованной преступности. Основаниями для его существования была политика Л. Д. Кучмы по формированию политической элиты в Украине. С приходом к власти Виктора Ющенко олигархат начинает объединяться с организованной экономической преступностью и осуществляет определенные шаги по коррумпированию власти (скандалы с коррумпированностью Мартыненко, Третьякова, Порошенко, и их изобличением-А. А. Зинченком) [9].

Неспособность тогдашнего Президента Виктора Ющенко эффективно противодействовать влиянию олигархата на принятие решений сферы государственного управления создала фундаментальную основу формирования олигархата как политического класса, который начал влиять на все общественные сферы современной жизни Украины с целью получения сверхприбыли и недопущения формирования в Украине среднего класса. На этом этапе формируется новая модель организованной экономической (коррупционной) преступности, которую возглавляют представители олигархического класса.

Приход к власти Виктора Януковича разочаровал олигархический клан Украины. В государстве сложилась специфическая ситуация, когда коррумпированный Президент делает ставку не на олигархат, который его же привел к власти, а на «семью» - свое семейное окружение. В результате этого образовалась реальная угроза для олигархата о влиянии на принятие решений в сфере государственного управления и получения сверхприбыли. Результатом этой борьбы стали события на Майдане 2014 года. Олигархат победил «семью» и пришел к государственной власти, делегировав

во все ветви власти своих представителей. Президент Петр Порошенко стал первым в истории Украины Президентом-представителем олигархического класса. Благодаря этому, олигархат поглощает под себя организованную экономическую преступность и возглавляет ее. Основными задачами правящего олигархата стало создание организационно-правовых основ неэффективного противодействия организованной преступности со стороны отечественной правоохранительной системы (так называемая «реформа милиции», ликвидация специализированных подразделений по борьбе с организованной преступностью и т.д.).

За время руководства страной П. А. Порошенко вопросы системного реформирования правоохранительной системы страны и противодействия организованной преступности не были популярной темой обсуждения. Так же канул в лету соответствующий контроль. Сопроводительные органы по вопросам реформирования правоохранительной системы, существовавшие при Президенте Украины, были ликвидированы. С принятием Закона Украины «О национальной безопасности» в 2018 году в СБУ отобрали функции борьбы с организованной преступностью и коррупцией. В 2015 году решением Кабинета Министров Украины ликвидирован ГУБОП. В Украине на конец 2018 - середину 2019 ликвидированы подразделения по борьбе с экономической преступностью и созданы условия для дальнейшего разворывания страны.

Таким образом, в Украине появилась новая организационная структура организованной преступности - олигархическая организация (авторский подход), как совокупность организационных структур, действующих в интересах определенных олигархов, которые являются конечными бенефициарами субъектов хозяйствования, которые получают государственное финансирование, или доступ к его распределению, с целью получения ими сверхприбылей, используя поступления из государственного бюджета или минимизации их уплаты, для финансирования собственного бизнеса и коррупционные связи в органах государственной власти и управления, влияние на СМИ, своих представителей в ветвях власти с целью установления монополии в определенных секторах национальной экономики.

Учитывая все сказанное, нами усматриваются такие пути противодействия олигархату:

1. Как нами было определено (и подтверждено многочисленными исследованиями), олигархат непосредственно влияет на состояние политического и социально-экономического развития в Украине, при этом он не только влияет, но и формирует его. В этих условиях возникает настоятельная необходимость по минимизации этих воздействий. Мы признаем, что Украина должна быть правовым государством. Поэтому, опыт «белой стрелы» и других незаконных действий мы не можем обсуждать и предлагать. Мы должны действовать исключительно в правовом поле, используя институциональные, организационные и правовые механизмы. Избирательная система в Украине предусматривает внесение финансового задатка для участия граждан в избирательных процессах. Это свидетельствует о том, что кандидаты являются не бедными людьми и имеют за собой определенный бизнес, то есть владельцами или конечными бенефициарами. Поэтому, в таких граждан возникает противоречие между имеющейся собственностью, которую нужно поддерживать, развивать и платить налоги и занятием политических должностей: Президента Украины, народных депутатов Украины, министров и их заместителей и других. На наш взгляд, отсутствие правового регулирования этой проблемы дает возможность влияния олигархата на все процессы в Украине. Политик, который пришел из бизнеса, должен его скрыть или продать. Это, действительно, пробел в современном законодательстве.

Если предприниматель годами создавал свой бизнес, развивал его, то он не может мгновенно от него избавиться. Что будет потом, когда он уйдет из политической должности? Поэтому, мы предлагаем законодательно урегулировать эту проблему соответствующим законом, в котором предусмотреть механизм, действующий при избрании на политическую должность. Предприниматель заполняет декларацию, в которой указывает все свои предприятия (в том числе, где он является конечным бенефициаром). Затем он определяет, какие структуры он передаст в управление (отечественные

или иностранные). Ежегодный доход, который он получает как владелец после уплаты налогов, засчитывается в государственный бюджет Украины. Через год после окончания срока пребывания гражданина в должности, государство возвращает ему определенный процент (скажем - 25 процентов за каждый год пребывания в должности).

2. Необходимо принять Закон о лоббизме в Украине. Довольно дельные идеи по этому поводу (в частности, в контексте необходимости формирования системы контроля над лоббизмом) высказывал Т. С. Яровой [10, 11].

3. Если политик любого уровня нарушил требования, отделенные бизнеса от власти, то его деятельность расследуется ВСК ВРУ и соответствующим правоохранительным органом и, кроме административной или уголовной ответственности, должен нести и политическую (должен уйти самостоятельно или быть отстранен от власти).

4. Фискальные органы и финансовый мониторинг должны осуществлять мониторинг и проверять коммерческие операции, прибыль которых превышает 20 процентов.

5. Одним из ключевых факторов противодействия олигархата является действенная и прочная отечественная правоохранительная система, которая сегодня в государстве отсутствует (а существующие правоохранительные органы подконтрольны олигархам). Необходимо осуществить реальное формирование правоохранительной системы Украины. К сожалению реформа правоохранительных органов, где каждый правоохранительный орган реформирует сам себя, не состоялась. Количество правоохранительных органов, к сожалению, не обеспечивает качество их функционирования как каждого органа в отдельности, так и правоохранительной системы в целом.

Сегодня правоохранительная система раздута, неэффективна, отсутствует стратегии ее деятельности и персональная ответственность руководителей правоохранительных органов за качество их деятельности. В отличие от практики развитых демократических стран, в которых правоохранительная система относится исключительно к исполнительной ветви власти, наша правоохранительная система разделена между исполнительной ветвью власти (Нацполиция, Госпогранслужба, Нацгвардия, Военная служба правопорядка, Уголовно-исполнительная служба и т.д.), Судебной ветвью власти (Служба судебной охраны, Офис Генерального Прокурора), Президентом Украины (ГБР, НАБУ, СБУ, УГО), что не позволяет координации их деятельности, и в общем, формирования и реализации правоохранительной политики, составной частью которой является антикоррупционная политика.

На наш взгляд, должна быть сформирована функциональная правоохранительная система, которая должна быть подотчетна правительству. Мы должны признать, что в Украине есть правоохранительные органы, которые осуществляют следствие и оперативно розыскную деятельность, и они должны быть отнесены к исполнительной ветви власти. У нас есть административные органы, которые не имеют статуса правоохранительных органов, но почему-то относятся к ним (Лесгосагентство, Рыбагеноство и т.п.), в эти органы следует отнести также НАПК и АРМ, Гостаможню и тому подобное. Эти органы имеют право осуществлять административную деятельность и налагать административные штрафы. Есть у нас еще отдельная категория государственных органов, по международным стандартам должны быть отнесены к спецслужбам, это СБУ, СВР, УГО и т. д., эти органы должны действовать на основании законов о разведывательных и контрразведывательных органов, но не осуществлять следствие. Содержанием их деятельности является проведение тайных операций как за пределами страны, так и в ее середине. Эти органы могут быть подотчетными только Президенту или парламенту.

Отдельно необходимо пересмотреть полномочия Офиса Генерального Прокурора, ибо, на наш взгляд, этот орган должен координировать работу правоохранительных и административных органов и информировать премьер-министра Украины о состоянии борьбы с преступностью в государстве, формировать правоохранительную политику, подавать ее на утверждение в Кабинет Министров

Украины (а уже ее реализация - осуществляться соответствующими правоохранительными и административными органами). Нерешенным остается вопрос общего надзора за соблюдением законности в государственных органах. Отсутствие в стране единого государственного органа, который должен осуществлять эту деятельность, распространяет коррупцию и преступность в системе государственного управления. Надо определить, кто будет этим заниматься в системе исполнительной власти, ведь эти функции могут быть возложены и на Минюст, и на Нацгосслужбу, и на Офис Генерального Прокурора. Главным критерием должна стать эффективность реагирования на информацию о возможных злоупотреблениях среди руководителей государственных органов.

Выводы

Сейчас в Украине сформировалась новая организационная структура организованной преступности - олигархическая организация, представляющая собой совокупность организационных структур, действующих в интересах определенных олигархов, которые являются конечными бенефициарами субъектов хозяйствования, и которые получают государственное финансирование или доступ к его распределению, с целью получения ими сверхприбылей, используя поступления из государственного бюджета или минимизации их уплаты, для финансирования собственного бизнеса и коррупционных связей в органах государственной власти и управления, влияние на СМИ, своих представителей в ветвях власти с целью установления монополии в определенных секторах национальной экономики.

Автором усматриваются такие пути противодействия системе олигархата: 1) мы должны действовать исключительно в правовом поле, используя институциональные, организационные и правовые механизмы. Избирательная система в Украине предусматривает внесение финансового задатка для участия граждан в избирательных процессах. Поэтому, мы предлагаем законодательно урегулировать эту проблему соответствующим законом, в котором предусмотреть механизм, действующий при избрании на политическую должность. Предприниматель заполняет декларацию, в которой указывает все свои предприятия (в том числе, где он является конечным бенефициаром). Затем он определяет, какие структуры он передаст в управление (отечественные или иностранные). Ежегодный доход, который он получает как владелец после уплаты налогов, засчитывается в государственный бюджет Украины. Через год после окончания срока пребывания гражданина в должности, государство возвращает ему определенный процент (скажем - 25 процентов за каждый год пребывания на должности); 2). необходимо принять Закон о лоббизме в Украине; 3). если политик любого уровня нарушил требования отделения бизнеса от власти, то его деятельность расследуется ВСК ВРУ и соответствующим правоохранительным органом и кроме административной или уголовной ответственности, должен нести и политическую (должен уйти самостоятельно или быть отстранен от власти); 4). фискальные органы и финансовый мониторинг должны осуществлять мониторинг и проверять коммерческие операции, прибыль которых превышает 20 процентов; 5). Одним из основных факторов противодействия олигархату является действенная и прочная отечественная правоохранительная система, которая сегодня в государстве отсутствует (а существующие правоохранительные органы подконтрольны олигархам). Необходимо осуществить реальное реформирование правоохранительной системы Украины.

Одним из ключевых направлений работы по противодействию олигархату должна стать оптимизация правоохранительных органов. Каждый правоохранительный орган - это миллиардные затраты на его создание и деятельность, это расходы на следствие, оперативно-розыскную деятельность. Но какая от него отдача? Необходимо создать систему сравнения затрат на правоохранительный орган и реальных результатов его работы. То есть мы должны разработать идеальную правоохранительную модель и, как бы кому не хотелось этого избежать, осуществить оптимизацию правоохранительных органов.

Отдельно необходимо определиться с ГБР, содержанием его деятельности, его подследственности. Нанашвзгляд, ГБР должен быть единственным органом расследований в правоохранительной системе Украины, а оперативно-розыскную деятельность должны осуществлять правоохранительные органы в соответствии своей подследственности.

Литература

1. Бусол О. Ю. Олігархізація політичної влади в Україні як одна із специфічних форм організованої злочинності. *Боротьба з організованою злочинністю і корупцією (теорія і практика)*. 2011. Вип. 25-26. С. 46-54.
2. Дудін М. М. Адміністративно-олігархічні суб'єкти підприємництва як тіньовий інструмент монополізації влади і ресурсів підприємництва, розвитку системної корупції. *Форум права*. 2014. № 2. С. 115–118. [Електронний ресурс] URL: http://nbuv.gov.ua/UJRN/FP_index.htm_2014_2_21
3. Захарова Т. М. Олігархізація як проблема політичного класу в сучасній Україні. *Політологічні записки*. 2012. № 5. URL: http://nbuv.gov.ua/UJRN/Polzap_2012_5_34
4. Козюк В. В. Пов'язане кредитування: олігархічний банкінг і фінансова нестабільність. *Фінанси України*. 2016. № 8. С. 38-58.
5. Пояркова Т. К. Олігархізація як кризовий синдром модернізації незалежної України. *Прикарпатський вісник НТШ. Думка*. 2013. № 3. С. 110-118.
6. Платон. Держава. К., 2000. С. 240-270.
7. Trade's Unions and Strikes: Their Philosophy and Intention, 1860, pp. 35—36.
8. Конституція України: прийнята на 5-й сесії Верховної ради України 28 червня 1996 р. Відомості Верховної Ради України. 1996. № 30. Ст. 142.
9. Зінченко про Порошенка ілюбих друзів 2005 [Електронний ресурс] URL: <https://www.youtube.com/watch?v=MUKZsJ9SBaE>
10. Яровой Т. С. Концептуальні засади лобіювання як інструмент реалізації цілей державної безпеки. *Інвестиції: практика та досвід*. 2020. № 2. С. 99-104.
11. Яровой Т. С. Цілі та функції лобістської діяльності в Україні: реалії сьогодення та еволюційний прогноз. ДП «Видавничий дім «Персонал». Публічне Урядування. *Public Management*. 2018. № 1 (11). С. 335-343.

Corresponding author

Литвиненко Виктор Иванович,
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный юрист Украины,
заведующий кафедрой международного права МАУП,
Mizhnar308@ukr.net
050 387 68 45
Orcid: 0000 – 0002 – 0433 - 7506

DIFFERENTIATION OF PART-TIME JOB AND COMBINATION OF DUTIES FROM OTHER TYPES OF ACTIVITIES IN THE OFFENSE UNDER ARTICLE 172⁴ OF THE CODE OF UKRAINE ON ADMINISTRATIVE OFFENSES (CUAO)

Korecka-Szukiewicz Dominika

РАЗГРАНИЧЕНИЕ СОВМЕСТИТЕЛЬСТВА И СОВМЕЩЕНИЯ С ДРУГИМИ ВИДАМИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СОСТАВЕ ПРАВОНАРУШЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 172⁴ КУоАП

Корецкая-Шукевич Доминика

Certain theoretical and practical problematic aspects of administrative responsibility for violation of restrictions on part-time job and combination of duties with other types of activities are considered. Single features of this corruption-related offenses have been investigated.

Certain problems, which are still present in the provisions of the administrative legislation in terms of determining the constructive features of the composition of violation of restrictions on part-time job and combination of duties with other activities, have been identified.

Normative legal acts of Ukraine defining the concepts of "part-time job" and "combination of duties", as well as the provisions of the theory of administrative law in determining the content of these concepts have been analyzed.

The main features of part-time job and combination of duties were identified, those features that are common to both concepts, as well as those that differentiate between part-time job and combination of duties have been set.

Key words: administrative liability, administrative liability legislation, corruption offenses, part-time job, combination of duties.

Рассмотрены отдельные теоретические и практические проблемные аспекты административной ответственности за нарушения ограничений относительно совместительства и совмещения с другими видами деятельности. Исследованы отдельные признаки этого правонарушения, связанного с коррупцией.

Определены отдельные проблемы, которые присутствуют в положениях административного законодательства в части определения конструктивных признаков состава нарушения ограничений относительно совместительства и совмещения с другими видами деятельности.

Осуществлен анализ нормативно-правовых актов Украины, которые определяют понятие «совместительство» и «совмещение», а также положения теории административного права относительно определения содержания этих понятий.

Определены основные признаки совместительства и совмещения, установлены те из них, которые являются общими для обоих понятий, а также те признаки, которые отделяют совместительство от совмещения.

Ключевые слова: административная ответственность, законодательство об административной ответственности, правонарушение, связанное с коррупцией, совместительство, совмещение.

Introduction

Implementation of liability for breach of restrictions on part-time job and combination of duties with other activities was a logical step to strengthen state control over the activities of persons authorized to perform the functions of state and local self-government.

Combating corruption is a complex, multidimensional and lengthy process that depends not only on the effective functioning of anti-corruption and judicial authorities, but also on the quality of the legislation that, so to speak, sets the rules of the game. In this aspect, the concepts contained in the legal norms should be concise, clear and unambiguous to enable the same law be equally applicable by different subjects of law.

Experience in applying the provisions of Art. 172⁴ of the CUAO, as well as theoretical experience in this aspect, testify to the existence of certain problems related to the definition of the terms "part-time job" and "combination of duties", which clearly demonstrates the need for a deeper theoretical search for responsibility for breaking restrictions on part-time job and combination of duties with other activities.

Research of these problems will eliminate the existing theoretical and practical problems, which in turn will lead to a reduction in the number of errors in law enforcement practice, will harmonize the legislation of Ukraine.

In this perspective, it's obvious to analyze of the basic legal acts that determine the content of the declared concepts, the work of theorists in the field of administrative law, as well as other branches of law, which will allow to determine the content of the concepts of "part-time job" and "combination of duties" and to find out their key features.

Based on the above, it is advisable to make a thorough analysis of the provisions of Art. 172⁴ of the CUAO through the prism of the current legislation of Ukraine, as well as through the prism of the scientific researches of the doctrine of administrative law.

The declared theme became the subject of scientific research of such scientists as K.L. Buhaichuk, O.I. Bezpalova, N.B. Bolotinoi, V.S. Venediktova, N.V. Verenycha, T.H. Holovan, H.S. Honcharovoi, O.V. Dzhaferova, I.V. Zuba, V.O. Ivantsov, N.M. Korchak, M.V. Molodtsova, P.D. Pylypenka, V.I. Prokopenka, V.H. Rotania, S.O. Shatrava and others.

Considering a lot of theoretical developments on these issues, we should emphasize that some problems in determining a sign of an offense related to violation of restrictions on part-time job and combination of duties with other activities continue to raise a number of objections, also when defining content of the concepts of part-time job and combination of duties, as well as defining their common and distinctive features.

In this aspect, it is obvious that addressing the problems associated with understanding the content of specified concepts is the fundamental task of properly qualifying the action and distinguishing it from related composition of an administrative offense, and so confirms the relevance of the declared theme and the feasibility of further scientific research in this direction.

The purpose of the article is to investigate the provisions of administrative legislation governing liability for **violations of restrictions on part-time job and combination of duties with other activities**, to determine problems related to the delimitation of these concepts on the basis of an analysis of Ukrainian legislation and theoretical experience.

Research results

The proper level of counteraction to corruption depends on many factors, including high-quality anti-corruption legislation that correctly defines the content and features of a particular act, as well as does not cause difficulties in the application of these provisions in law enforcement practice. Because any law must be concise, understandable and its provisions should not contradict the provisions of other regulations.

Correlation of two concepts, which are so-called key in determining the content of the action provided for in Art. 172⁴ of the CUAO was caused by scientific interest in view of the declared theme.

It's known that Part 1 of Art. 172⁴ of the CUAO provides for liability for violations by a person of the statutory restrictions on part-time job and combination of duties with other types of activity, namely in relation to engaging in other paid activities (except teaching, scientific and creative activity, medical and referee practice, instructional practice in sports) or business activities, as well as violations by a person of statutory restrictions on joining a board, other executive or controlling bodies, or the supervisory board of an enterprise or organization for profit (except when the person performs functions of managing shares (parts, divvy) that belongs to the state or territorial community, and represents the interests of the state or territorial community in the council (the supervisory board) or in the audit committee of the business organization) (Part 2 of this article).

At once two concepts that have some similarity, but they must obviously be different in their content, are used in this article by the legislator. Otherwise, their joint use is unjustified and will directly affect the quality of application of this rule in practice.

N.M. Korchak rightly points out that there are some problems in the part of judicial interpretation of determined categories; those categories are basic in establishing signs of a specific administrative offense related to corruption, in violation of restrictions on part-time job and combination of duties with other types of activities, as well as in deciding on the application of a type of administrative penalty defined in the legislation.

In turn, this adversely affects the correctness of the administrative offense qualification of the relevant types of cases. As well as the lack of generalization of case law experience on these issues and explanations of the Higher Specialized Administrative Court only serves to deepen this problems [1, pp.80-81].

In view of this, attention will be focused on the legislative definitions of "part-time job" and "combination of duties", as well as their theoretical interpretations.

First of all, it should be emphasized that "part-time job" and "combination of duties" as a concept has been reflected in some way in the legislation of Ukraine. Thus, in a joint decree of the Ministry of Labor of Ukraine, the Ministry of Justice of Ukraine, the Ministry of Finance of Ukraine No. 43 of 28.06.1993, which approved the provision "On working conditions by part-time job for employees of state-owned

enterprises, institutions and organizations”, it is determined that part-time job is considered as a work made by employee, except their main work, other regular paid work under the terms of the contract of employment at the free time from their main work at the same or another enterprise, institution, organization or citizen (entrepreneur, private person) for by hiring [2].

On the definition of this concept and define it taking into account the provisions of the legislation of Ukraine scientists are generally unanimous.

For example, as T.H. Holovan notes, part-time job is the performance by an employee, in addition to his/her main work, provided at the conclusion of an contract of employment (contract for service), of other work under the terms of the contract(s) of employment at the same or another enterprise, institution, organization or individual, in his/her free from his/her main job time, and the combination of duties of the professions (positions) - performance by an employee at the same enterprise, institution, organization, in addition to his/her main work, stipulated in a contract of employment, of additional work in another profession (position) within the same working time with surcharge in the amounts stipulated in the collective agreement [3, p.14].

Instead of this, M.E. Pankin offers to understand part-time job as a performance of other regular paid work by an employee on the terms of an contract of employment in free from his/her main work time [4, p.13-14].

Scientific publications on the subject indicate that the concept of "external part-time job" and "internal part-time job" are also used in practice. If an employee works at two enterprises, one of which is the principal place of work and the other is a part-time job, then that work is considered to be external part-time job. If an employee works at the same enterprise as the principal worker and in his/her free time, performs part-time job, then this work is considered to be internal part-time job [5, p.13].

The legislator has established restrictions for implementation of other paid activities for a certain category of persons. However, the legislator itself provided certain exceptions in this article, in particular, this prohibition does not apply to cases where such persons combine activities with teaching, scientific and creative activity, medical and judicial practice, instructor practice in sports.

Despite this, things are not so clear in this section. As M.I. Khavroniuk points out, teaching, scientific and creative activity, medical practice, instructional and refereeing practice in sports can be types of entrepreneurship . Therefore, if the person concerned engages in them as entrepreneurship (alone or through a certain person, especially relatives) there is a clear violation of the prohibition established by the legislation of Ukraine, he notes [6, p.195].

There is one interesting fact that for other persons not belonging to the category of corruption-related offenders, the list of non-aggregate types of activities is much wider. So, in the aforementioned provision it is defined that part-time job: 1) literary work, including editing, translating, and peer reviewing individual works, paid for by the author's fee; 2) technical, medical, accounting and other expertise with a one-time pay; 3) pedagogical work up to 240 hours per year with an hourly wage; 4) implementation of duties of medical consultants of healthcare institutions up to a maximum of 12 hours per month with a one-time pay; 5) guidance of graduate students in research institutions and higher education institutions of scientists and highly qualified specialists who are not in the staff of these institutions, with their work payment at the rate of 50 hours per year for the guidance of each graduate student; management of the department by highly qualified specialists, including those occupying leading positions in educational institutions and research institutions with payment in the calculation of 100 hours per academic year; 6) consultations by scientific workers of research institutes, teachers of higher educational institutions and institutes of improvement of doctors, by main specialists of health authorities in medical and preventive institutions up to 240 hours per year with hourly remuneration; 7) work of leading scientific, scientific-pedagogical and practical workers on short-term training of staff on contracts at the enterprises and in the organizations; 8) work without taking a full-time position

at the same enterprise, institution, organization, implementation of duties of management in offices, laboratories and departments by teachers of secondary education institution and teachers of professional educational and higher educational institutions, pedagogical work of managers and other employees in educational institutions, management of subject and cycle commissions, guidance of production training and practice of pupils and students, alternation of health workers over a monthly norm of working time, etc., work of teachers of secondary education institution and teachers of professional educational and higher educational institutions, as well as higher educational institutions that are equal to them in remuneration of employees, concertmasters and accompanists of educational institutions for training of workers of arts and music departments (faculties) of other higher educational institutions, in the same educational institution above the established norm of educational load, pedagogical work and management of hobbies groups in the same school, preschool, extracurricular educational institution; 9) transcription of musical notes, which is custom-made for businesses; 10) organization and conducting of excursions on the terms of hourly or part-time remuneration, as well as support of tourist groups in the system of tourist-excursion institutions of trade unions; 11) other work performed when the employee have part-time employment at the main job and accordingly receives a part-time salary if his/her remuneration for basic and other work does not exceed the full salary at the main place of work [2].

In view of the above-mentioned part-time job is characterized by the following features: 1) performance of the employee other work, in addition to his/her main; 2) such work must be performed under the terms of an contract of employment; 3) be on a regular basis; 4) such work must be paid for; 5) to be performed in free from main work time; 6) employee performs other work at the same or another enterprise, institution, organization or citizen (entrepreneur, individual) for hire. Of course, except for the mentioned above cases specified by law.

Similar features are also distinguished by scientists. Thus, in the scientific works to the main features suggest to attribute: part-time job is performed only on the basis of an contract of employment or contract for service; the work of a compatible employee may be performed not only at the place of the main work, but also at the same time at another enterprise, institution, organization or a individual person who uses hired labor; part-time job takes place in free from the main work time. [3, p.15].

According to N. V. Verenych these features include: **firstly**, part-time job involves performing, in addition to the main work of another, besides, the number of such works is not limited by law; **secondly**, all part-time job is performed on the basis of an contract of employment or contract for service; **thirdly**, such contract of employments or contracts for service may be entered into with entities of different forms of ownership [7, p.251-252].

Instead, the others on the basis of a systematic approach and interpretation of legislative acts distinguish the following essential features of the term "part-time job" as a category of exercised labor law: 1) in free from main work time; 2) at one/different enterprise, institution, organization (external/internal part-time job); 3) for payment for actually performed work without restriction; 4) on the terms of the contract(s) of employment [1, p.82].

Instead, the legislative definition of combination of duties is contained in Part 1 of Art. 105 of the Labor Code. In particular, it is noted that there is an extra payment for the combination of duties of the professions (positions) or performance of duties of a temporarily absent employee for employees who works at the same enterprise, institution, organization, in addition to their main work, stipulated in a contract of employment, additional work in another profession (position) or duties of a temporarily absent employee without dismissal from their main work [8].

Given this, it is possible to distinguish the following alignment features: 1) performing an employee of extra work in addition to main work; 2) such additional work should be performed exclusively at the same enterprise, institution, organization; 3) additional work is carried out solely by another profession (position) or the person performs the duties of a temporarily absent employee without being released

from the main work; 4) there is an extra charge for combination of duties professions (positions) or performing the duties of a temporarily absent employee.

According to some scholars, the following characteristics are more meaningful for the combination of duties of the professions (positions): the combination of duties of the professions (positions) occurs only in the presence of agreement of the parties to the contract of employment; an employee at the same time as own duties in own main profession (position) performs duties in another additional profession or in another position; performance of work duties by the employee's main and combined profession (position) is carried out within the framework of one contract of employment; performance of work in the conditions of combination of duties of the professions (positions) is carried out during the working normal duration day at the expense of labor intensification; performance of basic and combined work takes place only within one production unit that is at one enterprise, institution, organization or in one individual; for the performance of work duties in an additional profession or position, an employee receives a supplement, the amount of which is established by a collective agreement in accordance with the current legislation [3, p.15].

Conclusions

As a result, the key differences between part-time job and combination of duties can be determined that, when combined, additional work is carried out: **firstly**, at the same enterprise, institution or organization, while in case of part-time job is allowed to work at another enterprise, another institution or organization; **secondly**, in case of combination of duties, unlike part-time job, the work is performed in another profession (position); **thirdly**, other work in case of part-time job is paid separately, and in case of combination of duties, only the extra pay to the salary on main place of work is paid for the combination of duties of the professions (positions) or performance of the duties of a temporarily absent employee; **fourthly**, unlike part-time job, combination of duties is possible only in free from main work time; **fifthly**, performance of other work must be regular in case of combination of duties.

Reference list:

1. Korchak N.M. Problems of applying administrative responsibility for violation of restrictions on performance of other paid work or business activity / N.M. Korchak, Y.O. Korchak // Legal Bulletin, 2016, Issue 2 (39). pp. 80-85

[Корчак Н. М. Проблематика застосування адміністративної відповідальності за порушення обмежень щодо заняття іншою оплачуваною роботою або підприємницькою діяльністю / Н. М. Корчак, Я. О. Корчак // Юридичний вісник, 2016. Вип. 2(39). С. 80-85]

2. On approval of the Regulations on the conditions of part-time job of employees of state-owned enterprises, institutions and organizations: Order of the Ministry of Labor of Ukraine, Ministry of Justice of Ukraine, Ministry of Finance of Ukraine dated June 28, 1993 № 43. [Electronic resource]. Access mode: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/z0076-93>

[Про затвердження Положення про умови роботи за сумісництвом працівників державних підприємств, установ і організацій: Наказ Міністерства праці України, Міністерства юстиції України, Міністерства фінансів України від 28.06.1993 року № 43. [Електронний ресурс]. Режим доступу: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/z0076-93>]

3. Holovan T.H. Part-time job and combination of duties of the professions (positions) in labor law / T. H. Holovan: Abstract of dissertation ... Candidate of Law in specialty 12.00.05 - Labor Law; social security law // Kharkiv National University of Internal Affairs. Kharkiv, 2007. p.19

[Головань Т. Г. Сумісництво та суміщення професій (посад) в трудовому праві / Т. Г. Головань : Автореф. дис. ... кандидат юридичних наук зі спеціальності 12.00.05 – трудове право; право соціального забезпечення // Харківський національний університет внутрішніх справ. Харків, 2007. 19 с.]

4. Pankin M.E. Part-time job and combination of duties / M.E. Pankin: Legal literature, 1991, p.208

[Панкин М.Е. Совместительство и совмещение / М. Е. Панкин. М. : Юрид. литература, 1991. 208 с.]

5. Buhaichuk K.L. Administrative liability for corruption-related offenses [Text]: practical guide / K.L. Buhaichuk, O.I. Bezpalova, O.V. Dzhaferova, V.O. Ivantsov, S.O. Shatrava, Kharkiv: Kharkiv National University of Internal Affairs, 2016. p.100

[Бугайчук К. Л., Адміністративна відповідальність за правопорушення пов'язані із корупцією [Текст] : практич. посіб. / К. Л. Бугайчук, О. І. Безпалова, О. В. Джафарова, В. О. Іванцов, С. О. Шатрава. Харків : Харківський національний університет внутрішніх справ. 2016. 100 с.]

6. Scientific and Practical Commentary on the Law of Ukraine “On Prevention of Corruption” / Scientific edition Khavroniuk M.I. K.: Vaite, 2018. p.472

[Науково-практичний коментар до Закону України «Про запобігання корупції» / Наук. ред. Хавронюк М.І. К. : Ваїте, 2018. 472 с.]

7. Verenych N.V. The concept of part-time job and combination of duties under the labor legislation of Ukraine / N.V. Verenych // Bulletin of the Kharkiv National University of Internal Affairs, 2001. № 14. p.251-254

[Веренич Н. В. Поняття сумісництва і суміщення за трудовим законодавством України / Н. В. Веренич // Вісник Харківського національного університету внутрішніх справ, 2001. № 14. С. 251-254]

8. Code of Laws of Labor of Ukraine: Law of Ukraine of December 10, 1971 № 322-VIII. [Electronic resource]. Access mode: <https://zakon.rada.gov.ua/rada/show/322-08>

[Кодекс законів про працю України : Закон України від 10.12.1971 № 322-VIII. [Електронний ресурс]. Режим доступу: <https://zakon.rada.gov.ua/rada/show/322-08>]

Corresponding author

Korecka-Szukiewicz Dominika

postgraduate student of

Lviv University of Business and Law

<https://orcid.org/0000-0003-4570-0679>

UDC 342.95

Корецкая-Шукевич Доминика

аспирант

Львовского университета бизнеса и права

<https://orcid.org/0000-0003-4570-0679>

VICTIMOLOGY: CONCEPTS AND ITS TYPES

Myhal Roman Vasylyovych

ВИКТИМОЛОГИЯ: КОНЦЕПЦИИ И ЕГО ВИДЫ

Мигаль Роман Васильевич

This article explores the historical development of the concept of victimology. Victimology is a part of legal science and is considered in the criminological aspect, in criminal law, as well as in general theories.

Keywords: *victimology, criminal and criminological victimology.*

Эта статья исследует историческое развитие концепции виктимологии. Виктимология является частью юридической науки и рассматривается в криминологическом аспекте, в уголовном праве, а также в общих теориях.

Ключевые слова: *виктимология, криминалистическая и криминологическая виктимология.*

The purpose of the article.

Investigate the concept of victimology and its types.

Main plot.

In recent years, the problem of studying the behavior of victims in committing specific crimes has become increasingly topical in the criminological literature. This is due to a number of circumstances, and, above all, to bringing to the fore in the hierarchy the goals of law enforcement activities for the protection of the individual, his life, health and freedoms. This is due to the fact that the act of criminal encroachment and the condition facilitating its commission may sometimes be the behavior of the victim, who by their careless and sometimes provocative unlawful acts can create a criminal situation and thus facilitate the onset of the criminal consequence. Therefore, the study of the mechanism of criminal behavior, along with the identity of the offender requires a comprehensive and objective assessment of the victim, as one of the most important structural elements of the situation. This approach allows for the development of the most effective crime prevention measures and more objectively identifying adequate measures of influence.

Victimology examines the victim in terms of his moral, psychological and social characteristics that affect vulnerability, the situations that precede the crime, as well as the situations of the immediate

commission of the crime. This gives answers to the questions: how, in these situations, the behavior of the victim manifests itself in the interaction with the criminal behavior of the offender [1, p. 91].

Beginning in the middle of the XVIII century, criminology has been studying the criminal behavior of people, and since the end of the XIX century - problems of the offender. The victim of the crime has been the subject of criminological research only since the Second World War. And in the classics of law of the XVIII century (for example, Cesare Becari, who understood the criminal act as a violation of the moral order, as well as the rule of law, and this violation was based, in his opinion, on the will of the offender), and the positivists of the XIX century (for example, Cesare Lombroso, Sigmund Freud), who focused on analyzing the perpetrator's identity. For them, the crime was a symptom of the structure of the offender's personality, which, according to biocriminologists, was a consequence or quality, according to the theory of psychoanalysis, the result of a failed socialization of the child. At the forefront were the problems of "social protection" against criminals, their dangers, as well as the issues of investigating, dealing with criminals, rehabilitation, deterrence (intimidation) or ensuring public safety. Classics and positivists were considered a crime victim as a mechanical, static concept [2, p. 125].

The development of problems of victimology criminologists in depth turned in the late 60's of XX century.

Systematic research on the problem of the victim of the crime was carried out in 1948 by the German scientist G. Getig. He wrote the book "The offender and his victim", where he drew attention to the victim as a factor in the occurrence of the crime [1, p. 91-92].

Following Genting in Bucharest in 1947, Benjamin Mendelssohn made a very impressive report ("New Biopsychosocial Horizons of Victimology") in which he drew the attention of the scientific community to the science of crime victims. But the victimology was further developed by the same Hans von Gentig, who published in 1948 his book, *The Offender and His Victim*. To investigate the relationship between the offender and his victim tried in 1954 by Henry Ellenberg. "Man," he wrote, "consistently becomes a criminal or a victim ... If we analyze the lives of hardened criminals, it turns out that in childhood they were often subjected to abuse, extortion, exploitation and were given to themselves." In 1956, Hans Schulz introduced the notion of crime on the basis of the personal relationship between the offender and his victim.

In New Zealand, in 1963, the world's first law to compensate victims of crime was enacted. New Zealand was followed by England, some US states, provinces of Canada and Australia.

In 1972, a federal law on assistance to crime victims was passed in Austria. In many countries, including Germany, associations have emerged to support victims of crime (the White Ring).

In 1982, a federal law on the criminal protection of victims and witnesses of crime was issued in the United States. According to this law, the victim, who acts as a witness in criminal proceedings, is provided with judicial protection. Compensation of material damage by the offender becomes an independent type of criminal sanctions. The person serving the sentence is not entitled to benefit from his crime by publishing information about him, since this would again harm the interests of the victim.

In 1983, the Council of Ministers of the European Council in Strasbourg adopted the European Convention on Compensation for Victims of Violent Crimes. The concept defines the principles of compensation for victims of crime by the state and international cooperation in this field in the EU member states [2, p. 126].

Victimology has emerged and developed as a line in criminology that studies crime victims. However, over time, the view changed, different positions were made regarding the subject of victimology and its scientific status. D.V. Rivman defined them as follows: 1) victimology is a field of criminology, or private criminological theory, and accordingly develops within it; 2) Victimology - it is ancillary to the criminal law, criminal procedure law, criminalistics interdisciplinary science about the victim of

a crime. It exists and functions in parallel with criminology; 3) Victimology is a general theory, the doctrine of the victim, which has as its object the research of a victim of any origin, both criminal and unrelated to crime. Victimology is thus an independent science whose affiliation to the legal can only be partially recognized. Rather, it is the science of human life safety [3, p. 8].

The accumulated knowledge about the victim of the crime is quite diverse. The victim of the crime is studied by all the sciences of the criminal cycle, and each of them does so on the basis of the substantive interests of the relevant area of knowledge.

Thus, *criminal law* examines the victim as a sign of the crime, characterizing the object of criminal protection, takes into account the status and behavior of the victim in the qualification of the crime, the purpose of punishment of the offender, release from criminal responsibility.

Criminal procedural science addresses the problem of the victim as a party to criminal proceedings, in connection with which it formulates the legal concept of the victim, substantiates the content of its legal status, develops an order of protection of its rights and legitimate interests in the pre-trial investigation and during the trial.

In forensics, the victim's personality is studied in two directions: 1) for the construction and use of forensic characteristics of different categories (types) of crimes; 2) to develop and implement tactics of conducting individual investigative and judicial actions [4].

Criminal law works to improve the legislation on the protection of the interests of victims during the execution of criminal penalties, in particular the establishment of the duty of the offender to compensate for the harm caused by the crime, the normative fixing of the victim's participation in the execution of punishment, ensuring the personal security of prisoners in prison their rights by other convicts [5].

An important task of criminal victimology is education (legal education) of citizens. Studies show that many victims have a low level of legal knowledge. Most of them do not know the legal rules that protect their life, health, property, and some who have heard something do not know how and when to apply them. In turn, one cannot but note the relatively high level of legal knowledge among criminals. In this regard, legal education and legal advocacy of knowledge about how not to become a victim of a crime is necessary, especially in circumstances where the state is unable to protect all citizens from criminal acts.

Criminological victimology not only really exists, but also actively develops in the system of the science of criminal law. Victimological information about the determinative manifestations of the victim, the conditions of formation of his personality, evaluative attitudes, peculiarities of the psychological state are used by the criminal process, criminalistics, operational search activities, criminal law. Conversely, victimology is enriched with information about the victim of criminal proceedings, criminalistics, criminal law, etc.

Among the mentioned sciences of the criminal-law cycle, which investigate the victim of crime, *criminology* occupies a central place, because victimology initially formed into an independent scientific and applied direction within the limits of criminological theory. Criminology develops the general doctrine of the victim of crime, forms its categorical-conceptual apparatus, learns the nature of group (mass) and individual victimization, examines the process of victimization and the factors that influence it, determines the role of victim behavior in the crime genesis. The sphere of criminological interests also includes victimology characteristics of victims from different types of crimes, typology of victims, scientific support of the state policy in the sphere of protection of the rights of victims of crime, strategic directions and measures of victimological prevention, search of ways and ways of rehabilitation of victims of crime prevention criminal offenses [6].

Therefore, criminological victimology is a system of knowledge about victims of crime, their behavior, the factors that affect them, the typical situations that lead to criminal assault, and measures of victimology prevention.

Currently, the concept of victimology is considered from three positions: 1) as a field of criminology; 2) as an auxiliary to the criminal law, criminal procedure, criminalistics interdisciplinary science about the victim of a crime; 3) as the victim's doctrine, the object of the investigation is the victim of the crime.

K.V. Vyshnevetskii defines victimology as a science that studies the identity of the victim of crime, the nature and content of its behavior, the moral and psychological personality of the victim, the role of the victim in the mechanism of criminal behavior, and criminal victimology as a science that investigates the complex personality and behavior of victim criminal offenses; their role in the genesis of crime; criminologically significant relationships and relationships between the victim and the offender; ways and methods of compensation or compensation for the harm caused to the victim as a result of criminal assault [7].

In turn, R. Haptelhaniev defines criminal victimology as a complex, interdisciplinary legal branch of science that considers the problem of crime victims from the standpoint of criminal law, criminal procedure and criminology. The victim of a crime is a person who has actually suffered physical, moral or pecuniary damage from the unlawful acts of another person. The actions of the offender or the offender are often determined not only by his aggressive motives and anti-social attitude, but also by the life situation in which he acts, by the personal qualities and behavior of his victim [8].

To date, we believe that victimology has become an independent, important applied science. D.V. Rivman does not even refer to it as jurisprudence, but acknowledges the science of human life security [9], since victim victimization - victimology (viktima - victim, logos-doctrine) - is part of a broader doctrine of victims not only crimes, but also the consequences of accidents, natural and man-made disasters, epidemics, wars and other armed conflicts, political confrontations [10, p. 197].

In our opinion, victimology is a separate science that studies personality in various areas of social relations. It interacts with various areas of law. In our case, we can say that victimology studies the identity of the person who has become a victim.

From the above, it follows that the subject of victimology is a person who has been the victim of physical, moral or material harm, including criminals; their behavior, which was in one or another connection with the crime (including the behavior after the crime was committed); relationships that linked the offender and the victim to the time of the crime; situations in which the injury occurred.

According to D.V. Rivman, Victimology studies:

- Moral-psychological and social characteristics of victims of crime, to answer the question why, owing to some emotional, volitional, moral qualities, socially determined orientation, the person appeared to be a victim;
- Relationships that bind the offender and the victim (victim) to answer the question to what extent these relationships are important for creating the preconditions of the crime, how they affect the relationship between the crime and the motives of the offender;
- Situations preceding the crime, as well as situations of immediate crime to answer the questions, in these situations in interaction with the criminal's behavior criminologically, the behavior (action or inaction) of the victim is manifested;
- Post-criminal behavior of the victim to answer questions that he or she is doing to restore his or her right;
- A system of preventive measures, which takes into account and uses the protective capabilities of both potential victims and actual victims;

- Ways, opportunities, ways of compensation for the harm caused by the crime, first of all physical rehabilitation of the victim [11].

A.L. Sitkovskii identifies the tasks of victimology, the main of which is the study of the identity and behavior of the victim, the study of victimization, victimization and victimogenic factors, which allows a new look at crime, its causes, crime prevention. As a result, it is possible to detect and investigate crimes more qualitatively and effectively, as well as to establish their full picture, to objectively evaluate the culprit's guilt, taking into account the role of the individual and the behavior of the crime victim [11].

Victimology studies the role of the victim in the emergence of criminogenic situations and develops the so-called victimology aspect of crime prevention, the main task of which is to minimize criminogenic situations created directly by victims. The essence of the victimology aspect of crime prevention is that it is necessary to carry out preventive work not only among potential offenders, but also among potential victims - people whose behavior, lifestyle, relationships, marital status and activity create an increased risk for them to find themselves in the role of the victim of a criminal assault.

As the well-known Russian scientist Professor A.I. Debt, for a long time, law enforcement agencies were unilaterally oriented to work around the crime and the perpetrator without due attention to the victim of the crime. As a consequence, there is still no complete account of the victims, and thus their personal characteristics are not studied, victim-prevention measures are conducted on a case-by-case basis, and in general the victim's figure is often considered no more than a source of information about a crime and a criminal as a participant (party) of criminal proceedings. relations [12, p. 374]. We completely agree with this statement, no statistics show us the number of victims of a crime.

Conclusions.

From a large array of scientific works can be deduced a number of conceptual provisions of victimology:

- the central category of victimology is "victim of crime", each crime has its own victim;
- the likelihood of becoming a victim of a crime depends on a particular phenomenon - victimization, which is individual and group (mass);
- the amount of victimization may vary. The process of increasing it is called victimization, the decrease is called victimization;
- Victimization factors (determinants) influence the increase in the level of victimization;
- victimization is associated with latent crime;
- there is a conditional connection between the offender and the victim; they may change roles during criminal interactions;
- the victim's behavior in a particular life situation plays an important role in the mechanism of criminal behavior;
- victim behavior has different effects on the motivation and decision to commit a crime against a particular person;
- victim behavior in the mechanism of criminal behavior serves as a condition conducive to the commission of a crime;
- victim prevention measures reduce the risk of becoming a victim of crime;
- the harm caused to the victims of the crime must be compensated and the violated rights restored.

List of references

1. Criminology: A Textbook / For the General. ed. LS Smiana, Yu. V. Nikitin. K.: National Academy of Management, 2010. 496 p.
2. Kurilo VI, Mikhailov OE, Yara OS Criminology: The General Part. Course of lectures. Tutorial. K.: Condor, 2006. 192 p.
3. Ryvman D. In. Criminal Victimology. St. Petersburg: Peter, 2002. 304 p.
4. Forensic Science Ed. V. Shepitka. 2nd ed., Reworked. and add. K.: Concern "In the Publishing House" In Yure ", 2004. 728 p.
5. Criminal Enforcement Law: A Textbook / V. Golin, A. H. Stepaniuk, O. V. Lysoded, et al. ; in a row. V. V. Golyni and A. H. Stepaniuk. H.: Right, 2011. 328 p.
6. Criminology: General and Special Parts: a textbook / IM Danshin, VV Golina, M. Yu . for the total. ed. VV Golyna. 2nd in id. recycling. and ext. X.: Law, 2009. 288 p.
7. Vyshnevetsky KV The Place of Victimological Theory in Criminology // Society and Law. 2010. № 1. S. 208-212.
8. Gaptelganiev R. Criminal Victimology: Concepts, Types and Degree of Victimism // Judge of the Peace. 2009. № 7.
9. Rivman DV Criminal Victimology: A Textbook for Universities. St. Petersburg, 2002. P. 93.
10. Criminology: a textbook / under. ed. In .H. Kudryavtseva and V.E. Eminova. 3rd view. the slave. and ext. M.: Lawyer, 2007. 734 p.
11. Criminology: a textbook for universities / ed. V. D. Malkova.
12. Criminology: Textbook / Under the Common. ed. A.I.Dolgov. M.: NORMA INFRA-M, 1999. P. 374.

Corresponding authors

Myhal Roman Vasylyovych
*postgraduate student of the Law Faculty of the
Higher Education of Law
Lviv University of Business and Law*
ORCID ID : [tps://orcid.org/0000-0002-6226-1391](https://orcid.org/0000-0002-6226-1391)

Мигаль Роман Васильович,
*аспірант юридического факультета,
Львівський університет бізнеса і права*
УДК 343.9

НАПРАВЛЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ КАЧЕСТВА ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УЧРЕЖДЕНИЯХ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ СИСТЕМЫ МВД УКРАИНЫ

Станислав Потопальский

Определены и охарактеризованы ключевые направления административно-правового обеспечения качества образовательной деятельности в учреждениях высшего образования системы МВД Украины.

Отмечено, что к ключевым видам образовательной деятельности в учреждениях высшего образования системы МВД необходимо отнести: 1) те, которые связаны с подготовкой, переподготовкой, повышением квалификации и специализации специалистов, соответствующих образовательно-квалификационным уровням; 2) предоставление услуг в области образовательной деятельности, в том числе сверхгосударственного заказа в пределах лицензионного объема; 3) оказание услуг, имеющих сопутствующий характер к образовательной деятельности, в частности организационного, методического и иного характера.

Выделены основные направления административно-правового обеспечения качества образовательной деятельности в учреждениях высшего образования системы МВД Украины, к которым отнесены: 1) политико-правовой; 2) инструментально-функциональный; 3) направление организационного обеспечения; 4) коммуникативное направление; 5) направление формирования и поддержания надлежащего функционирования системы институтов, призванных обеспечивать качество образования в учреждениях высшего образования МВД Украины. Предоставлена содержательная характеристика каждого из обозначенных выше направлений.

Указано, что приведенный перечень направлений не претендует на полноту, однако мы убеждены, что проведение административно-правового обеспечения качества образовательной деятельности в учреждениях высшего образования системы МВД Украины по указанным направлениям является важным условием создания комплексного механизма осуществления данного обеспечения. Отмечено, что обеспечительная работа по каждому из приведенных выше направлений проводится в соответствующих формах, рассмотрение которых требует отдельного научного исследования.

Ключевые слова: *направление, административно-правовое обеспечение, образовательная деятельность, учреждение высшего образования, система МВД Украины.*

Постановка проблемы

В современных условиях важной задачей украинского государства является обеспечение эффективного функционирования органов системы МВД Украины. Такое обеспечение должно осуществляться в разных направлениях, среди которых одно из ключевых мест занимает улучшение системы качества образовательной деятельности в учреждениях высшего образования

системы МВД Украины. В свою очередь, под системой обеспечения качества образовательной деятельности в учреждениях высшего образования системы МВД можно понимать совокупность составляющих ее элементов: уполномоченных субъектов и осуществляемых в пределах их полномочий мер, направленных на обеспечение соблюдения предусмотренных нормами законодательства стандартов, условий и требований, что проявляются в осуществлении образовательной деятельности с целью установления степени соответствия образовательной деятельности установленным нормам и потребностям МВД, соискателей высшего образования и общества. Исходя из приведенного, справедливым будет указать, что соответствующее обеспечение является сложным явлением, которое осуществляется по разным направлениям, исследованию которых и будет посвящено данное научное исследование.

Состояние исследования

Отдельные проблемные вопросы обеспечения качества образовательной деятельности в учреждениях высшего образования системы МВД Украины в своих научных трудах рассматривали: И.В. Бригадир А.Л. Дзюбенко, А.А. Евдокимова, Т.А. Лукина, А.Н. Муzychuk, М. В. Туленков, Д.А. Поштарук, В.М. Прибылова, И.М. Ушкаленко, Ю.А. Федорченко, Ю.Ю. Чуприна, А.В. Шарнин, Д.В. Швеиц и многие другие. Впрочем, несмотря на большое количество научных разработок, в юридической литературе отсутствуют комплексные исследования, посвященные направлениям административного правового обеспечения соответствующей деятельности, что является существенным пробелом в теоретическом и практическом уровнях.

Именно поэтому **целью** статьи является: определить направления административно-правового обеспечения качества образовательной деятельности в учреждениях высшего образования системы МВД Украины.

Изложение основного материала

Начиная научное исследование, следует отметить, что к основным видам образовательной деятельности в учреждениях высшего образования системы МВД можно отнести: во-первых, те, которые связаны с подготовкой, переподготовкой, повышением квалификации и специализации специалистов соответствующих образовательно-квалификационных уровней согласно стандартам высшего образования в рамках государственного заказа для их дальнейшей службы на должностях офицерского (сержантского, старшинского) или начальствующего состава в целях удовлетворения потребностей МВД; во-вторых, предоставление услуг в области образовательной деятельности, в том числе сверхгосударственного заказа в пределах лицензионного объема, непосредственно связанные с предоставлением документов о завершении определенного вида образования государственного образца (например, подтверждение квалификации, полученной по результатам неформального профессионального обучения, сертификация авиационного персонала в соответствии с полученными лицензиями и т.п.); в-третьих, предоставление услуг, имеющих сопутствующий характер к образовательной деятельности, в частности организационного, методического и иного характера (например, составление библиографических списков для курсовых, дипломных и научных работ, каталогов для личных библиотек, библиотек предприятий, учреждений и организаций, подготовка фактографических, аналитических и библиографических справок, издание и реализация учебной литературы, методических, научно-методических, научных, научно-технических изданий, печатных средств массовой информации, разработка, внедрение и сопровождение электронных учебных материалов, курсов дистанционного обучения и др.). Указанные виды реализуются в институциональных формах обучения, в частности: очной, заочной и дистанционной, или заочной с элементами дистанционного.

Следовательно, мы убеждены, что административно-правые качества образовательной деятельности в учреждениях высшего образования системы МВД Украины должно осуществляться в следующих ключевых направлениях:

Во-первых, политико-правовой, который предусматривает создание политико-правовой основы осуществления образовательной деятельности в учреждениях высшего образования системы МВД Украины. Назначением данного направления является формирование и развитие концептуальных основ государственной политики по обеспечению качества образования в указанных учреждениях высшего образования, а также создание правового поля в рамках которого должна происходить как образовательная деятельность, так и ее обеспечение. Через средства права определяются принципы, средства и порядок административно-правового воздействия компетентных субъектов на предмет обеспечения. Главная миссия исследуемого обеспечения в этом направлении – заложить идейный стержень образовательной деятельности, определить стандарты качества, в силу которых она (то есть образовательная деятельность) должна осуществляться и устанавливать общие правила ее проведения.

На внутреннем уровне данное направление заключается в разработке и внедрении локальных правил и программ, направленных на: проведение государственной образовательной политики непосредственно в образовательной среде конкретного учреждения высшего образования в системе МВД Украины; закрепление основных ценностей и приоритетов, на которых основывается внутренняя политика учреждения высшего образования, стратегия организации и проведения образовательной деятельности в нем.

Во-вторых, инструментально-функциональное направление, сущностью которого является выработка средств административно-правового воздействия на качество образовательной деятельности исследуемых высших учебных заведений. Такими средствами являются инструменты, процедуры, которые позволяют проверять и оценивать состояние подготовки учебного заведения к образовательной деятельности, эффективность и результативность ее осуществления. Одним из таких ключевых инструментов является контроль качества образовательной деятельности высших учебных заведений системы МВД Украины. Контроль (англ. Control) - одна из функций управления, назначение которой - выявление возможных отклонений величины фактических параметров управляемой системы от желаемых (цели, задачи, нормы и т.д.) с целью обеспечения достижения организацией своих целей [1, с.146]. Контроль, пишут Ю. П. Сурмин, В. Д. Бакуменко и др., - это механизм регуляции поведения людей (групп, коллективов, организаций, общества в целом), направленный на то, чтобы добиться неукоснительного выполнения общественными институтами, социальными группами и отдельными гражданами правовых и этических норм, законов, регулирующих общественные отношения, обеспечить социальную защиту индивидов, их прав с учетом социальной справедливости, соблюдения ими нормативных и этических ограничений [2, с.339]. И.Я. Малиновский в своих работах пишет, что контрольная и надзорная деятельность по обеспечению законности в государственном управлении присуща всем звеньям государственного механизма. В общем виде контрольная функция заключается в том, чтобы установить соответствует ли деятельность органов власти, предприятий, учреждений, организаций тем задачам, которые стоят перед ними; выполняются и как выполняются возложенные на них обязанности; каков практический результат проделанной работы; есть ли отклонения от поставленных целей и если да, то каковы причины и кто в этом виноват, и тому подобное. То есть контроль, заключает исследователь, — это процесс обеспечения достижения организацией своих целей, состоящий из установленных критериев, определения фактически достигнутых результатов и внедрение коррективов в том случае, если достигнутые результаты существенно отличаются от установленных критериев. Выполнять контроль принадлежит изначально с формулировки целей и задач, с самого начала создания организации, учреждения. Контроль, по мнению В.Я. Малиновского, необходим по следующим причинам: 1) из-за фактора неопределенности; 2) для предупреждения возникновения кризисных ситуаций. Эффективный

контроль должен обеспечивать выявление проблем и возможность корректировки действий до того, как эти проблемы смогут перерасти в кризис. То есть, необходимо вовремя фиксировать ошибки и исправлять их до того, как они станут препятствием достижения целей организации;- 3) для поддержания успеха. Определив, какие именно аспекты деятельности будут способствовать успеху, можно их потом соответствующим образом стимулировать. Контроль должен играть, не только отражая, фиксирующую роль, но и, безусловно, регулятивную. Контрольная функция должна осуществляться в сочетании с другими формами и методами государственного управления, вызывая их связь. Контроль - не самоцель, он обнаруживает и создает условия для правового и исполнительного механизма, предотвращающего незаконную деятельность управленческого аппарата [3, с.293]. В. И. Загуменник и В.В. Проценко отмечают, что среди способов обеспечения законности и дисциплины в сфере государственного управления важное место занимает контроль. Он является важным признаком содержания государственного управления. Контроль — это основной способ обеспечения законности и дисциплины в государственном управлении, один из важнейших элементов государственного управления. Функция контроля в государственном управлении состоит в анализе и сравнении фактического состояния в той или иной отрасли с требованиями, которые поставлены перед ним, выявлении отклонений в выполнении поставленных задач и причин этих отклонений, а также оценке деятельности и целесообразности именно такого пути [4].

С.О. Кохан, проанализировав широкий спектр первоисточников, отмечает, что можно сформировать видение контроля в узком и широком смысле. В частности, контроль в сфере государственной службы рассматривается в узком смысле как функция и в широком как специфические общественные отношения взаимодействия субъекта и объекта контроля с точки зрения соблюдения определенных норм. Обобщая различные толкования в научной литературе и осознавая сущность контроля, С.А. Кохан считает, что под контролем следует понимать проверку, наблюдение с целью установления соответствия чего-либо определенным требованиям. Соответственно, контрольная деятельность — это контрольные действия, процесс, деятельность объединенных в соответствующую систему субъектов контроля, основанная на использовании принципов, методов и технологий контроля в отношении объектов контроля и направлена на достижение управленческих целей и задач [5].

В.Б. Аверьянов подчеркивает, что государственный контроль является важным элементом системы государственного управления, что позволяет существенно влиять на ход управленческой деятельности, корректируя ее в случае выявления отклонений от определенного направления. Значение и важность государственного контроля особенно возрастает в нынешних условиях ослабления исполнительской дисциплины, снижение эффективности управленческих решений, несоблюдение требований законодательства. Государственный контроль, которому присущи систематичность, целеустремленность, всесторонний анализ информации о фактической ситуации, проверка соответствия управленческих действий принятым управленческим решениям, проявления результатов воздействия на ход управленческой деятельности, служит интегрирующим средством проверки общей направленности управления и одновременно проверки достижения конечного результата управленческой деятельности и осуществления ее на определенных этапах [6, с.427]. Контроль, пишут ученые, - неотъемлемая часть управленческой деятельности, фактор повышения ее эффективности и дальнейшего совершенствования. Недооценка или даже отрицание контроля - опасное явление, поскольку отсутствие «обратной связи», информации о действиях управленческих решений, их выполнение и дальнейшее формирование управленческой стратегии может существенно влиять на всю динамическую систему обеспечения реализации исполнительной власти [6, с.427-428]. Контроль, как вид государственной деятельности, функция органов власти и управления, направлен на обеспечение дальнейшего развития общества. Он является одним из важнейших каналов получения объективной информации об обществе в целом, политические, экономические и социальные процессы, происходящие в государстве. Контроль способствует выполнению возложенных задач, обеспечивает соблюдение четкости и целесообразности работы органов власти и управления, которые являются организаторами

деятельности людей, занятых в различных сферах общественной жизни. Контроль играет важную роль в повышении ответственности государства в лице своих органов перед обществом за свои действия [6, с.430].

Следовательно, значение осуществления контроля как направления обеспечения качества образовательной деятельности высших учебных заведений МВД Украины трудно переоценить, ведь благодаря ему государство, в лице его компетентных органов и должностных лиц, выясняет состояние дел в исследуемой сфере, проверяет уровень соответствия образовательной деятельности высших учебных заведений МВД Украины установленным стандартам, определяет проблемные моменты в ней и причины и факторы, приведшие (приводят) к их появлению. Контроль выступает одним из факторов, который обеспечивает надлежащий уровень качества и эффективности, открытости и прозрачности деятельности учебных заведений.

Действующее законодательство предусматривает довольно широкий круг средств, через которые осуществляется административно-правовое воздействие, в том числе контроль качества образовательной деятельности, а именно: лицензирование образовательной деятельности; аккредитацию образовательных программ; институциональную аккредитацию; общественную аккредитацию учебных заведений; внешнее независимое оценивание результатов обучения; институциональный аудит мониторинг качества образования; аттестации педагогических работников; сертификацию педагогических работников; общественный надзор [7].

В-третьих, формирование и поддержание надлежащего функционирования системы институтов, призванных обеспечивать качество образования в учреждениях высшего образования МВД Украины;

В-четвертых, организационное обеспечение - направление обеспечения, сущность которого заключается в создании, поддержке надлежащего функционирования и развития инфраструктуры в учреждениях высшего образования в системе МВД Украины, необходимой для проведения качественной образовательной деятельности.

В-пятых, коммуникативное направление, которое предусматривает налаживание и поддержание системной, систематической и эффективного взаимодействия между субъектами, в задачи которых входит обеспечение качества образовательной деятельности в учреждениях высшего образования системы МВД Украины.

Вывод

Завершая представленное научное исследование, следует обобщить, что указанный перечень направлений не претендует на полноту, однако мы убеждены, что проведение административно-правового обеспечения качества образовательной деятельности в учреждениях высшего образования системы МВД Украины по указанным направлениям является важным условием создания комплексного механизма осуществления данного обеспечения. Обеспечительная работа по каждому из приведенных выше направлений проводится в соответствующих формах, рассмотрение которых, в свою очередь, требует отдельного научного исследования.

Литература

1. Економічний словник / Й. С. Завадський, Т. В. Осовська, О. О. Юшкевич. К. : Кондор, 2006. 356 с.
2. Енциклопедичний словник з державного управління / уклад.: Ю. П. Сурмін, В. Д. Бакуменко, А. М. Михненко та ін. ; за ред. Ю. В. Ковбасюка, В. П. Трощинського, Ю. П. Сурміна. К.: НАДУ, 2010. 820 с.
3. Малиновський В. Я. Державне управління: Навчальний посібник Вид. 2-ге, доп. та перероб. К.: Атіка, 2003. 576 с.
4. Державне управління та виконавча влада в Україні: Навчальний посібник / В.І. Загуменник, В.В. Проценко. Бендери: Київ: Б.и., 2015 (ДУВПП «Бендерська друкарня «Поліграфіст»). 296 с. // [Електронний ресурс] Режим доступу: https://pidruchniki.com/84664/pravo/kontrol_naglyad_vidi_sposobi_zabezpechennya_zakonnosti_distiplini_sferi_derzhavnogo_upravlinnya
5. Кохан С.О. Концепція контролю: науковий ракурс // [Електронний ресурс] Режим доступу: http://www.academy.gov.ua/ej/ej7/doc_pdf/kohan.pdf
6. Виконавча влада і адміністративне право /За заг. ред. В.Б. Авер'янова. К.: Видавничий Дім "Ін-Юре", 2002. 668 с.
7. Закон України «Про освіту» від 5.09.2017 р. № 2145-VIII // ВВР, 2017, № 38-39, ст.380

Corresponding authors

Потопальский Станислав Витальевич,
*соискатель Института права и общественных отношений
Открытого международного университета
развития человека «Украина»
УДК 342.9 (477)*

ДЕТЕРМИНАЦИОННЫЙ КОРПУС ПРЕСТУПНОСТИ В ОБОРОННО-ПРОМЫШЛЕННОМ КОМПЛЕКСЕ УКРАИНЫ

Сергей Кожушко

DETERMINATION BODY OF CRIME IN THE MILITARY INDUSTRIAL COMPLEX OF UKRAINE

Serhii Kozhushko

Статья посвящена теоретическому моделированию детерминационного корпуса преступности в оборонно-промышленном комплексе (далее – ОПК) Украины. Установлено, что детерминационный корпус преступности в ОПК является многомерной моделью, состоящей из функциональной (предметной) компоненты криминогенных факторов, а также структурной, представленной уровнями, направлениями, узлами, внутри- и внешнесредовыми связями. Кроме этого, модель является сегментированной на коррупционный сектор и сектор государственной (национальной) безопасности.

Ключевые слова: оборонно-промышленный комплекс, преступность, детерминация, модель, структура, факторы.

Установлено, что основными уровнями воспроизводства факторов преступности в ОПК являются: 1) глобальный, характеризующийся вовлечением Украины в орбиту геополитических столкновений, приобретение страной свойств преимущественно объекта внешнеполитического влияния, реализуемого как легальными экономическими, политическими, правовыми рычагами, так и сугубо криминальными, гибридными; 2) общегосударственный уровень, представляющий общие для всей отрасли факторы преступности, формирующиеся в основном в сфере деятельности высших и центральных органов государственной власти, законотворчества; 3) отраслевой уровень, представленный недостатками отраслевого правового регулирования, а также устойчивыми коррупционными схемами в сфере государственного оборонного заказа, специальных экспортных операций и пр.; 4) региональный уровень, на котором проявляются криминогенные условия взаимодействия общегосударственных и местных элит; 5) объектовый уровень со специфицированными коррупционными и другими преступными практиками, зависящими от направленности деятельности отдельного предприятия ОПК, его инфраструктуры, состава администрации.

Отстаивается мнение о том, что межуровневые связи детерминационного корпуса в рамках ризоматичной структуры обеспечиваются функционированием узловых факторов, существование которых отвечает за сохранение целостности феномена преступности в ОПК. Такими узловыми факторами системного свойства являются коррупционные схемы.

The article is focused on theoretical modeling of the determination body of crime in the military industrial complex (hereinafter – the MIC) of Ukraine. It has been established that the determination body of crime in the MIC is a multidimensional model consisting of a functional (subject) component of criminogenic factors, as well as a structural internal and external environmental relations, represented by levels, directions and units. Besides, the model is segmented into the corruption sector and the sector of state (national) security.

It has been established that the main levels of reproduction of crime factors in the MIC are: 1) global, characterized by the involvement of Ukraine in the orbit of geopolitical clashes, the acquisition by the country of the properties of a predominantly object of foreign policy influence, implemented both by legal economic, political, legal levers, and purely criminal, hybrid; 2) the national level, representing crime factors common to the entire industry, which are mainly formed in the sphere of activity of the highest and central state authorities, law-making; 3) sectoral level, represented by the shortcomings of sectoral legal regulation, as well as persistent corruption schemes in the field of state defense order, special export operations, etc.; 4) the regional level, where the criminogenic conditions for the interaction of national and local elites are manifested; 5) the object level with specified corruption and other criminal practices depending on the direction of activity of a particular MIC enterprise, its infrastructure and the composition of the administration.

The author has argued the opinion that the inter-level relations of the determination body within the framework of rhizomatic structure are ensured by the functioning of junctional factors, the existence of which is responsible for maintaining the integrity of the crime phenomenon in the MIC. Such junctional factors of a systemic nature are corruption schemes.

Key words: military industrial complex, crime, determination, model, structure, factors.

Актуальность

Преступность в ОПК любой страны – это существенная угроза национальной безопасности, которая в ряде случаев, особенно в глобализованном мире, выходит за пределы отдельного государства и распространяется на военно-политические альянсы и жизненно важные объекты (ценности, блага), поставленные под их охрану. Не является исключением и преступность в украинском ОПК, который традиционно поражён системными коррупционными практиками и, кроме того, в условиях вооруженной агрессии против Украины, – испытывает криминально-деструктивное вмешательство со стороны как внутренних, так и внешних агентов агрессии. Действуют они различными способами, по многим направлениям, что, безусловно, добавляет пестроты спектру факторов детерминации преступности в ОПК. Попытки выстроить систему согласованных, проактивных и эффективных мер сдерживания процессов криминализации (в криминологическом смысле) этой сферы ставят на повестку дня вопрос о необходимости в предварительной разработке научно обоснованного представления о структуре детерминационного корпуса (комплекса) преступности в ней. Без наличия такого знания стратегирование и программирование уголовно-превентивных мер является невозможным.

Проблемы противодействия преступности в военной и смежной с ней сферах неоднократно рассматривались в работах А. М. Бандурки, А. Г. Кальмана, А. Н. Литвинова, В. А. Липкана, В. В. Лунеева, А. В. Носача, А. А. Степанченко и других криминологов, криминалистов. Признавая основательность и научную значимость имеющихся наработок, следует также признать и то, что они в основном касаются преступности военнослужащих или преступлений, посягающих

на государственный суверенитет в целом и не освещают с достаточной полнотой и точностью проблем воспроизводства преступности в ОПК.

Цель статьи – установление и научное описание структуры детерминационного корпуса преступности в ОПК Украины.

Многомерная модель детерминационного корпуса

Детерминация преступности – процесс взаимодействия разнородных социальных и природных факторов (детерминант), что имеет своим следствием существование преступности, её систематическое воспроизводство, появление новейших ее разновидностей, форм проявления, негативных изменений в состоянии (рост уровня, усложнение структуры, географии и т.д.). Криминологическое учение о детерминации преступности исходит из понимания комплексности, системности, многоуровневости и непрерывности процесса воспроизводства преступности [1, с. 178]. Следовательно, научное представление о детерминационном корпусе преступности вообще и в сфере ОПК в частности формируется через многомерное моделирование факторов и связей в динамическом структурном образовании ризоматичного типа. Ризоматичность означает отсутствие иерархических, субординационных связей между отдельными факторами и их группами, констелятивность их отношений, принципиальная невозможность выделить и разграничить причины и условия криминальной активности в упомянутой сфере.

Термин ризома введен в философию Ж. Делёзом и Ф. Гваттари и получил характеристику в одноименной совместной работе исследователей и продолжал рассматриваться в ряде других работ. Поскольку «мир потерял свой стержень», остается признать, что «абсолютно необходимы неточные выражения, дабы обозначить что-либо точно» [2, с. 36]. Ризома вошла в число понятий (концептов), с помощью которого оказалось возможным анализировать и понимать мир, который «потерял стержень» [3, с. 807]. Ризома — понятие философии постмодерна, фиксирующее нелинейный способ организации целостности, оставляющий возможность для подвижности и самоконфигурирования. Подчеркивается, что ризома является радикальной альтернативой замкнутым и статичным линейным структурам, которые в классической европейской культуре соотносятся с метафорой корня. Ризома отвергает корневую организацию, представляя собой клубень, луковицу со скрытым стеблем, который может развиваться в любом направлении. Ризома помогает умножить грани реальности, так как не имеет непересекаемых границ [4, с. 3102–3104; 5, с. 115–118; 3, с. 807]. Ризома не начинается и не заканчивается, она всегда посреди, между вещей, межбытие, интермеццо. Дерево – это преемственность, а ризома — альянс, только альянс. Дерево навязывает глагол «быть», а ризома соткана из конъюнкций «и... и... и...» [6, с. 42].

Убеждены, что оперирование концептом ризомы в криминологических исследованиях – существенный шаг вперед, в частности в контексте изучения особенностей детерминации преступности, понимания сверхсложных, нелинейных механизмов взаимодействия факторов различной природы, на разных уровнях, направлениях, в разных ситуациях, обстоятельствах. Собственно говоря, благодаря ризоматичному подходу появляется возможность адекватизации научного знания об особенностях социальной детерминации, особенно в новейших условиях информационного общества эпохи постмодерна. Примечательно, что такие попытки в отечественной криминологической доктрине уже сделаны (работы А. М. Литвинова [7; 8], Ю. В. Орлова [7; 8], С. К. Шабельникова [9] и др.), продемонстрирована продуктивность ризоматичного мышления, его значительный эвристический потенциал.

Из понимания ризоматичности структуры факторной модели детерминации преступности в ОПК проистекает ряд методологических выводов. Во-первых, – сквозной характер действия множества криминогенных факторов, которыми пронизываются многочисленные уровни воспроизводства преступности в ОПК. Во-вторых, выделение уровней детерминации

является не просто условностью, соответствующей лишь доктринально приемлемым и ориентированным на достижение организационно-управленческих целей в сфере противодействия преступности (организация деятельности правоохранительных органов), а проистекает из мыслительной установки на всеобщее, которая органично сочетается с диалектически общепринятым структурированием механизма взаимодействия вещества и энергии в живой и неживой природе. В-третьих, межуровневые связи детерминационного корпуса в рамках ризоматичной структуры обеспечиваются функционированием узловых факторов, существование которых отвечает за сохранение целостности феномена преступности в ОПК, несмотря на видоизменения в содержании отдельных детерминант и их групп, нейтрализации или существенной минимизации их влияния. Такими узловыми факторами системного свойства являются так называемые коррупционные схемы. В-четвертых, ризоматичное строение, отличаясь гибкостью, пластичностью, адаптивностью, обнаруживает аутогенетические ячейки объектового уровня. В-пятых, детерминационный корпус преступности в ОПК не является закрытым в себе, характеризуется развитыми связями с внешней средой.

Итак, многомерная модель детерминационного корпуса преступности в ОПК состоит из функциональной (предметной) компоненты криминогенных факторов, а также структурной, представленной уровнями, направлениями, узлами, внутри- и внешнесредовыми связями. К этому добавляется сегментирование модели с выделением коррупционного и государственно-безопасных сегментов (секторов). Очевидно, что это сегментирование является условным, имеет аналитико-прикладное функциональное значение и не имеет четких контуров разграничения в едином «теле» ризомы.

Предметное поле детерминационного корпуса преступности в ОПК

В криминологической доктрине детерминанты преступности группируются, структурируются по различным критериям. Общепризнанным является положение о многофакторной природе преступности, подчинение закономерностей её воспроизводства траекториям общественного развития в политической, экономической, правовой, культурно-психологической сферах и одновременно базовым факторам естественного, биологического характера: климатическим условиям, гелиогеофизическим, медико-социальным факторам и т. д. [10 с. 72]. В большинстве криминологических исследований (по крайней мере, осуществлённых на монографическом уровне) возможно встретить оперирование предметно-содержательным критерием градации криминогенных факторов. Но обращение к их характеристике далеко не всегда оказывается продуктивным из-за отсутствия надлежащей спецификации по отношению к предмету исследования. Никакого смысла в описании состояния бедности украинского общества или темпов инфляции национальной денежной единицы в контексте криминологического исследования, скажем, экономической или организованной преступности нет. По нашему мнению, только то предметное поле детерминационного корпуса преступности должно находить свою разработку в конкретном сегменте криминологического научного поиска, в котором возможно осуществить соответствующую спецификацию, обнаружив хотя бы видовые или отраслевые особенности воспроизводства соответствующих экономических и других факторов.

С учетом изложенных соображений о предметном поле детерминационного корпуса преступности в ОПК считаем целесообразным выделить и как объект исследования, и как объект дальнейшего обструктивного воздействия следующие группы факторов, являющиеся сквозными как для коррупционного сектора, так и сектора безопасности:

- *политико-криминальные факторы*. Как указывал академик А. П. Закалюк, главной функцией аппарата управления (в независимой Украине – прим. авт.) осталось обслуживания интересов властной и бизнес верхушки (аппарат привык это делать с советских времен), а не служение интересам населения, человека и гражданина, как это должно быть в демократическом,

гражданском обществе. В этих условиях значительно распространилась и выросла власть чиновничества над обществом, давление чиновника, прежде всего коррупционное, на деловую среду, средний и малый бизнес. Чиновничья должность стала высокодоходным бизнесом [11, с. 204]. Безусловно, прав был академик и в том, что политические факторы коррупции проявляются в проникновении криминально ориентированных лиц в структуры политической власти и использовании последних для удовлетворения преступных интересов [11, с. 206]. Однако вместе с этим следует признать и то, что не столько проникновение криминально ориентированных лиц в органы государственной власти, сколько институционализация коррупционных практик как имманентный, системообразующий элемент организации функционирования государственной власти определяет базовые конфигурации качества публичного управления в ОПК. При этом необходимо вести речь о симбиозе общеуголовной и политической коррупции. Последняя выявляется на этапе принятия политических решений о назначении на руководящие должности в органах власти центрального уровня, государственных предприятий ОПК, а также отдельных коллегиальных органов (в том числе и профильных парламентских комитетов) лиц, которые по своим установкам, личными качествами способны обеспечивать стабильность институционализированных коррупционных практик в сфере ОПК и не только в ней.

Также нельзя не указать на безопасностную составляющую политико-криминальных факторов, которая выявляется при анализе военно-политического контекста противодействия Украины агрессии и другим деструктивным действиям со стороны Российской Федерации. Основными целями таких действий в разрезе потенциала отечественного ОПК является подрыв его возможностей, а также сбор сведений, составляющих государственную тайну, в сочетании с такими сопутствующими преступлениями, как диверсия, шпионаж, государственная измена, разглашение государственной тайны и т. п. Также совершенно ясно и то, что Российская Федерация объективно является не единственным субъектом, заинтересованным в ослаблении оборонного потенциала Украины. Поэтому действие указанных факторов имеет гораздо более широкий горизонт, чем исключительно его восточная политико-географическая линия;

- *культурно-психологические факторы*, связанные, прежде всего, с кризисом идентичности. Как справедливо подчеркивает Ю. В. Орлов, ярким индикатором остроты, глубины кризиса социальной идентичности является высокая частота, навязчивость присутствия в публичном дискурсе идей и символов национализма, патриотизма, как демонстративное, манифестирующее проявление квазиидентичности. Доходит до уровня невротической социальной установки, которая, правда, характерна и для периодов борьбы за выживание, что, впрочем, не мешает прикрываться этим обстоятельством для развёртывания коррупционных схем. При этом наиболее мощные коррупционные схемы нередко прикрываются идеями и устремлениями к обеспечению общенационального блага [12, с. 123]. Коррупция также является проявлением феноменом несвободы. В ситуации кризиса идентичности в условиях социального неадекватности реальная свобода отсутствует: потеря конвенциональных и, что самое главное, экзистенциальных связей (а последние возможны исключительно в условиях надлежащей коммуникации, что обстоятельно доказано в работах по проблемам философии коммуникации и диалогического персонализма) ставит личность в условия жизнедеятельности в фактически враждебной среде, что детерминирует тревожность, примат личного (узкого коммуникативного круга, круга близких: «кумовство», «команды единомышленников» во власти и т.д.) над общим, публичным [12, с. 124].

Действительно, исторически обусловленный острый кризис социальной идентичности, фронтальность украинского общества детерминируют широкий спектр криминальных проявлений несвободы, зависимость от установок на выживание во враждебной среде. Это же касается глубинных детерминант и коррупции, и посягательств на основы национальной безопасности, государственный суверенитет через составляющие ОПК. Отсутствие на уровне личностных императивов связей между статусным поведением, реализацией (злоупотреблением) полномочий как должностного лица ОПК или прикосновенных к нему органов государственной власти (например, Совета национальной безопасности и обороны) и установками на сохранение,

укрепление украинской государственности, общественного договора является важным фактором преступности в ОПК;

- *правовые факторы*. Ю. В. Орлов предлагает отнести к коррупциогенным такие особенности нормативно-правовой компоненты правового регулирования: наличие правовых предпосылок для формирования коллизий правовых интересов корреспондирующих субъектов правоотношений; избыточность публично-правовых форм и методов регулирования общественных отношений, неоправданно ограничивающие свободу экономической деятельности; несоответствие способов (типов) правового регулирования его сфере и предмету, целям, принципам, а также требованиям законности; нечёткое определение функций, прав, обязанностей и ответственности органов государственной власти, местного самоуправления, лиц, уполномоченных на выполнение функций государства или местного самоуправления; отсутствие нормативно закреплённых основ осуществления контроля за государственными органами и должностными лицами; отсутствие порядка осуществления полномочий контролирующими государственными органами и должностными лицами; неопределённость оснований и условий принятия решений или совершения действий государственными органами или должностными лицами, наделения их чрезмерными дискреционными полномочиями и др. [13, с. 699–702].

Учёный приводит более широкий перечень критериев коррупциогенности норм права. Мы же выделили только те, которые, по нашему мнению, наиболее близки к сфере ОПК. Однако и ими далеко не исчерпывается перечень коррупционных положений нормативно-правовых актов, регулирующих отношения в указанной сфере. Их анализу должно быть уделено особое внимание на монографическом уровне исследования. Здесь же заметим, что функционирование ОПК отличается своей гибридной правовой природой, сочетанием публичного и частного правового регулирования, размыванием границ между обеспечением экономической безопасности, обороноспособности и исключительно коммерческим интересом, особенно учитывая то обстоятельство, что ряд предприятий ОПК производят продукцию двойного назначения, или же наряду с военной продукцией, вооружением ещё и продукцию гражданскую, предоставляют услуги внемилицитарной природы. Поэтому и правовое регулирование этой сферы приобретает гибридные формы, контуры, характеризуется неопределённостью, внутренней противоречивостью между безопасностью и коммерческими приоритетами, что не в последнюю очередь обусловлено правовой неопределённостью границ и форм реализации этих приоритетов, слабостью контроля со стороны правоохранительных органов. Наиболее ярко коррупциогенность такого состояния правового регулирования проявляется в сфере формирования, размещения и выполнения государственного оборонного заказа, внешнеэкономической деятельности предприятий ОПК, а также оперативного управления имуществом государственных предприятий ОПК;

- *организационно-управленческие факторы* преступности в ОПК можно разделить на две группы. Первая представляет собой среднее и низовое звено, проекцию политико-криминальных факторов высшего и центрального уровней воспроизводства, отягощённую объектовыми, личностными факторами, локализующимися на уровне административного ядра отдельных предприятий ОПК. Вторая – недостатки в организации деятельности правоохранительных органов и суда, в результате которых значительно усложняются возможности предотвращения, выявления, раскрытия и расследования преступлений в ОПК, привлечения виновных к уголовной ответственности. Каждая из этих групп, конечно же, заслуживает самостоятельного анализа, требует гораздо более пристального внимания, чем то, которое может быть уделено им на страницах этой работы. Поэтому ограничимся лишь несколькими, наиболее специфицированными в сфере ОПК факторами.

Как метко подметил А. П. Закалюк, имеет место феномен сохранения, выращивания и пополнения аппарата управления чиновничьими кадрами, верно служащими интересам власти, её объединением с бизнесом и владельцами капитала, финансово поддерживающими власть [11, с. 206]. И, как свидетельствуют результаты собранных нами экспертных оценок и

собственных социологических наблюдений, коренная (в политическом аспекте) смена власти в Украине, которая состоялась в течение 2019 и явила миру нового Президента, так называемую парламентское «монобольшинство», несколько правительств, генеральных прокуроров не повлекли за собой такой же коренной или хотя бы сколько-нибудь ощутимого изменения устоявшихся «корпоративных кодексов» (в терминологии В. М. Рейсмана [14]) поддержания коррупционных практик, принятых, в частности, в ОПК. Отсюда, одним из наиболее мощных управленческих криминогенных факторов в исследуемой сфере является интегрированность института подкупа в инструментарий администрирования отрасли. Неиспользование этого инструмента фактически блокирует возможность принятия значительного количества необходимых решений, так как противоречит установкам на обогащение и «деловым» традициям. Это ни в коей мере не исключает параллельное бытование национально-патриотического антуража, символики, лозунгов, коннотаций вокруг работы предприятий ОПК. Но ОПК не является исключением среди других отраслей государственного управления; последнее уже длительное время характеризуется высокой степенью развитости механизмов симуляции, имитации. В построении общества спектакля (в терминологии Э. Ги Дебора) мы-таки достигли определенных успехов.

Структурные элементы детерминационного корпуса преступности в ОПК

Основными *уровнями* воспроизводства указанного перечня факторов преступности в ОПК являются: 1) *глобальный*, характеризующийся вовлечением Украины в орбиту геополитических столкновений, приобретение страной свойств преимущественно объекта внешнеполитического влияния, реализуемого как легальными экономическими, политическими, правовыми рычагами, так и сугубо криминальными, гибридными. Одним из таких является криминальное влияние на ОПК со стороны конкурирующих субъектов геополитических конфронтаций, не заинтересованных в укреплении обороноспособности Украины; 2) *общегосударственный уровень*, представляющий общие для всей отрасли факторы преступности, формирующиеся в основном в сфере деятельности высших и центральных органов государственной власти, законодательства; 3) *отраслевой уровень*, представленный недостатками отраслевого правового регулирования, а также устойчивыми коррупционными схемами, присущими исключительно или преимущественно ОПК (в сфере государственного оборонного заказа, специальных экспортных операций и т. д.); 4) *региональный уровень*, на котором проявляются криминогенные условия взаимодействия общегосударственных и местных элит, в том числе и в частности в плоскости феномена коррупции; 5) *объектовый уровень*, представленный максимально специфицированными коррупционными и другими преступными практиками, воспроизводство которых зависит от направленности, задач деятельности каждого предприятия ОПК, его инфраструктуры, спектра и характера деловых связей, менеджмента, персонального состава администрации.

Направления развёртывания детерминационных факторов могут быть идентифицированы с групповыми признаками разновидностей коррупционных схем (например, присвоение средств государственного оборонного заказа путём завышения стоимости выполнения работ, приобретение товаров, занижение их качества, несоответствия в количестве и т. д.), родовых характеристик выпускаемой предприятиями ОПК продукции, которая становится предметом коррупционных преступлений и т. п.

Узлы, а также внутренне- и внешне-средовые *связи* детерминационного корпуса преступности в ОПК является его интегративными элементами и проявляются на стыке факторов различной предметной принадлежности, уровней и направлений воспроизводства. Обструктивное влияние на узловые элементы характеризуется высоким криминально-превентивным потенциалом.

Выводы

Детерминационный корпус преступности в ОПК является многомерной моделью, состоящей из функциональной (предметной) компоненты криминогенных факторов, а также структурной, представляемой уровнями, направлениями, узлами, внутри- и внешнесредовыми связями. К этому добавляется сегментирование модели с выделением коррупционного сегмента и сегмента государственной безопасности. В структуре предметной компоненты выделено политико-криминальные, культурно-психологические, правовые, организационно-управленческие факторы, которые являются сквозными для обоих указанных сегментов. Важно удерживать единство действия указанных факторов в ризоматичной модели, в которую интегрированы глобальный, общегосударственный, местный и объектовый (локальный) уровни. Целостность, а также подвижность детерминационного корпуса обеспечивается функционированием интегративных узлов и связей, выявление которых и воздействие на которые должно стать приоритетной стратегической задачей в сфере противодействия преступности в ОПК.

Литература:

1. Орлов Ю. В. Детермінація злочинності. Українська кримінологічна енциклопедія / за заг. ред. В. В. Чернея, В. В. Сокуренька ; упоряд. О. М. Джужа, О. М. Литвинов. Харків ; Київ : Харк. нац. ун-т внутр. справ ; Нац. акад. внутр. справ ; Кримін. асоц. України ; Золота миля, 2017. С. 178–180.
2. Делёз Ж., Гваттари Ф. Капитализм и шизофрения. Тысяча плато. Екатеринбург: Знание, 2010. 895 с.
3. Синельникова Л. Н. Ризома и дискурс интермедиальности. *Вестник РУДН. Серия: Лингвистика*. 2017. № 4. С. 805–821. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rizoma-i-diskurs-intermedialnosti> (дата обращения: 25.05.2020).
4. Пилюгина Е. В. Феноменология ризомы. Ризоморфные среды. *Концепт*. 2013. Т. 3. С. 3101—3105. URL: <http://e-koncept.ru/2013/53626.htm> (дата обращения: 25.05.2020).
5. Николаева Е.В. От ризомы и складки к фракталу. *Вестник Северного (Арктического) федерального университета*. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 2. С. 114–119.
6. Свирский Я. И. «Сложностное мышление» в контексте философских стратегий Ж. Делёза и Ф. Гваттари. *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Философия. 2012. № 1. С. 37–44.
7. Литвинов О. М., Орлов Ю. В. Нариси з кримінології постмодерну. Х. : Право, 2019. 278 с.
8. Литвинов О. М., Орлов Ю. В. Антипостмодерн: кримінологічні етюди. Харків : Право, 2020. 280 с.
9. Шабельников С. К. Поняття та природа кримінологічного законодавства: мережевий підхід. *Вісник Кримінологічної асоціації України*. 2020. № 1 (22). С. 234–245.
10. Лагода К. О., Орлов Ю. В. Невиконання судового рішення : кримінологічна характеристика та запобігання : монографія / За заг. ред. О. М. Литвинова ; Кримінологічна асоціація України. Х. : ТОВ «В деле», 2016. 240 с.
11. Закалюк А. П. Курс сучасної української кримінології: теорія і практика : у 3-х кн. Кн. 2. К. : Видавничий Дім «Ін Юре», 2007. 712 с.

12. Орлов Ю. В. Корупція як криза соціальної ідентичності // Особливості застосування антикорупційного законодавства: від розслідування до вироку суду : зб. тез доп. міжнар. наук.-практ. конф. (м. Харків, 17 жовтня 2019 р.) / МВС України, Харків. нац. ун-т внутр. справ ; Кримінол. асоц. України ; Громад. спілка «Центр запобігання та протидії корупції» ; Громад. рада при М-ві внутр. справ України. Харків : ХНУВС, 2019. С. 122–125.

13. Орлов Ю. В. Антикорупційна експертиза проектів нормативно-правових актів як різновид кримінологічної експертизи: характеристика та шляхи удосконалення. *Форум права*. 2012. № 1. С. 697–703. URL: <http://www.nbuv.gov.ua/e-journals/FP/2012-1/index.htm> (дата обращения: 25.05.2020).

14. Рейсмен В. М. Скрытая ложь. Взятки : «крестовые походы» и реформы / Пер. с англ. / Под общ. ред. и со вступ. ст. А. М. Яковлева. М. : Прогресс, 1988. 328 с.

Corresponding authors

Сергей Александрович Кожушко,
аспирант Харьковского национального университета внутренних дел,
Харьков, Украина, kojushko@ukr.net, 0577398030
УДК 343.9

Serhii Oleksandrovych Kozhushko,
PhD student of Kharkiv National University of Internal Affairs,
Kharkiv, Ukraine

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЦ, СОВЕРШАЮЩИХ УГРОЗУ ИЛИ НАСИЛИЕ В ОТНОШЕНИИ СУДЕЙ

Лариса Марьенко

CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTICS OF PERSONS COMMITTING THREATS OR VIOLENCE AGAINST JUDGES

Larysa Marienko

Статья посвящена криминологическому исследованию лиц, совершивших угрозу или насилие в отношении судей. Выяснено, что среди них преобладают неработающие, неженатые мужчины в возрасте среднего и старшего возрастов со средним специальным или общим образованием, ранее судимые. Отмечается наличие обширного предыдущего криминального опыта (преимущественно насильственного) и совершение преступления, предусмотренного ст. 377 УК Украины как закономерного проявления отрицательных черт их личности, установки на личностное доминирование как признака злостного криминологического типа преступника.

Установлено, что в 55 % случаев предыдущий криминальный опыт был связан с совершением насильственных преступлений. Это – преступления, предусмотренные ч. 2 ст. 186, ст.ст. 125, 146, 152, 187, 189, 296, 345 УК Украины. Ещё 27 % – корыстных ненасильственных (ст.ст. 185, 289 ч. 1 ст. 186 УК Украины), 10 % – преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов и прекурсоров (ст.ст. 307, 309 УК Украины), 8 % – иные (ст.ст. 263, 286 УК Украины).

В 60 % случаев лица, совершающие угрозу или насилие в отношении судьи, являлись участниками уголовного процесса. Из них 73 % – подсудимые, 14 % – подозреваемые или обвиняемые (то есть угроза насилием или насилие направляются против следственного судьи), около 8 % – осужденные и 5 % – потерпевшие. Приблизительно по 20 % – это удельный вес тех преступников, кто на момент совершения угрозы или насилия в отношении судьи пребывал в статусе стороны в гражданском процессе и привлекался к административной ответственности.

Среди морально-психологических качеств преступников, информацию о которых нам удалось получить путём сбора экспертных оценок, а также интервьюирования судей, преобладают цинизм и дерзость, нигилистическое отношение к правовым институтам, непризнание своей, мстительность. Преобладающим криминологическим типом является злостный, то есть с наличием антиобщественной установки на личностное доминирование.

Ключевые слова: угроза, насилие, судья, личность, преступление, рецидив.

The article is focused on the criminological research of persons, who have committed a threat or violence against judges. It has been clarified that unemployed, unmarried men of middle and older

ages with secondary specialized or general education, previously convicted, predominate among them. The author has stated the presence of extensive previous criminal experience (mainly violent) and the commission of a crime under the Art. 377 of the Criminal Code of Ukraine as a natural manifestation of the negative traits of their personality, the attitude towards personal dominance as a feature of a malicious criminological type of a criminal.

It has been found out that the previous criminal experience in 55% of cases was associated with the commission of violent crimes. These are crimes under Part 2 of the Art. 186, Articles 125, 146, 152, 187, 189, 296, 345 of the Criminal Code of Ukraine. Another 27% are mercenary non-violent crimes (Articles 185, 289, Part 1 of the Article 186 of the Criminal Code of Ukraine), 10% - are crimes in the field of illicit trafficking in narcotic drugs, psychotropic substances, their analogues and precursors (Articles 307, 309 of the Criminal Code of Ukraine), 8% - other crimes (Articles 263, 286 of the Criminal Code of Ukraine).

The perpetrators of threats or violence against judges were participants in the criminal proceedings in 60% of cases. 73% of them are defendants, 14% are suspects or accused (that is, the threat of violence or violence is directed against the investigating judge), about 8% are convicted and 5% are victims. Approximately 20% is the proportion of those criminals, who were in the status of a party in the civil proceedings and brought to administrative liability at the time of the threat or violence against the judge.

Cynicism and insolence, a nihilistic attitude to legal institutions and revenge prevail among the moral and psychological qualities of criminals. This information we were able to obtain by collecting expert assessments, as well as interviewing judges. The prevailing criminological type is malicious, that is, with the presence of asocial attitude towards personal dominance.

Key words: *threat, violence, a judge, personality, a crime, recidivism.*

Актуальность

Личность преступника – ключевой объект познания из структуры механизма индивидуального преступного поведения, через анализ и обобщение информации о котором обеспечивается возможность исследования и самого феномена преступности, и особенностей её детерминации. В то же время личность преступника является едва ли не самым сложным объектом для изучения. Метким по этому поводу является замечание Н. А. Бердяева, который подчёркивал, что личность шире общества. Личность есть микрокосм [1, с. 76]. Действительно, социальность и кристаллизованные в её ткани так называемые объективные факторы преступности как массового феномена, при всей сложности их выделения, описания, объяснения, по уровню организованности и природе на порядок проще, чем субъективные, личностные феномены, в значительной степени остаются недостижимыми рациональному постижению. Сегодня совокупная наука знает гораздо больше о мире живой и неживой природы, о закономерностях общественного развития, исторических циклах, чем о человеческой сущности. И, стоит признать, неотъемлемым её атрибутом является девиантное, в том числе и преступное поведение. Поэтому и познание последнего оказывается производным от изучения доступных академической науке проявлений личности, криминологически значимых черт лиц, совершающих преступления.

Не является исключением в этом смысле и исследование этиологии угроз или насилия в отношении судей (ст. 377 УК Украины). Распространенность этого преступления – один из самых чувствительных индикаторов легитимности судебной, а заодно с ней и совокупной государственной, власти. Как отмечал М. Бубер способ отношения человека с другими

существованиями является отличительной чертой личности. И если индивидуальность выявляется в обособлении от других индивидуальностей, то личность выявляется в отношении с другими личностями [2, с. 326]. На этих диалогически-персоналистских основаниях, возведённых в ранг конвенционально-базовых, строится фундамент общественного договора. В этом смысле применение насилия в отношении представителей судебной власти – манифестирует о разрушении базовых устоев социальности, сигнализирует и о глубинных угрозах существования государства как такового. Вот почему весьма актуальным является криминологическое изучение лиц, совершающих угрозы или насилие в отношении судей. Полученные в перспективе знания могут и должны быть использованы не только лишь в узковедомственных, предупредительных целях, но и для укрепления основ государственности.

Теоретическим исследованиям противодействия преступности против правосудия уделялось внимание такими учеными, как Н. И. Бажанов, А. М. Бандурка, А. В. Воронцов, А. В. Галахова, М. Н. Голоднюк, В. В. Голина, А. Н. Джужа, А. П. Закалюк, В. С. Зеленецкий, А. Н. Костенко, Н. И. Колос, М. В. Косюта, В. Н. Кудрявцев, О. Н. Литвак, А. Н. Литвинов, А. И. Медведько, Н. И. Мельник, С. С. Мирошниченко, А. А. Музыка, Ю. В. Орел, В. И. Осадчий, Н. И. Панов, А. В. Савченко, Е. Л. Стрельцов, С. А. Тарарухин, М. Д. Шаргородский и другими. На диссертационном уровне криминологические проблемы предупреждения преступлений против правосудия были исследованы в докторской диссертации С. С. Мирошниченко (2012 г.). Вместе с тем, признавая существенный вклад обозначенной плеяды ученых в решение заявленной проблематики, следует все же заметить отсутствие современных криминологических знаний о лицах, совершающих угрозы и насилие в отношении судей.

Цель статьи – выявить, описать и объяснить основные криминологически значимые признаки лиц, совершающих преступления, предусмотренные ст. 377 УК Украины.

Методологические вопросы исследования лиц, совершающих угрозу или насилие в отношении судей

Личность преступника, обоснованно отмечал академик А. П. Закалюк, это совокупность социально-типичных признаков, которые сформировались в процессе неблагоприятного социального развития личности, отличаются общественной неприемлемостью и крайней формой последней – общественной опасностью, обуславливают криминогенную мотивацию и криминальную активность лица, непосредственно вызывают совершение преступления [3, с. 239]. Значение гносеологических операций криминологического профилирования заключается в получении информации, которая может быть использована для прогнозирования и предотвращения криминальной активности лиц, соответствующих типичным признакам преступников. Таким образом, как акцентировал Ю. Д. Блувштейн, понятие «личность преступника» на основании неспецифических свойств не имеет смысла, поскольку личность для криминолога интересна не сама по себе, а лишь в той мере, в какой её свойства предопределяют совершение преступления [4, с. 98].

Однако в попытках найти подобные специфические признаки следует сохранять установку на гуманизм и недискриминацию. Поэтому нельзя, по нашему мнению, согласиться с И. Н. Даньшиным в том, что преступники – особый разряд личности с более низким социальным уровнем, которые в своем поведении допускают отклонения от социальных норм [5, с. 58]. Во-первых, вряд ли является корректным оперирование любой разрядностью, когда речь идет о людях в общесоциальном (не профессиональном) аспекте, в формате либерально-гуманистической парадигмы. Во-вторых, так же сомнительна уровневая градация социальной структуры, по крайней мере европейского общества, в криминологическом контексте. Более или менее низкий социальный уровень – слишком размытая, неконкретная категория, для определения которой вряд ли возможно найти конвенциональную систему

координат. Уголовный закон – не очень надежная система критериев такой оценки, ведь преступность в значительной степени имеет конструктивистскую природу (что обстоятельно доказано в трудах Я. И. Гилинского, Н. Кристи и других криминологов). Кроме того, практика знает немало случаев совершения даже убийств, наиболее тяжких преступлений из всех возможных, лицами, которые с точки зрения криминологической типологии вполне могут быть отнесены к случайному или ситуативному типу, в целом характеризующиеся положительной социальной направленностью. Совершения актов религиозного терроризма понимаются их исполнителями как благое дело, ради которого они способны пожертвовать собственной (и не только собственной) жизнью. А коррупция настолько вошла в обиход, стала настолько институционализированной, функциональной (в том числе и на уровне высших, центральных органов государственной власти), что говорить о более низком социальном уровне коррупционеров означает только одно – идеалистическое представление о социальном как таковом, о потере представлений о действительном социальном контексте.

Думаем, если универсальное определение, характеристика личности преступника вообще возможны, то только после того, как будет сформулирована исчерпывающая, содержательно точная, сущностная (а не по формуле «совокупность всех преступлений» или же как «свойство общества воспроизводить преступления»), в достаточной степени специфическая дефиниция преступности, если такое вообще возможно. До тех пор более обоснованным считаем оперирование категорией «лицо совершившее преступление» как синоним исключительно узкокриминологического «личность преступника», которое не претендует на попытки проникновения в глубинные пласты личности. Личность преступника – человек, виновный в совершении преступления. Его характеристику возможно сформировать из криминологически значимых социально-демографических, уголовно-правовых, процессуальных признаков, а также отдельных, доступных выявлению, фиксации, научной интерпретации признаков личности, которые в криминологии принято именовать морально-психологическими.

Эмпирическую базу исследования лиц, совершающих угрозу или насилие в отношении судей в Украине, составили: данные официальной государственной статистической отчетности о лицах, совершивших преступления (форма № 2, утвержденная приказом Генеральной прокуратуры Украины от 23 октября 2012 № 101), об осужденных и их составе (форма № 7, утвержденная приказом Государственной судебной администрации Украины от 21.08.2007 г. № 88; формы №№ 6 и 7, утвержденные приказами Государственной судебной администрации Украины от 21.11.2012 г. № 153, от 23.06.2018 г. № 325); материалы 210 архивных уголовных производств (дел) по фактам (в отношении лиц) совершения преступлений, предусмотренных ст. 377 УК Украины, расследование по которым осуществлялось в период между 2005 и 2019 гг.; опрос 155 судей местных и 55 апелляционных судов Днепропетровской, Киевской, Львовской, Николаевской, Харьковской, Херсонской областей, г. Киева, в отношении которых имели место угрозы или насилие в связи с их служебной деятельностью.

Опросы осужденных по ст. 377 УК Украины не проводились по причине их распыленности по времени осуждения и по местам отбывания наказаний в виде лишения свободы, а также незначительного количества тех, кто направлен для отбывания такого наказания. Всего в течение 2009–2019 гг. осуждено 29 человек. Из них только 16 – те, кто был подвергнут реальному наказанию в виде лишения свободы. К остальным было применено освобождение от отбывания наказания с испытанием на основании ст. 75 УК Украины.

Социально-демографические признаки лиц, совершающих угрозу или насилие в отношении судей

Подавляющее большинство (94,5 %) всех выявленных лиц, совершивших преступления, предусмотренные ст. 377 УК Украины, – мужского пола. Как можно убедиться, удельный вес мужчин в социально-демографической структуре этих преступлений более чем в два

раза выше, чем в среднем по преступности. Однако он практически соответствует половому распределению тех, кто совершил агрессивно-насильственные преступления. С учётом этого обстоятельства вполне можно считать, что соотношение мужчин и женщин среди совершивших угрозу или насилие в отношении судьи определяется фундаментальными факторами, детерминирующими агрессивно-насильственную преступность, исходит из частоты проявлений установки на насильственное доминирование. В этом смысле институт правосудия как один из столпов сохранения, поддержания функциональности общественного договора по факту не является некоторым особым социальным феноменом, способным сдерживать личностно-доминантные побуждения. Для подобных насильственных преступников направление приложения агрессивной энергии не является принципиально важным. Это – агрессия в «химически чистом» виде (Л. С. Рубинштейн), проявление которой зависит лишь от триггера, в качестве которого в нашем случае выступают судебные решения.

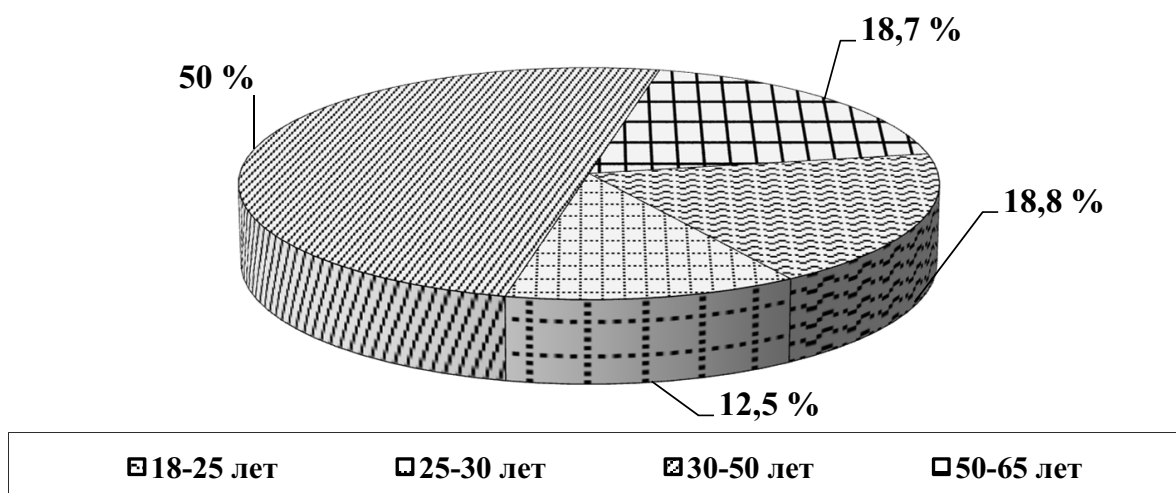
Конечно же, сделанный вывод является достаточно обобщённым, что ни коем образом не исключает, но делает обязательным наличие исключений из него, которые основываются на многочисленности криминологических типов агрессивно-насильственных преступников вообще. Безусловно, следует учитывать и особенности мотивации, и наличие фрустрирующих факторов, побуждений к мести и пр. Однако, подчеркнём, согласно результатам нашего исследования, преобладающим типом является именно злостный, то есть с наличием личностной установки на подавление социальных оппонентов, в каком бы статусе они не находились, что косвенно подтверждается и структурным распределением преступников исследуемой категории по половому признаку.

Не менее симптоматичным в этом контексте является и то обстоятельство, что около 97 % мужчин, совершивших угрозу или насилие в отношении судьи, – не женаты. Отсутствие социальных связей в пределах института семьи также указывает на определённые трудности в социализации тех, кто агрессивен против судебной власти. Последнее является в целом закономерным результатом социальной необустроенности и в ряде случаев проявляется через механизм замещающей агрессии, особо интенсивно генерирующейся на фоне депривации, хронически неудовлетворённых потребностей в самоактуализации, любви и уважении.

Добавив к этому и то, что приблизительно 89 % всех совершивших угрозу или насилие в отношении судьи не работали и не учились (то есть не были заняты никаким общественно полезным видом деятельности), получим картину, органично встраивающуюся в систему аргументов в пользу наличия теснейшей связи между процессами криминализации и маргинализации общества. Эта связь обстоятельно доказана Я. И. Гилинским, С. А. Жувакой, И. П. Поповой, А. Н. Сахань и рядом других исследователей, что освобождает нас от необходимости в дополнительном объяснении указанных связей. Вместо этого обратим внимание на ещё одно, весьма важное, по нашему мнению, обстоятельство, а именно – на возрастную структуру преступников (см. диаграмму 1).

Диаграмма 1

Графическое изображение возрастной структуры лиц, совершивших преступления, предусмотренные ст. 377 УК Украины (2009–2019 гг., %)

Как можно видеть, основную возрастную группу, в которой воспроизводится криминальная активность исследуемого вида, условно можно назвать средней (то есть 30–50 лет). На неё приходится половина всех лиц, совершающих преступления, предусмотренные ст. 377 УК Украины. Если к ней добавить долю преступников из смежной возрастной группы 50–65 лет, то совокупный удельный вес лиц, совершающих угрозы и насилие в отношении судей, достигнет отметки в 68,7 %, из чего можно сделать вывод о том, что более склонны агрессивировать судебную власть люди старшего поколения, нежели молодёжь. В то же время нельзя не отметить и относительно высокий удельный вес молодых (18,8 %), совершеннолетних людей 18–25-летнего возраста, совершающих эти преступления. Наиболее низкий уровень криминальной активности проявляют люди из возрастной группы 25–30 лет (12,5 %). Таким образом, формируется маргинальный костяк из: а) социально неустроенных выпускников «первой волны» (то есть в первые годы после выпуска) общеобразовательных школ; б) тех, кто потерял работу в период средних и предпенсионных лет, имея известные сложности с трудоустройством.

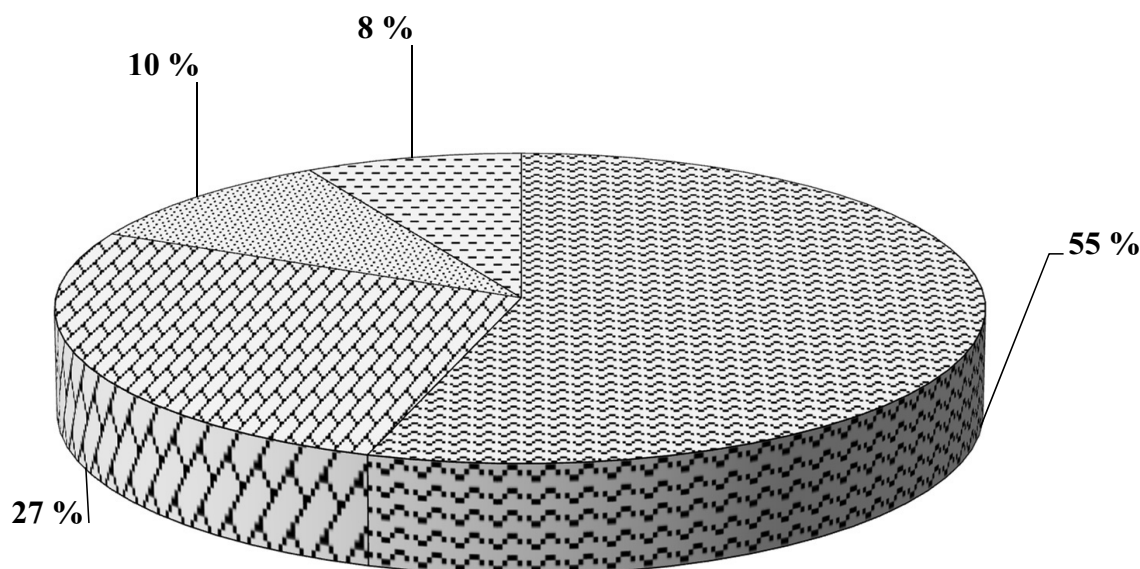
Дополнительным аргументом к этому суждению будет и то, что 64,7 % из исследуемой категории преступников имеют полное общее среднее образование. Ещё 17,8 % – среднее специальное, 11,7 % – неполное среднее и лишь 5,6 % – высшее. Эти данные в очередной раз подтверждают наличие обратных связей между уровнем образованности и рисками криминализации личности, которые в том числе проявляются и в детерминации угроз или насилия в отношении судей, а также о взаимосвязях между маргинализацией и криминализацией общества.

Уголовно-правовые, процессуальные и морально-психологические признаки лиц, совершающих угрозы и насилие в отношении судей

Более чем для двух третей (67,6 %) из выявленных лиц, совершивших угрозу или насилие в отношении судей, этот криминальный опыт не был первичным, а проявился как рецидив преступлений (см. диаграмму 2).

Диаграмма 2

Графическое изображение уголовно-правовой структуры лиц, совершивших преступления, предусмотренные ст. 377 УК Украины, по критерию предыдущего криминального опыта (2009–2019 гг., %)

☑ Насильственные преступления	☐ Корыстные ненасильственные
☐ НОН	☐ Иные

Итак, приблизительно в 55 % случаев предыдущий криминальный опыт был связан с совершением насильственных преступлений. Это – преступления, предусмотренные ч. 2 ст. 186, ст.ст. 125, 146, 152, 187, 189, 296, 345 УК Украины. Как видим, спектр весьма разнообразный – от преступлений против здоровья и до преступлений против половой свободы, личной свободы. Ещё 27 % – корыстных ненасильственных (ст.ст. 185, 289 ч. 1 ст. 186 УК Украины), 10 % – преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов и прекурсоров (ст.ст. 307, 309 УК Украины), 8 % – иные (ст.ст. 263, 286 УК Украины).

При этом следует отметить, что описанная нами структура лиц сформирована на основании одного ведущего признака, коим является либо насилие (если таковое имеется в криминальной этиологии – оно является приоритетным критерием), либо корысть (второстепенный критерий). Необходимость этого пояснения объясняется тем, что в 77 % случаев наличия у лица, совершившего преступление, предусмотренное ст. 377 УК Украины, предыдущего криминального опыта, последний является многосложным и представлен несколькими судимостями (более 85 % случаев) либо одной судимостью, но за совершение совокупности преступлений. В подавляющем своём большинстве указанный опыт содержит в себе криминально-насильственную составляющую.

В 60 % случаев лица, совершающие угрозу или насилие в отношении судьи, являлись участниками уголовного процесса. Из них 73 % – подсудимые, 14 % – подозреваемые или обвиняемые (то есть угроза насилием или насилие направляются против следственного

судьи), около 8 % – осужденные и 5 % - потерпевшие. Наличие последней категории в уголовно-процессуальной структуре личности преступников само по себе является симптоматичным и свидетельствует об ощущении острой несправедливости, воплощаемых в неадекватных актах правосудия, не в последнюю очередь детерминируемых факторами коррупции. В целом проблема преступников как жертв в криминологии еще ожидает свою фундаментальную разработку. Однако уже сейчас ясно, что, во-первых, наличие этой связи актуально для целого ряда категорий преступного поведения и, во-вторых, активное воспроизводство подобной связи (в том числе и в частности при совершении преступлений, предусмотренных ст.ст. 377, 382 и других УК Украины) угрожает дальнейшей активизации процессов обесгосударствования легитимности (в терминологии Р. Дарендорфа). Поэтому пренебрегать этим обстоятельством не стоит, даже несмотря на относительно небольшой процент потерпевших в структуре тех, кто совершает преступление, предусмотренное ст. 377 Украины.

Приблизительно по 20 % – это удельный вес тех преступников, кто на момент совершения угрозы или насилия в отношении судьи пребывал в статусе стороны в гражданском процессе и привлекался к административной ответственности. Ни одного преступления, предусмотренного ст. 377 УК Украины, связанного с хозяйственным, административным (согласно Кодекса административного судопроизводства, то есть в отношении публично-правового спора) либо конституционным процессом, зарегистрировано не было.

Среди морально-психологических качеств преступников, информацию о которых нам удалось получить путём сбора экспертных оценок, а также интервьюирования судей, преобладают цинизм и дерзость, нигилистическое отношение к правовым институтам, несамокритичность, непризнание своей вины (относительно фигурантов уголовных производств), мстительность. Также отмечаются низкий образовательный и общий культурный уровень, примитивность потребностей, злоупотребление алкоголем, нежелание становится на путь исправления. По криминологической типологии подавляющее большинство лиц, совершивших преступления, предусмотренные ст. 377 УК Украины, – злостные и особо злостные.

Выводы

Криминологическое исследование лиц, совершивших угрозу или насилие в отношении судей, показало, что среди них преобладают неработающие, неженатые мужчины в возрасте среднего и старшего возрастов со средним специальным или общим образованием, ранее судимые. Отмечается наличие обширного предыдущего криминального опыта (преимущественно насильственного) и совершение преступления, предусмотренного ст. 377 УК Украины как закономерного проявления отрицательных черт их личности. Преобладающим криминологическим типом является злостный, то есть с наличием личностной установки на подавление социальных оппонентов, в каком бы статусе они не находились, на личностное доминирование. В основном угроза или насилие совершается в связи с участием лица в уголовном процессе, реже – в гражданском и по административным правонарушениям. Особую озабоченность вызывают случаи совершения преступлений, предусмотренных ст. 377 УК Украины, лицами, имеющими статус потерпевших в уголовном процессе. Это обстоятельство актуализирует потребность в разработке общетеоретической проблемы преступника как жертвы.

Литература

1. Бердяев Н. А. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого. О назначении человека. М. : Республика, 1993. 383 с.
2. Бубер М. Я и Ты / Пер. Н. Файнгольд // Квнтнэссенция : философский альманах. М. : Наука, 1992. С. 271–378.
3. Закалюк А. П. Курс сучасної української кримінології : теорія і практика : у 3-х кн. Кн. 1. К. : Видавничий Дім «Ін Юре», 2007. 423 с.
4. Блувштейн Ю. Д. Понятие личности преступника. *Советское государство и право*. 1979. № 8. С. 97–102.
5. Курс лекций по криминологии / Под ред. проф. И. Н. Даньшина (Общая часть) и проф. В. В. Голины (Особенная часть). Х. : «Одиссей», 2007. – 280 с.

Corresponding authors

Лариса Михайловна Марьенко,
аспирантка Харківського національного університету внутрішніх дел,
Харків, Україна, marienko@gmail.com, 0577398030
УДК 343.9

Larysa Mykhailivna Marienko,
PhD student of Kharkiv National University of Internal Affairs,
Kharkiv, Ukraine

МЕТАСИСТЕМА КРИМИНОЛОГИЧЕСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Сергей Шабельников

METASYSTEM OF CRIMINOLOGICAL LEGISLATION

Serhii Shabelnikov

Статья посвящена исследованию метасистемных свойств криминологического законодательства. Отстаивается мысль о ризоматичном характере организации нормативно-правовой базы в сфере противодействия преступности. Оперирование ризоматичным структурным концептом обнаруживает метасистемные свойства криминологического законодательства. В его структуре выделено конститутивный, стратегический, структурный и функциональный узлы, интегративные связи, структурно-функциональные лакуны.

Установлено, что незаполненной в отечественной метасистеме криминологического законодательства остаётся ячейка (лакуна) базового криминологического закона о противодействии преступности. Обосновывается, что базовым он должен быть не в смысле корневого значения, а как документ, задающий нормативно образующий единый формат криминологического дискурса, а также смыслов, ценностей, целей противодействия преступности, которые позволят удерживать метасистему как целостность, активно и осознанно её конструировать средствами законотворчества.

Доказывается, что лакуны также являются средством высвобождения правовой системы из-под давления избыточной зарегулированности, активизации неформальных институтов социального контроля, снижения криминогенных эффектов стигматизации.

Интегративные связи проявляются на дискурсивном уровне, юридико-терминологически. Но этот уровень является лишь поверхностным, формальным, знаково-символическим. Глубинный, содержательно-предметный уровень содержит правовые модели криминологической деятельности. Он должен отвечать, дублировать и детализировать интегративные связи метасистемы более высокого уровня организации, включающего в себя не только нормативно-правовое ядро, правотворчество, но и правореализацию, правоприменение, то есть непосредственную предупредительную практику.

Ключевые слова: противодействие преступности, законодательство, структура, ризома, метасистема, связи.

The article is focused on studying the metasytem properties of criminological legislation. The idea about rhizomatic nature of the organization of regulatory base in the field of combating crime has been argued. Operating a rhizomatic structural concept reveals the metasytem properties of criminological legislation. Constitutive, strategic, structural and functional units, integrative relations, structural and functional deficiencies of law have been highlighted in its structure.

It has been established that the cell (deficiency of law) of the basic criminological law on combating crime remains unfilled in the national metasystem of criminological legislation. It has been substantiated that it should be basic not in the sense of the root value, but as a document defining a normatively unified format of criminological discourse, as well as meanings, values, and goals of combating crime, which can allow the metasystem to be held as an integrity, actively and consciously constructed by using rule-making tools.

It has been proved that deficiencies of law are also means of freeing the legal system from the pressure of excessive regulation, activating informal institutions of social control, and reducing the criminal effects of stigmatization.

Integrative relations are manifested at a discursive level in the legal and terminological form. But this level is only superficial, formal, indicative and symbolic. The deep, substantive level contains legal models of criminological activity. It should meet, duplicate and be detailed in the integrative relations of the metasystem of a higher level of organization, which includes not only the regulatory core, law-making, but also enforcement, administration of the law, that is, the direct preventive practice.

Key words: crime combating, legislation, structure, rhizome, metasystem, relations.

Актуальность

Обусловленный цивилизационной постмодернистской социальной ритмикой, а также некоторыми национальными особенностями правовой политики сверхдинамизм законотворческой работы актуализирует необходимость в формировании полного и функционального понимания внутреннего строения криминологического законодательства. Это означает необходимость выявить, описать и объяснить наиболее значимые его структурные блоки, установить связи между ними, наметив тем самым очертания механизмов системного и межсистемного совершенствования нормативно-правового обеспечения противодействия преступности.

Можно согласиться с Д. А. Шестаковым, который указывает, что криминологические нормы в настоящее время рассеяны по различным отраслям законодательства, некоторые из них содержатся в уголовном, уголовно-процессуальном и уголовно-исполнительном кодексах [1]. И это обстоятельство в еще большей степени актуализирует необходимость концептуализации знания о структуре криминологического законодательства. Ведь, во-первых, очевидно недостаточным для формирования научных основ его развития является констатация только того обстоятельства, что оно распылено по разным отраслям права без выхода на его концепт как целостность. Во-вторых, понимание принципиальной целостности системы противодействия преступности выдвигает на повестку дня необходимость адекватизации криминологического законодательства как конгломерации криминологической и правовой политик.

Стоит, вместе с тем, указать и на существенный научный массив, сформированный в направлении разработок проблем криминологического законодательства. Он широко представлен работами А. М. Бандурки, Н. А. Барановского, В. С. Батыргареевой, В. В. Голины, Д. Ю. Гончарова, А. П. Закалюка, А. В. Калининой, А. Н. Костенко, В. Н. Кудрявцева, А. Н. Литвинова, В. В. Лунеева, Ю. В. Орлова, В. М. Поповича, Д. А. Шестакова, В. М. Хомича и других ученых. Однако, несмотря на значимость существующих наработок, научные представления о содержании и системном характере указанного законодательства требуют совершенствования.

Цель статьи заключается в предоставлении характеристики криминологическому законодательству как метасистемному образованию.

Структура криминологического законодательства: множественность взглядов

В науке сложилось два основных подхода к структурированию криминологического законодательства, его теоретико-правовой модели. Согласно *юридико-силовому подходу* (В. Н. Бесчастный [2, с. 101-103], В. А. Зикеев [3] и др.) Весь массив криминологического законодательства упорядочивается по критерию юридической силы нормативно-правовых актов (от Конституции, через международно-правовые акты, законы и к подзаконным нормативно-правовым актам, нормативно-правовым актам органов местного самоуправления). Несмотря на логическую обоснованность, такое видение не лишено отдельных недостатков. В частности, нельзя не заметить искусственность разрыва правовой материи между отдельными группами нормативно-правовых актов, структурно и функционально дистанцирующий субъектов от направлений их деятельности, отражающий элемент бюрократизации криминологической политики, наконец – симуляции криминально-превентивных практик.

Следующий, *функционально-сферический, подход* является однородным лишь условно: в его основу положено выделение определенной криминологической функции как результата правового регулирования на основе того или иного нормативно-правового акта. В то же время в его пределах существует несколько альтернативных видений. Одна группа ученых (Д. Ю. Гончаров [4, с. 17–55], Ю. В. Трунцевский [5, с. 166–168] и др.) предлагает рассматривать два блока законодательства о противодействии преступности: в сфере предупреждения преступлений (те источники, регулирующие превентивные практики) и в сфере борьбы с преступностью (нормативно-правовые акты, регулирующие реакцию на совершенное преступление). Таким образом, в качестве основного критерия разделения используется криминологические и уголовно-правовое воздействие на преступность. Однако считаем, что такое разделение является некорректным, осуществляется не по единому основанию; вполне очевидно, что уголовно-правовое воздействие не ограничивается и не может ограничиваться, сводиться исключительно к каре, предусматривая как специальную, так и общую превенцию.

Другая группа исследователей (М. А. Городецкая [6, с. 70], Д. А. Шестаков [1] и др.) за основу структурирования используют критерий детализированной функциональной дифференциации мер воздействия, исходя из их направленности на личность преступника, жертв преступлений, отдельные криминогенные факторы, а также определение стратегических или тактических основ криминально-превентивной деятельности. Такое представление о градации криминологического законодательства также имеет недостатки, ведь трудно представить нормативно-правовые акты про меры влияние на личность правонарушителя и типовые причины совершения отдельных видов преступлений, в которых не затронуты вопросы о полномочиях, формах, направлениях, методах деятельности субъектов специального предупреждения преступности, их взаимодействия, контроля за их деятельностью и т.п.

В научной литературе встречаются и другие взгляды на структуру криминологического законодательства, которые, впрочем, с той или иной вариативностью, некоторыми особенностями, но могут быть соотнесены с выделенными нами подходами, группами. Каждая из них является в той или иной степени уязвимой к критике и не удовлетворяет требованиям управления законотворчеством в сфере противодействия преступности на основе системности и проактивности.

Ризома как концепт криминологического законодательства

Отметим, что криминологическое законодательство не является простой системой; оно есть сеть, которая может быть описана с использованием концепта ризомы. И это, подчеркнём, – принципиально важный момент. Представление о криминологическом законодательстве как о жёсткой системе, которой свойственны сильные субординационные связи, является искусственным, не соответствует действительности, а оперирование этим представлением может

привести к ошибочным выводам, неадекватным подходам в правотворчестве и правоприменении. В то же время, было бы ошибочным утверждать и то, что принцип системности не применим к изучению указанного законодательства и что ему не свойственны элементы системности вообще. Как первое (криминологическое законодательство как система), так и второе (бессистемный социально-правовой феномен) является упрощенным взглядом на бытие правовых норм криминально-превентивного свойства. Упрощение же, которое претендует на отмежевание от примитивизма, может быть выведено только через и как результат усложнения мышления.

Стоит отказаться от линейного восприятия концептов законодательства и права вообще, в которых якобы все элементы взаимосвязаны, и представляющих строгую упорядоченность. Такие представления могли «работать» в закрытых, условно локальных (даже при территориально значительной распылённости) сообществах. Современные же перманентно кризисные, постоянно аномийные общества являются закономерной данностью, с которой приходится считаться. Ясно, что эти признаки социальной действительности (в том числе и в частности, как разрыв между мышлением, практикой в понимании состояния социального неадекватата) отражаются и в феномене преступности, правовая реакция на которую, с целью противодействия её воспроизводству, деструкции наиболее криминогенных факторов, оформляется в криминологическом законодательстве. И для того, чтобы последнее не стало очередным проявлением социального неадекватата, представленного в том числе и в отдельных сегментах криминологической доктрины, следует отдавать отчет в том, что криминологическое законодательство, по крайней мере на уровне должного, является ризомой – сетевым полисистемным и межсистемным образованием.

Это означает, что криминологическое законодательство является многомерной (полиотраслевой, межотраслевой в понимании отраслевого строения системы права и законодательства) сетью, узлы которой – законодательные системы и отдельные элементы, положения отдельных нормативно-правовых актов. Эта сеть в целом не является строго упорядоченной, в том смысле, что ситуативно её отдельные составляющие абсолютно беспрепятственно, в зависимости от ситуации анализа (криминогенной обстановки, содержания криминологической политики), целей и приоритетов правоприменения, могут меняться местами, сохраняя первоначальную констелляцию. В то же время локальные порядки (упорядоченность) являются более выраженными, устойчивыми, фиксируются в отдельных её узлах (системах и других элементах). Таким образом, возникает сложный, динамичный, ризоматичный метапорядок, изучение которого с позиций целого, то есть как метасистемы, даёт возможность выделить ключевые его узлы и связи.

Метасистема как концепт криминологического законодательства

В общесоциальном, политэкономическом понимании метасистема представляет собой единство экономической, социальной, силовой, информационной, технологической и других подсистем, которые составляют не просто организационно-технологическое разнообразие, а *новую системную конструкцию (курсив наш – С. III.)*, что обеспечивает сочетание определенной самостоятельности множества центров принятия решений и их скоординированное участие в решении главной задачи – достижение устойчивого жизнеобеспечения социума. Метасистема интегрирует различные сферы деятельности, различные по уровням хозяйствования структуры [7, с. 7–8].

Признавая, что метасистема есть намного более масштабная, интегрированная система, следует признать и то, что методологически важным моментом для её выделения является относительность масштабов, их констеллятивность. Поэтому метасистему можно выделить и работать с ней даже на микроуровне. Собственно, любой уровень анализа в независимости от критериев уровневой дифференциации является открытым для метасистемного мышления и практики. В то же время, стоит осознавать то, что метасистема является не только продуктом «чистого мышления», но и аналитическим продуктом, результатом утилитарного направления, эмпирического проектирования. Последнее означает производство научно-исследовательской и практико-

преобразовательной деятельности, в частности в сфере противодействия преступности, её правового обеспечения с позиций целого. Поэтому, оперирование метасистемным, ризоматично-сетевым подходом в исследовании криминологического законодательства позволяет снизить степень фрагментированности (совместить диахронический с синхронический анализом), ограниченности как в концептуальном построении нормативно-правового ядра антикриминальной практики, так и в правоприменительной деятельности, функционально завершающей и в то же время основного этапа целостного механизма правового регулирования.

Метасистема является аналитическим конструктом, который в плоскости предмета нашего исследования, путём обобщения эмпирического массива нормативно-правового материала способствует гносеологическому движению в направлении формирования концептуального знания, транзитом через концепт «ризома». Таким образом, оперирование метасистемно-ризоматичным категориальным аппаратом оказывается необходимым для построения концепции криминологического законодательства. В противном случае, без привлечения и обработки концептов, разработать концепцию не удастся. Более того в значительной степени малоэффективной окажется и криминологическая практика, ведь оперирования конструктом метасистемы обеспечивает не только переход от эмпирики к концепции, но и в обратном направлении, то есть от концепции и законодательства к криминально-превентивной практике. В этом выражается прикладное значение знания о метасистеме криминологического законодательства.

При внимательном анализе оказывается, что криминологическое законодательство построено по такой же «схеме» ризоматичной метасистемы, т.е. не имеет субординационной структуры; вмещая локальные структуры и системы она сохраняет относительную устойчивость к внутренним изменениям в них. В нем (в законодательстве) отсутствует какой-либо центр. Да, если учитывать юридическую силу нормативно-правовых актов, то центральное место, конечно же, занимают нормы Конституции Украины. И всё. На этом центральность завершается. Положение того же УК Украины оказываются констелятивными относительно положений КоАП, имеющих криминологические свойства. Но это – не главное. Юридическая сила является значимым фактором для структурирования системы права как таковой, в её, так сказать, общетеоретическом контексте. Когда же стоит вопрос о сущностном понимании феномена криминологического законодательства, мы должны исходить из функциональной структуры. В последней, по крайней мере в срезе криминологического законодательства, нет иерархичности, центрированности. Есть (должны быть) элементы, которые формируют среду развёртывания криминологической деятельности. Такие элементы могут быть названы узлами стратегического порядка, определяющие основы предупреждения преступлений в государстве. Однако, это не более (но и не менее), чем юридически очерченные контуры среды криминально-превентивных практик, их возможные формы. Центрирования в них не происходит; они принципиально децентрированы, причём по любым мыслимым критериям: территории действия, направлению, конкретным группам, видам криминогенных факторов и т.п.

Также отметим, что метасистема способна быть как результатом системного (структурно-древовидного), так и ризоматичного мышления. В то же время только последнее допускает дополнительные, по сравнению со структурно-линейными, древовидными системами, лакуны для развёртывания законодательного обеспечения широкоформатной криминологической практики. Поскольку детерминационный комплекс преступности не является древовидной структурой, постольку же и комплекс реакций на него (в том числе и в частности реакций институционализированных, включая законодательный измерение) не является и не должно ею быть.

Таким образом, метасистема криминологического законодательства является конструктом, которым описывается ризоматичность не только его строения, но и, что самое главное, осмысленного *построения*. Концепт ризомы применим не только и не столько к формированию образа внутреннеотраслевых, межотраслевых узлов и связей в криминологическом

законодательстве, сколько к криминологическому смыслообразованию как основе законотворческой работы по стратегически важному направлению обеспечения национальной безопасности – противодействию преступности. Ризоматичное мышление, через которое проявляется метасистема криминологического законодательства, является, следовательно, методом сложного, гибкого структурирования правовой действительности, интеллигибельности правотворчества, обеспечения естественной связи с правообразованием, что в вопросах снижения уровня криминальных угроз опирается (должно опираться) прежде всего на криминологическую доктрину, сопровождаться надлежащим научным и политическим (в понимании политической свободы и культуры) обеспечением.

Однако на этом познавательный потенциал ризоматичного осмысления криминологического законодательства не исчерпывается. Не менее важным является и тот кластер возможностей, который открывается через оперирование свойством принципала (синергетический принцип самоорганизации систем), присущий ризоме.

Принято считать, что метасистемы, функционирующие как принципалы, способны самостоятельно генерировать новые правила игры для систем, которые входят в ее состав; в каждой из них она определяет те или иные правила игры для субъектов в разных пространствах их деятельности, проникая во все их взаимосвязи и взаимоотношения. Фактически метасистема становится несущей конструкцией и конструирующим элементом в современной общественной системе [7, с. 8]. С таким утверждением вполне можно согласиться. Причём очевидное преимущество ризоматического подхода заключается в том, что не обязательно метасистема должна иметь как данность заложенные, сформированные инструменты саморазвития, в нашем случае – законодательные механизмы. Очевидно, что отечественное криминологическое законодательство таких механизмов не имеет. Однако свойство принципала, экстраполированные на концепт ризомы, действует как сигнальная подсистема, «подсвечивая» лакуны, пробелы в законодательстве, чем приближается к концепции юснатурализма в криминологии.

Лакуна как сетевая составляющая метасистемы криминологического законодательства

Применение ризоматического подхода к анализу метасистемы криминологического законодательства позволяет, таким образом, открыть принципиально важную его составляющую – пространство лакун или каверн. Они являются социально-правовыми «полостями», конечно же – с функциональной точки зрения. Но признание их наличия – важный шаг на пути к пониманию строения криминологического законодательства, определение потенциала его развития. В этом контексте важно подчеркнуть, что юридическое, криминологическое мышления и практика могут приобрести черты инновационности только тогда, когда для гносеологического движения есть свободное место, лакуна.

Уже сейчас можно с уверенностью утверждать, что незаполненной в отечественной метасистеме криминологического законодательства (внутренне необходимыми, такими, которые выводятся из свойства принципала метасистемы) остаётся ячейка базового криминологического закона, на подобие малазийского или британского законов о предотвращении преступлений (*Prevention of Crime Act 2016 (POCA)*, *Prevention of Crime Act 1953 (UK)*) или федерального Закона «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» от 23.06.2016 г. и др. Но базовым он должен быть не в смысле корневого значения. Как аргументировалось нами выше, наличие центрирующего, корневого элемента не свойственно ризоме. Базовость закона означает нормативно образующий единый формат криминологического дискурса, а также смыслов, ценностей, целей противодействия преступности, которые позволят удерживать метасистему как целостность, активно и осознанно её конструировать средствами законотворчества.

Лакуны, в то же время, это и место для «шага назад», высвобождения правовой системы из-под давления избыточной зарегулированности, активизации неформальных институтов социального контроля, снижения криминогенных эффектов стигматизации. В сфере противодействия преступности это наглядно проявляется в вопросах декриминализации.

Интегративные связи в метасистеме криминологического законодательства

Конечно, лакуны не являются автономными образованиями, а могут быть проявлены только при удержании установки на целое, что предполагает необходимость оперирования *интегративными связями*. И не только в сфере мышления, но и прикладной законотворческой и правоприменительной деятельности. При этом, говоря о *межотраслевых связях*, имплицитно предполагается наличие надлежащих и достаточных *внутреннеотраслевых*, а также *в пределах одного нормативно-правового акта, системно-правовых связей*. Последние, как и межотраслевые связи, обеспечивают устойчивость метасистемы криминологического законодательства и, соответственно, криминально-превентивной практики.

Интегративные связи проявляются, прежде всего, на дискурсивном уровне, юридико-терминологически. Но этот уровень является лишь поверхностным, формальным в буквальном смысле, знаково-символическим. Глубинный же, содержательно-предметный, уровень, определяющий денотат, проявляется в правовых моделях криминологической деятельности. Именно поэтому они должны отвечать, дублировать и детализировать интегративные связи метасистемы еще более высокого уровня организации, включающего в себя не только нормативно-правовое ядро, правотворчество, но и правореализацию, правоприменение, то есть непосредственную предупредительную практику. Речь идет об интегративных связях в социально-правовом механизме противодействия преступности (в концепции профессора А. Н. Литвинова).

Структурный образ метасистемы криминологического законодательства

С учетом изложенных теоретических посылок, соображений и критических замечаний можем предложить к использованию такое видение сетевой структуры метасистемы криминологического законодательства: **1)** конститутивный узел – законодательство, определяющее общие принципы, основы организации противодействия преступности в государстве (сейчас в Украине отсутствуют отдельные, самостоятельные законодательные акты подобного свойства); **2)** стратегический узел (система) криминологического законодательства, определяющего ценности, цели, ориентиры, установки в деятельности по противодействию преступности в актуальном и перспективном измерениях, а также на национальном, региональном уровнях с учетом установок на всечеловечество; **3)** структурный узел (системы), который определяет: а) круг специальных субъектов предупреждения преступлений, их полномочия, взаимодействие между собой и с другими субъектами, имеющих криминологическую заинтересованность; б) интегративные связи; в) сетевые правовые лакуны; **4)** функциональный узел, определяющий законодательную основу реализации конкретных направлений, уровней, этапов, мер и средств противодействия преступности, нейтрализации (ослабления действия) криминогенных факторов, их групп, научного, аналитического, кадрового и иного обеспечения этой деятельности. При этом в одном и том же нормативно-правовом акте могут сочетаться элементы нескольких сетевых узлов.

Также отметим, что функциональный образ метасистемы криминологического законодательства не исключает, а дополняется её территориально-масштабируемыми составляющими. Именно в их структуре, а не рядом, в одном порядке с нормативно-правовыми актами, регулирующими деятельность специальных субъектов противодействия преступности, направления, методы последней (такая позиция представлена в работах А. П. Закалюк, С. М. Гусарова, Д. А. Шестакова и других ученых), следует, по нашему мнению, выделять международно-правовые акты. Уровневая структура сетевой метасистемы криминологического законодательства, таким образом, может быть представлена с использованием разделения криминологических нормативно-правовых актов

и их положений на акты международного, общегосударственного, регионального, отраслевого, местного и локального значения.

Выводы

Таким образом, ризоматическая, сетевая метасистема криминологического законодательства может быть адекватно описана и объяснена исключительно через использование многомерного, полиморфного (полисистемного) подхода, в котором сочетаются одновременно несколько измерений бытия правой материи, формализованной в нормативно-правовых актах криминологического свойства, их отдельных положениях. Вместе с тем следует учитывать и то обстоятельство, что метасистемность и ризоматичность не означает хаотичность. Да, это – сложный объект научного анализа и управляемого воздействия, предполагает, с одной стороны, необходимость осуществления интегративного гносеологического движения, объединения знаний, доктринальных положений и аналитических схем работы в различных отраслях права и законодательства, с другой – потребность в налаживании юридической межотраслевой комплексности. Это означает формирование и удержание межотраслевых связей в метасистеме криминологического законодательства. При этом последние принципиально не могут быть обеспечены путем кодификации через излишне упрощённый функционал такой систематизации, не соответствующий научному криминологическому видению природы преступности, её разветвлённого, многоуровневого детерминационного комплекса. Влияние на него имеет очень низкий порог мыслительного и юридико-отраслевого «сжатия» в рамках сохранения эффективности. Оперирования же концептом криминологического законодательства как сложной метасистемы открывает широкий арсенал средств для его усовершенствования, обеспечения адаптивности, соответствия запросам криминально-превентивной практики.

Литература

1. Шестаков Д. А. От криминологического законодательства к праву противодействия преступности // От криминологического законодательства к праву противодействия преступности (проблемы криминологии закона) : Матер. междунар. конф. (Санкт-Петербург, 17 мая 2017 г.). URL: <http://criminologyclub.ru/the-last-sessions/300-2017-05-25-14-18-40.html> (дата обращения: 12.03.2020).
2. Бесчастний В. М. Кримінологічне забезпечення протидії злочинності в Україні : монографія. Х. : В справі, 2017. 360 с.
3. Зикеев В. А. Понятие криминологического законодательства // Проблемы современной юридической науки: актуальные вопросы : Сб. матер. междунар. науч.-практ. конф. Красноярск, 2015. № 2. URL: <http://izron.ru/articles/iz-voprosov-okhvatyvaemykh-problemoysudebnykh-resheniy-vazhneyshee-teoreticheskoe-i-prakticheskoe-z/sektsiya6-ugolovnoe-pravo-i-kriminologiya-ugolovno-ispolnitelnoe-pravospetsialnost-12-00-08/ponyatie-kriminologicheskogo-zakonodatelstva/> (дата обращения: 15.03.2020).
4. Гончаров Д. Ю. Межотраслевые взаимосвязи в законодательстве о противодействии преступности: монография / Под науч. ред. И. Я. Козаченко. М. Юрлитинформ, 2014. 320 с.
5. Трунцевский Ю. В. Российское уголовно-превентивное право : признаки отрасли. *Российский криминологический взгляд*. 2010. № 3. С. 166–168.

6. Городецкая М. А. Криминологическое законодательство: состояние и перспективы развития в Республике Беларусь. *Право.by*. 2017. № 2 (46). С. 70. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29035473> (дата обращения: 12.05.2020).

7. Манохина Н. В. Метасистема как объект институционального анализа. *Вестник Международного института экономики и права*. 2014. № 1 (14). С. 7–16.

Corresponding authors

Сергей Кузьмич Шабельников,
аспирант Харьковского национального университета внутренних дел, Харьков, Украина,
shabelnikov_s_k@i.ua, 0577398029
УДК 343.9

Serhii Kuzmych Shabelnikov,
PhD student of Kharkiv National University of Internal Affairs, Kharkiv, Ukraine

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЭМИГРАЦИИ И ИММИГРАЦИИ В УКРАИНЕ

Андрей Новиченко

В процессе формирования Украины, как демократического, правового, суверенного государства неоднократно подвергались переосмыслению и переоценке ориентиров внутренней и внешней политики в вопросах регулирования процессов эмиграции и иммиграции, определение порядка пребывания иностранцев и лиц без гражданства в Украину, установления режима и механизма использования иностранной рабочей силы на украинском рынке труда, предоставления гражданства, свободы передвижения и выдворения. В большинстве случаев нормативно-правовое регулирование миграционных процессов осуществлялось стихийно, исключительно как реакция на негативные последствия нелегальной миграции и нарушения режима пребывания иностранцев на территории Украины.

Благодаря эффективному и последовательному управлению миграционными процессами, многие государства активно и эффективно решили свои внутренние демографические и экономические проблемы. Опыт таких государств, в частности, Польши, Чехии, Словакии, может быть выгодно использован в Украине. В связи с чем представляется, что процессы миграции должны расцениваться с позиции легитимности и управления и государственных интересов.

Вопросы регулирования эмиграции и иммиграции в Украине в связи с социально-экономическим кризисным явлением продолжают оставаться актуальными. Отсутствие единого государственного механизма в решении миграционных проблем, нестабильная государственная политика, в реализации национальной программы реформирования миграционных отношений, тянет за собой сложные, иногда, непоправимые последствия не только во внутренней политике Украины, но и в международных отношениях Украины. В связи с этим, необходимо четко определить понятие и содержание ключевых терминов в правовом регулировании миграционных процессов, прежде всего таких, как «миграция», «эмиграция», «иммиграция» и других, их административно-правовое регулирование в Украине.

Ключевые слова: миграция, трудовая миграция, государственное регулирование миграции, иммиграция, эмиграция.

In the process of the formation of Ukraine as a democratic, legal, sovereign state, we repeatedly underwent rethinking and reassessment of the guidelines of domestic and foreign policy in regulating the processes of emigration and immigration, determining the order of stay of foreigners and stateless persons in Ukraine, establishing a regime and mechanism for using foreign labor for Ukrainian labor market, granting citizenship, freedom of movement and expulsion. In most cases, the legal regulation of migration processes was carried out spontaneously, solely as a reaction to the negative consequences of illegal migration and violation of the regime of stay of foreigners in Ukraine.

Thanks to the efficient and consistent management of migration processes, many states have actively and effectively resolved their internal demographic and economic problems. The experience of such states, in particular, Poland, Czech Republic, and Slovakia can be advantageously used in Ukraine. In this connection, it seems that migration processes should be regarded from the position of legitimacy and governance and state interests.

The issues of regulation of emigration and immigration in Ukraine in connection with the socio-economic crisis are still relevant. The lack of a single state mechanism in solving migration problems, unstable state

policy and the implementation of the national program for reforming migration relations have serious, sometimes irreparable consequences not only in Ukraine's domestic policy, but also in Ukraine's international relations. In this regard, it is necessary to clearly define the concept and content of key terms in the legal regulation of migration processes, primarily such as "migration", "emigration", "immigration", and others, their administrative and legal regulation in Ukraine.

Keywords: migration, labor migration, state regulation of migration, immigration, emigration

Постановка проблемы

Проблематикой современной системы административно-правового регулирования миграционных процессов выступает объективная необходимость в консолидации интересов государства, его граждан и мигрантов.

Исследование проблемы

В свете последних исследований возникла необходимость более точного административно-правового регулирования миграционных процессов и характеристика правовой терминологии понятия, используемых в административно-правовом регулировании миграционных процессов. Эти проблемы нашли своё отображение в исследованиях О.М. Бандурки, О.О. Бандурки, Т.И. Заславской, Т.П. Минка, А.П. Лончакова, Л.Л. Рибакковского. В частности Н.П. Тиндика дала четкое определение административно-правовому механизму регулирования миграции.

Цель и задание сатьи

Исследование административно-правового регулирования эмиграции и иммиграции.

Изложение основного материала

В процессе формирования Украины, как демократического, правового, суверенного государства, неоднократно подвергались переосмыслению и переоценке ориентиры внутренней и внешней политики в вопросах регулирования эмиграции и иммиграции, определение административного порядка пребывания иностранцев и лиц без гражданства в Украине, установления режима и механизма использования иностранной рабочей силы на украинском рынке труда, гражданства, свободы передвижения и тому подобное [1].

В силу своего характера не контролируемая миграция населения в мире сохраняет в себе реальную угрозу неблагоприятных социально-экономических, криминогенных, санитарно-эпидемиологических последствий. Между тем, объективная оценка всех плюсов и минусов миграции позволяет сделать вывод о неизбежности данного процесса. А в ряде случаев, миграция может быть достаточно выгодным и полезным фактором для экономики развития государства, что видно, например, в Польше за счет украинских «заробитчан».

Одной из актуальных проблем современной системы административно-правового регулирования миграционных процессов выступает объективная необходимость в консолидации интересов

государства, его граждан и мигрантов. Разнообразие подходов к выбору приоритетных направлений дальнейшего развития демографической, экономической и социальной политики в Украине определенным образом усложняет данный процесс [1].

Согласно Докладу ООН о народонаселении, в 2015 году число мигрантов в мире достигло рекордного уровня — 244 миллиона человек. Большая часть мигрантов традиционно приходится на страны Европы - всего на территории этого континента проживают 76 миллиона мигрантов, 75 миллионов находятся на территории Азии, а на Северную Америку — 54 миллиона. Рекордсменами по числу принятых мигрантов среди государств мира стали США, где проживают 47 миллионов мигрантов. Второе место заняла Германия с 12 миллионами мигрантов. Третье место отдано России, за 2015 год на своей территории она приняла 12 миллионов иностранных граждан [2].

Нормативно-правовую базу правового регулирования миграции в Украине составляют: Конституция Украины, Уголовный Кодекс Украины, Кодекс Украины об административных правонарушениях, Законы Украины, в частности: «О правовом статусе иностранцев и лиц без гражданства» [3], «О беженцах и лицах, нуждающихся в дополнительной или временной защите» [4], «Об иммиграции» [5], «О государственной границе Украины» [6], «О Государственной пограничной службе Украины» [7], «О порядке выезда из Украины и въезда в Украину граждан Украины» [8], «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Украины по борьбе с нелегальной миграцией» [9], а также Указы Президента Украины, постановления Кабинета Министров Украины и др.

Обще принятое определение термина «эмиграция» – (лат. *emigratio* – выселение, переселение) это переселение, вынужденное или добровольное перемещение людей со своей родины в другую страну мира по экономическим, политическим или религиозным причинам [10]. Эмиграция может быть долговременной с целью постоянного проживания; временной, если эмигранты через некоторое время возвращаются, и сезонной - в определенное время года или на периодические заработки. В зависимости от причин, обуславливающих переселение, выделяют эмиграцию экономическую (социально-экономические причины) и политическую (оппозиционное отношение к политическому режиму). Иногда эмиграция приобретает массовый характер. В таких случаях правительство стран, в которых переселяются эмигранты, регламентируют такое перемещение законодательными актами.

Политическая эмиграция - выезд отдельных лиц или групп людей, которые, не соглашаясь с существующим режимом в своей стране, сознательно оставляют свои земли, в основном только таким образом избегая неизбежных репрессий. Кардинальные, всеобъемлющие изменения, которые происходят в Украине, и присоединение ее к международным пактам о правах человека открывают большие возможности для реализации миграционных процессов в правовом порядке.

Используется и такое понятие, как региональная эмиграция - разновидность социальной мобильности граждан, связанная с выездом из Украины отдельных слоев населения, которые по разным причинам и мотивам оставляют своё государство и обустриваются в других странах. Особенность региональной эмиграции состоит в том, что эмигранты, поселяясь на чужбине компактными группами, создают там цельные ячейки (диаспоры) с национальной культурой (привычками, вкусами, традициями).

Иммиграция - въезд в чужую страну на постоянное или достаточно длительное проживание определенного конкретного лица (гражданина) с целью бытового устройства, обучение, трудоустройство, «бегства» от дискриминации, преследований тому подобное. В переводе с латыни иммиграция означает вселение или въезд именно в то иностранное государство, в котором то или иное лицо ищет для себя убежища [11].

Под иммиграцией иногда понимают всю имеющуюся совокупность переселенцев, которые собирались на определенной территории отдельных государств. Иммигрантами являются все те лица, которые вселились или вселяются на некую территорию с целью обустройства и трудоустройства. Понятие иммиграции противоположно термину «эмиграция», который означает выезд, выселение, бегство от дискриминации, вооруженных конфликтов, экономических кризисов и политических, социальных

потрясений. Иммиграция - это прибытие в страну переселения, что совершается как законным (легальным), так и незаконным (нелегальным) путем. Поэтому различают неконтролируемую и контролируемую иммиграцию.

Главная роль административно-правового регулирования миграционными процессами в Украине принадлежит Конституции Украины. Закрепив демократические принципы построения Украинского государства, Конституция гарантирует свободу передвижения, свободный выбор места жительства, свободный въезд и выезд из страны. В ней нашли свое отражение положения о равных правах иностранцев, возможность приобретения убежища в Украине и тому подобное. Она провозгласила защиту граждан, находящихся за рубежом.

Так, норма ст. 92 Конституция Украины [12] закрепляет, во-первых, что исключительно законами определяются основы регулирования демографических и миграционных процессов; во-вторых, исключительно законами устанавливаются порядок создания и функционирования свободных и других специальных зон, имеющих миграционный режим, отличный от общего.

Конституция гарантирует мигрантам защиту их прав, свободу преследования и выбора места жительства в пределах Украины. По этому поводу ст. 33 гласит: «Каждому, кто на законных основаниях находится на территории Украины, гарантируется свобода передвижения, свободный выбор места жительства, право свободно оставлять территорию Украины, за исключением ограничений, которые устанавливаются законом». Принципиальным с точки зрения регулирования миграционных процессов является положение данной статьи о правах человека свободно покидать Украину, а для граждан Украины также свободно возвращаться в Украину.

Эти положения дополняются правами и обязанностями, которые непосредственно касаются иностранцев и изложены в ст. 26 Конституции Украины. Согласно ей, иностранцы и лица без гражданства, находящиеся в Украине на законных основаниях, пользуются теми же правами и свободами, а также несут те же обязанности, как и граждане Украины (за исключениями, установленными Конституцией, законами или международными договорами Украины), им может быть предоставлено убежище в порядке, установленном законом [12].

Таким образом, Конституция Украины обеспечивает дальнейшее развитие нормативно-правовой базы относительно регулирования внешних и внутренних миграционных процессов.

Законом Украины «О правовом статусе иностранцев и лиц без гражданства» определяется правовой статус иностранцев и лиц без гражданства, находящихся в Украине, и устанавливает порядок их въезда в Украину и выезда из Украины. Статья 1 Закона, в частности, дает определение таким терминам:

- иностранец ;
- лицо без гражданства;
- иностранцы и лица без гражданства, находящиеся на территории Украины на законных основаниях;
- нелегальный мигрант;
- иностранцы и лица без гражданства, которые временно находятся на территории Украины;
- иностранцы и лица без гражданства, которые временно проживают в Украине;
- иностранцы и лица без гражданства, которые постоянно проживают в Украине.

Согласно Закону Украины «Об иммиграции» иммиграция - это прибытие в Украину или проживание в Украине в установленном законом порядке иностранцев и лиц без гражданства на постоянное жительство. Иммигрант - это иностранец или лицо без гражданства, который получил разрешение на

иммиграцию и прибыл в Украину на постоянное проживание, или, находясь в Украине на законных основаниях, получил разрешение на иммиграцию и остался в Украине на постоянное проживание.

Законом запрещается предоставлять разрешение на иммиграцию:

- лицам, осужденным к лишению свободы на срок более одного года за совершение деяния, в соответствии с законами Украины признается преступлением, если судимость не погашена и не снята;
- лицам, совершившим преступление против мира, военное преступление или преступление против человечности и человечества, как они определены в международном праве, или разыскиваются в связи с совершением деяния, в соответствии с законами Украины признается тяжким преступлением, или против которых возбуждено уголовное дело, если предварительное следствие за ней не закончено;
- лицам, больным хроническим алкоголизмом, токсикоманией, наркоманией или инфекционными заболеваниями, перечень которых определен центральным органом исполнительной власти по вопросам здравоохранения;
- лицам, которые в заявлениях о предоставлении разрешения на иммиграцию отметили заведомо ложные сведения или подали поддельные документы;
- лицам, которым на основании закона запрещен въезд на территорию Украины;
- в других случаях, предусмотренных законами Украины.

Лицу, которое постоянно проживает за пределами Украины и получила разрешение на иммиграцию, дипломатическое представительство или консульское учреждение Украины по его обращению оформляют иммиграционную визу. Такая виза действует в течение года со дня ее оформления. По прибытии иммигранта в Украину он должен обратиться в течение пяти рабочих дней в орган специально уполномоченного центрального органа исполнительной власти по вопросам иммиграции по месту жительства с заявлением о выдаче ему вида на жительство.

Таким органом в Украине является государственная миграционная служба Украины, которая входит в систему МВС Украины. К заявлению должны прилагаться копия паспортного документа заявителя с проставленной в нем иммиграционной визой и копия решения о предоставлении разрешения на иммиграцию. Орган специально уполномоченного центрального органа исполнительной власти по вопросам иммиграции в течение недели со дня принятия заявления выдает иммигранту вид на постоянное жительство.

Законом предусмотрены следующие основания отмены разрешения на иммиграцию:

- выяснится, что оно предоставлено на основании заведомо ложных сведений, поддельных документов или документов, утративших силу;
- иммигрант осужден в Украине к лишению свободы на срок более одного года и приговор суда вступил в законную силу;
- действия иммигранта представляют угрозу национальной безопасности Украины, общественному порядку в Украине;
- это необходимо для охраны здоровья, защиты прав и законных интересов граждан Украины;
- иммигрант нарушил законодательство о правовом статусе иностранцев и лиц без гражданства;
- в других случаях, предусмотренных законами Украины.

Лицо может повторно подать заявление о предоставлении разрешения на иммиграцию не раньше чем через год со дня принятия решения об отказе в предоставлении разрешения на иммиграцию или его отмене [5].

В соответствии с Законом Украины «О государственной границе Украины» определен режим государственной границы Украины. Режим государственной границы Украины - это порядок пересечения государственной границы Украины, гражданами Украины, иностранцами и лицами без гражданства плавания и пребывания украинских и иностранных невоенных судов и военных кораблей в территориальном море и внутренних водах Украины, захода иностранных невоенных судов и военных кораблей во внутренние воды и порты Украины и пребывания в них, содержание государственной границы Украины, проведение различных работ, промышленной и иной деятельности на государственной границе Украины.

Правительство с целью обеспечения надлежащего порядка на государственной границе Украины устанавливает пограничную полосу и контролируемые приграничные районы.

Также Законом устанавливаются:

- права органов Государственной пограничной службы Украины относительно иностранных и украинских невоенных судов;
- основания задержания органами Государственной пограничной службы Украины иностранных и украинских невоенных судов;
- ответственность за нарушение законодательства о государственной границе Украины [6] .

Закон Украины «О порядке выезда из Украины и въезда в Украину граждан Украины» регулирует порядок осуществления права граждан Украины на выезд из Украины и въезд в Украину, а также порядок оформления документов для зарубежных поездок, определяет случаи временного ограничения права граждан на выезд из Украины и устанавливает порядок решения споров в этой сфере.

Граждане Украины имеют право свободно выезжать из Украины. Законодательство Украины предусматривает определенные ограничения относительно пересечения государственной границы отдельным категориям граждан, которые:

- знакомы со сведениями, составляющими государственную тайну;
- против них возбуждено уголовное дело, или они осуждены по приговору суда;
- уклоняются от выполнения обязательств, возложенных на него судебным решением
- и другие.

Недееспособные граждане Украины могут выехать за пределы Украины только на основании нотариально удостоверенного ходатайства их законных представителей или по решению суда. Установка других оснований для ограничения выезда граждан Украины за границу, чем те, которые предусмотрены законом, запрещено.

Порядок въезда в иностранное государство граждан Украины регулируется законодательством соответствующего государства.

Документами, дающими право на выезд из Украины и въезд в Украину и удостоверяющими личность гражданина Украины во время пребывания за ее пределами, являются:

- паспорт гражданина Украины для выезда за границу (Выдается лицам, достигшим 18 лет. По ходатайству родителей - лицам и до 18 лет);
- проездной документ ребенка (только для детей в возрасте от 14 до 18 лет);
- дипломатический паспорт;
- служебный паспорт;
- удостоверение личности моряка.

Пересечение государственной границы Украины возможно только в пунктах пропуска через государственную границу Украины [8].

Согласно Закону Украины «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Украины по борьбе с нелегальной миграцией» [9] пересечения государственной границы Украины вне пунктов пропуска через государственную границу Украины или в пунктах пропуска через государственную границу Украины без установленных документов или разрешения соответствующих органов государственной власти влечет за собой наложение штрафа от сорока до ста необлагаемых минимумов доходов граждан, или исправительные работы на срок до одного месяца с отчислением двадцати процентов заработка, или административный арест на срок до пятнадцати суток. Законами Украины может быть предусмотрено административное выдворение за пределы Украины иностранцев и лиц без гражданства за совершение административных правонарушений, грубо нарушающих правопорядок.

Нарушение иностранцами и лицами без гражданства правил пребывания в Украине, то есть проживание без документов на право жительства в Украине, по недействительным документам или документам, срок действия которых истек, или трудоустройство без соответствующего разрешения на это, если необходимость такого разрешения предусмотрено законодательством Украины, или несоблюдение установленного порядка регистрации или передвижения и изменения места жительства или уклонение от выезда из Украины после окончания соответствующего срока пребывания, а также нарушение правил транзитного проезда через территорию Украины влекут за собой наложение штрафа от десяти до двадцати необлагаемых минимумов доходов граждан.

Нарушение должностными лицами предприятий, учреждений и организаций независимо от форм собственности, в том числе иностранных субъектов хозяйственной деятельности, которые действуют на территории Украины, установленного порядка трудоустройства иностранцев и лиц без гражданства, предоставления им жилья, а также другие нарушения, направленные на их незаконную регистрацию, прописку или выписку, оформление документов на проживание влекут за собой наложение штрафа от десяти до двадцати необлагаемых минимумов доходов граждан.

Выводы

Необходимо отметить, что административно-правовое регулирование эмиграции и иммиграции в Украине регулируется множеством нормативно-правовых актов. Указанными законами Украины регулируется порядок въезда и выезда на территорию государства, порядок проживания и другие аспекты эмиграции и иммиграции в Украине. Закреплен также правовой статус граждан как прибывающих в страну, так и выезжающих из нее. В связи с развитием общества и государственной политики существенное повышение качества миграционной системы может быть достигнуто за счет углубления сотрудничества с развитыми странами, интеграционными группировками (главным образом ЕС) и специализированными организациями. Сферами сотрудничества, кроме обмена информации, должны стать: разработка миграционного законодательства и процедур регистрации мигрантов, унификация документов регистрации мигрантов, выявление и ликвидация каналов нелегальной миграции.

Литература

1. Административно-правовое регулирование миграционных процессов: уч. пособие / Кол. авт.; Днепропетровск: Днепр. гос. ун-т внутр. дел, 2012. – 326 с.
2. Официальный сайт Организации объединенных наций [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.un.org> (Дата обращения 03.10.2017)
3. Закон Украины «О правовом статусе иностранцев и лиц без гражданства». Ведомости Верховной Рады Украины (ВВР) 2012, № 19-20, ст.179. <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/3773-17>
4. Закон Украины «О беженцах и лицах, нуждающихся в дополнительной или временной защите». Ведомости Верховной Рады Украины, 2012, № 16, ст.146) (ВВР), <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/3671-17>
5. Закон Украины «Об иммиграции». Ведомости Верховной Рады Украины (ВВР), 2001, № 41, ст.197. <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/2491-14>
6. Закон Украины «О государственной границе Украины». Ведомости Верховной Рады Украины (ВВР), 1992, № 2, ст. 5. <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/1777-12>
7. Закон Украины «О Государственной пограничной службе Украины». Ведомости Верховной Рады Украины (ВВР), 2003, № 27, ст.208. <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/661-15>
8. Закон Украины «О порядке выезда из Украины и въезда в Украину граждан Украины». Ведомости Верховной Рады Украины (ВВР), 1994, № 18, ст.101. <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/3857-12>
9. Закон Украины «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Украины по борьбе с нелегальной миграцией». Ведомости Верховной Рады Украины (ВВР), 2001, N 13, ст.66. <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/2247-14>
10. Эмиграция // Украинская малая энциклопедия : 16 кн. : 8 т. / проф. Е. Онацкий. — Указом Администрации УАПЦ в Аргентине. — Буенос-Айрес, 1958. — Т. 2 : Д — Є, кн. 3. — С. 408-410. — 1000 экз.
11. Рымаренко, Ю. И. Международное миграционное право: Университетский курс: учебник. – Киев: КНТ, 2007. – С.125 640 с.
12. Конституция Украины. Ведомости Верховной Рады Украины (ВВР), 1996, № 30, ст. 141. <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/254%D0%BA/96-%D0%B2%D1%80>
13. Национальная академия внутренних дел. Фондовая лекция по дисциплине «Миграционное право». Режим электронного доступа: <https://www.naiu.kiev.ua/files/kafedru/ad/lectures/prav-reg-migr-proc.docx>

Corresponding authors

Новиченко Андрей Васильевич,
аспирант Харьковского национального университета внутренних дел
УДК [342.951:314.15] (477)

ПИСЬМЕННЫЕ УКАЗАНИЯ ПРОКУРОРА КАК ОСОБАЯ ФОРМА ЕГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО РЕШЕНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

Сергей Шульгин

WRITTEN INSTRUCTIONS OF THE PROSECUTOR AS A SPECIAL FORM OF HIS PROCEDURAL DECISION IN CRIMINAL PROCEEDINGS

S. Shulygin

Исследованы понятие письменных указаний прокурора, их правовая природа, процессуальная форма, содержание и черты, обосновано положение о том, что письменные показания прокурора являются процессуальным решением в уголовном производстве, а также сформулировано авторское определение письменных указаний прокурора.

Ключевые слова. *Письменные указания прокурора, процессуальные решения в уголовном производстве*

The concept of the prosecutor's written instructions, their legal nature, procedural form, content and features are examined, the proposition that the prosecutor's written evidence is a procedural decision in criminal proceedings is substantiated, and the author's definition of the prosecutor's written instructions is formulated.

Keywords. *Written Instructions of the Prosecutor. Procedural Decisions in Criminal Proceedings.*

Введение

Динамическое развитие украинской государственности определило необходимость реформирования различных ее государственно-правовых институтов, совершенствование механизмов их деятельности. Указанная тенденция обусловлена коренными изменениями в национальном законодательстве, в частности в сфере уголовного судопроизводства.

Принятие Верховной Радой Украины 13 апреля 2012 г. Уголовного процессуального кодекса Украины изменило не только систему уголовной юстиции, но и функции правоохранительных органов, в частности органов прокуратуры.

Согласно ч. 1 ст. 36 УПК Украины прокурор, осуществляя свои полномочия в соответствии с требованиями закона, является самостоятельным в своей процессуальной деятельности, вмешательство в которую лиц, не имеющих на то законных полномочий, запрещается. Органы государственной власти, органы местного самоуправления, предприятия, учреждения и организации, должностные и другие физические лица обязаны выполнять законные требования и процессуальные решения прокурора.

Исследованию процессуальных решений прокурора на стадии досудебного расследования посвящали свои труды как отечественные ученые и практики, так и зарубежные, в частности С. Альперт, М. Бажанов, Н. Глинская, А. Гринев, П. Лупинская А. Марочкин, С. Смоков и другие. В то же время однако такое процессуальное решение прокурора, как письменное, исследовалось лишь в общих чертах в контексте общего понятия процессуального решения или осталось вообще за его пределами.

Целью этой статьи является научное исследование правовой природы письменных указаний прокурора на досудебном расследовании, их процессуальной формы, формулировка авторского определения письменных указаний прокурора, исследование его места и значения в системе процессуальных решений прокурора на стадии досудебного расследования.

Материалы и методы

В ходе написания настоящего исследования были проанализированы около 30 уголовных производств досудебное расследование, по которым осуществлялись следственными подразделениями органов прокуратуры, Службы безопасности Украины и Национальной полиции Украины, а также 10 уголовных производств, по которым прокурором (процессуальным руководителем) были отменены постановления следователя о прекращении уголовного производства и предоставлены указания о проведении следственных (розыскных) действий.

При этом изученные дела пребывали в производстве как следственных подразделений центральных аппаратов, так и региональных управлений вышеуказанных органов следствия.

Результаты

В соответствии с п. 4 ч. 2 ст. 36 УПК Украины прокурор, осуществляя надзор за соблюдением законов при проведении досудебного расследования в форме процессуального руководства досудебным расследованием, уполномочен поручать следователю, органу досудебного расследования проведение в установленный прокурором срок следственных (розыскных) действий, негласных следственных (розыскных) действий, других процессуальных действий или давать указания по их проведению участвовать в них, а в необходимых случаях - лично проводить следственные (розыскные) и процессуальные действия в порядке, определенном этим Кодексом.

Подобные полномочия прокурора изложены и в процессуальных кодексах и других государств, в частности УПК Республики Беларусь (п. 6 ч. 5 ст. 34) [1], УПК Российской Федерации (п. 4 ч. 2 ст. 37) [2], КПК Грузии (п. в) ч. 5 ст. 33) [3] и т.д.

В то же время, в приведенных нормативных актах отсутствует определение письменных указаний прокурора, а указывается лишь на его право принимать соответствующее процессуальное решение. Вместе с тем учеными уделено значительное внимание формулировке такой дефиниции, в частности А. Грынив рассматривает письменные указания прокурора как его процессуальное решение, которое выносится в рамках осуществления процессуального руководства расследованием дела с целью достижения всесторонности, полноты и объективности предварительного расследования, направлено на устранение пробелов и неполноты следствия, допущенных органом дознания и досудебного следствия, обладает признаками императивности и является обязательным к выполнению за исключением случаев, предусмотренных законом- [4, с. 272], [5, с. 211].

По мнению П. Лупинской, указания прокурора являются одним из видов процессуальных решений, принимаемых при осуществлении производства по уголовному делу. Свое мнение автор обосновывает тем, что как процессуальные решения, они выносятся уполномоченными на это государственными органами и должностными лицами в пределах полномочий, выражают властные веления, подтверждают, изменяют или прекращают уголовно-процессуальные отношения, подтверждают наличие или устанавливают отсутствие материально-правовых отношений, принимаются в установленном порядке и закрепляются в определенной форме- [6, с. 51].

В свою очередь, Г. Пичкалева и Е. Радутная указания прокурора считают одной из разновидностей документов прокурорского реагирования [7, с. 91].

Не определено также в законодательстве процессуальной формы и структуры письменных указаний прокурора. Прокурорско-следственная практика сформировала по данному поводу конкретную позицию. Так, письменные указания прокурора оформляются в виде отдельного документа - указаний, которые изготавливаются на официальном бланке органа прокуратуры. Проанализированные нами письменные указания прокурора в около 30 уголовных производствах, которые расследовались органами прокуратуры, полиции и Службы безопасности Украины, дают основания разделить их структуру на две части - описательную и резолютивную.

Так, в описательной части указывается орган досудебного расследования, осуществляющий досудебное расследование уголовного производства, номер и дату регистрации уголовного производства в Едином реестре досудебных расследований, констатация факта неполноты досудебного расследования (других процессуальных нарушений или недостатков, в частности отсутствие в протоколах следственных (розыскных) действий времени проведения следственного действия, отсутствие подписей лиц, которые их проводили, отсутствие части документов (например, наличие протокола обыска, но отсутствие ходатайства и определения следственного судья о его проведении), неправильность квалификации и т.д.). В резолютивной же части письменных указаний содержатся конкретные указания (требования) прокурора, которые необходимо выполнить в уголовном производстве. Подобного мнения придерживается и В. Гречуха, который указывает, что практикой выработаны следующие составляющие элементы данного документа: адресат, наименование, место и дата составления, статья закона, в соответствии с которой предоставляются указания, обоснование принятого решения, изложение конкретного требования и подпись [8, с. 41].

В науке уголовного процесса также нет единого подхода к процессуальной форме письменных указаний прокурора. Так, А. Сливчиков отмечает, что указания прокурора должны иметь форму отдельного письменного указания или постановления [9, с. 57]. Подобного мнения придерживается и А. Кожевников, который указывает, что указания прокурора могут быть как самостоятельным документом, так и частью такого акта, как постановление [10, с. 104].

В то же время, нередко прокурорами предоставляются указания, содержащиеся в их постановлениях, например об отмене постановления следователя о прекращении уголовного производства. Как правило, в таких постановлениях прокурор указывает основания для принятого им решения и перечисляет процессуальные действия, которые, по его мнению, следователем не выполнены, что и повлекло принятие последним незаконного и необоснованного постановления. В резолютивной части постановления прокурор формулирует принятое им решение об отмене постановления следователя, однако почти ни один прокурор не перечисляет в резолютивной части процессуальных действий, которые нужно выполнить во время досудебного расследования. Так, в изученных нами 10 уголовных производствах, в которых прокурором отменены постановления о прекращении уголовного производства, только в 1 из них в резолютивной части постановления прокурора был перечень следственных действий, которые необходимо провести. В остальных же 9 было указано о необходимости предоставления письменных указаний. При этом следует отметить, что в 3 уголовных производствах такие указания просто отсутствовали.

Присоединяемся к мнению В. Луцка и Т. Кордяки, которые отмечают, что указания прокурора должны выдаваться на бланке прокуратуры за подписью процессуального руководителя и содержать три части: вступительную, мотивировочную и резолютивную. Во вступительной части должно быть указано место и время составления письменных указаний, субъекта, которому они адресуются, номер уголовного производства и его правовая квалификация.

В мотивировочной части письменных указаний, по мнению ученых, которая одинакова для всех письменных указаний и ее содержание вытекает из задач прокурора как процессуального руководителя и задач уголовного судопроизводства в целом. Указания выдаются на основании положений ст. 36 УПК Украины для всестороннего, полного объективного исследования всех обстоятельств уголовного производства и принятия в уголовном производстве законного и обоснованного решения.

Резолютивная часть письменных указаний прокурора - это фактически содержание принятого процессуального решения, в частности, перечень конкретных действий, которые должен выполнить адресат. Важно отметить разумный срок для выполнения указаний [11, с 88-89].

Следует отметить, что правом предоставления следователю письменных указаний, кроме прокурора, наделен руководитель органа досудебного расследования. В этой связи актуальность указаний прокурора приобретает особую актуальность, поскольку согласно п. 3 ч. 2 ст. 39 УПК Украины его указания не могут противоречить указания прокурора. Приоритет письменных указаний прокурора над указаниями руководителя органа досудебного расследования продиктован тем, что именно прокурор в дальнейшем отвечает за законность всех принятых процессуальных решений в уголовном производстве, а в случае его окончания направлением обвинительного акта ему предстоит поддержание публичного обвинения в суде.

При предоставлении прокурором письменных указаний, последний должен учитывать, что со следователем он находится исключительно в процессуальных правоотношениях, в то время как с руководителем органа досудебного расследования, следователь находится еще и в административной подчиненности. Учитывая изложенное следует согласиться с мнением А. Спирина, который отмечает, что письменные указания прокурора не должны превращаться в план досудебного расследования, поскольку прокурор не должен подменять руководителя органа досудебного расследования [12, с. 156].

Учитывая, что прокурор вправе предоставлять указания о проведении следственных (розыскных) действий, нелепыми усматриваются такие указания, как принять дополнительные меры к установлению лиц, виновных в совершении уголовного правонарушения, активизировать досудебное расследование и т.д. Как справедливо по этому поводу отмечает А. Столетний, при предоставлении указаний о проведении следственных действий, направленных на получение

доказательств, прокурор, кроме требований законодательства и судебной практики рассмотрения определенной категории уголовных производств, должен руководствоваться и собственным опытом использования доказательств в ходе судебного разбирательства [13, с 127]. Кроме того, принимая участие в заседаниях о избрании меры пресечения, ее продления или изменения, прокурору становятся известны фактические данные, которые предоставляет следственному судье сторона защиты. В этой связи прокурор обязан дать указания следователю провести следственные действия, направленные на их подтверждение или опровержение.

Следует согласиться с мнением В. Шимановского, который отмечает, что предоставляя следователю указания, прокурор не должен забывать о его процессуальной самостоятельности [14, с 144].

Необходимо обратить внимание на тот факт, что в большинстве случаев прокурорами предоставляются письменные указания, направленные на установление обстоятельств уголовного производства, которые разоблачают подозреваемого в совершении уголовного правонарушения, в то время как следователь и прокурор должны устанавливать обстоятельства, которые также оправдывают его.

Анализируя вышеуказанные научные взгляды и законодательные предписания, считаем целесообразным выделить следующие черты, присущие письменным указаниям прокурора, в частности: конкретность; последовательность; своевременность и обязательность.

Конкретность означает, что указания должны содержать конкретные следственные (розыскные) действия, которые необходимо выполнить и исключать оценочные и «размытые» их формулировки (принять меры, активизировать и т.д.). Под последовательностью в письменных указаниях прокурора следует понимать логическую упорядоченность следственных (розыскных) действий, которые следует провести в уголовном производстве с целью достижения максимального результата. Своевременность продиктована требованиями закона по соблюдению разумных сроков досудебного расследования и необходимостью вовремя провести следственное (розыскное) действие, промедление с проведением которого может привести к потере возможных доказательств. Требование обязательности письменных указаний прокурора определено в законе, в частности в ч. 4 ст. 40 УПК Украины. Считаем, что неисполнение (ненадлежащее или неполное исполнение) письменных указаний прокурора влияет на полноту досудебного расследования, законность и обоснованность процессуальных решений, а в отдельных случаях невозможность их принятия.

Следует отметить, что в Украине начинает формироваться судебная практика по рассмотрению жалоб на процессуальные решения о закрытии уголовных производств, по которым прокурором предоставлялись письменные указания, которые не были выполнены вообще или частично.

Так, отменяя постановление следователя о закрытии уголовного производства, следственный судья Дзержинского районного суда города Харькова в своем определении от 26.06.2017 отметил, что поскольку следователем в нарушение требований УПК Украины не выполнены письменные указания прокурора, суд пришел к выводу о том, что постановление о закрытии уголовного производства принято следователем преждевременно без всестороннего и полного исследования обстоятельств уголовного производства, а потому постановление подлежит отмене [15]. Аналогичной позиции придерживается и следственный судья Оболонского районного суда города Киева, который, отменяя постановление следователя о закрытии уголовного производства, отметил, что следователем, в нарушение требований ч. 2 ст. 9 УПК Украины, относительно всестороннего, полного и беспристрастного исследования обстоятельств уголовного производства, в полном объеме указания прокурора не выполнялись, не осуществлена надлежащая правовая оценка обстоятельствам уголовного производства и преждевременно принято решение о прекращении уголовного производства [16].

Заклучение

Учитывая изложенное, считаем, что под письменными указаниями прокурора следует понимать обязательное к исполнению процессуальное решение, оформленное отдельными указаниями или указаниями о проведении конкретных следственных действий, указанных в резолютивной части постановления об отмене процессуального решения следователя, и которым прокурор поручает следователю провести следственные (розыскные) действия в уголовном производстве как разоблачающих, так и оправдывающих подозреваемого, осуществить оценку, исследование и анализ доказательств в нем, устранить нарушения закона, выполнить другие необходимые процессуальные действия.

Указания прокурора должны предоставляться исключительно в письменном виде и иметь своей целью достижение задач уголовного судопроизводства. В этой связи статью 110 УПК Украины следует дополнить положением о том, что письменные указания прокурора являются процессуальным решением прокурора на досудебном расследовании, предоставляемые следователю и выражены в самых указаниях, или резолютивной части постановления прокурора, которым отменяется процессуальное решение следователя.

Литература

1. УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ КОДЕКС РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ № 295-З от 16.07.1999. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kodeksy.by/static/ugolovno-processualnyy-kodeks.pdf>. – Дата доступа: 22.01.2018.
2. УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ КОДЕКС РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ N 174-ФЗ от 18.12.2001. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/901802257> – Дата доступа: 22.01.2018.;
3. ЗАКОН ГРУЗИИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ КОДЕКС ГРУЗИИ № 1772-ПС от 09.10.2009. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://pravo.org.ua/files/Criminal%20justice/_09_10_2009.pdf. – Дата доступа: 22.01.2018.
4. ГРИГІВ О.Д. *Вказівка прокурора як одна з форм процесуального керівництва досудовим розслідуванням та обов'язковість її виконання* // Проблеми порівняльного правознавства: зб. тез наук. доп. III міжнар.наук.конф. «Компаративістські читання» / Львів.держ.ун-т внутр. справ, Ін-т держави і права ім. В.М. Корецького НАН України, Київ. нац. ун-т ім. Т. Шевченка, Укр. асоц. порівнял. правознавства. – Львів ; К. Львів. держ. ун-т внутр. Справ, 2011. с. 271-274.
5. ГРИНІВ О. *Вказівка прокурора як форма процесуального керівництва досудовим розслідуванням* / О. Гринів // Університетські наукові записки. - 2016. - № 1. - с. 205-212.
6. ЛУПИНСКАЯ П.А. *Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник* / отв. ред. П.А. лупинская. – М. Юристь, 2003, 797 с.
7. ПИЧКАЛЕВА Г.И., РАДУТНАЯ Е.С. *Роль и значение письменных указаний прокурора на первоначальном этапе расследования убийств* // Укрепление законности в уголовном судопроизводстве. Сборник научных трудов. - М.: Изд-во Всесоюзного ин-та по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности, 1986. - с. 90-97

8. ГРЕЧУХА В. *Письменные указания прокурора следователю* // Социалистическая законность. - М.: Известия, 1982, № 8. - с. 41-42
9. СЛИВЧИКОВ А.А. *Письменные указания прокурора по уголовному делу* // Закон и практика. - Чита, 2006, № 1 (17). - с. 56-58
10. КОЖЕВНИКОВ А.О. *Прокурорский надзор за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие*. Екатеринбург, 2006, 164 с.
11. ЛУЦИК В., КОРДІЯКА Т. *Повноваження прокурора, спрямовані на усунення порушень закону в ході досудового розслідування (за законодавством України та Польщі)* [Текст] / // Вісник Національної академії прокуратури України. - 2016. - № 3. - с. 87-94.
12. СПИРИН А.В. *О необходимости предоставления прокурору права давать указания следователю* // Вестник Московского университета МВД России. - М.: Изд-во Моск. ун-та МВД России, 2014, № 6. - с. 153-156
13. СТОЛІТНІЙ А. В. *Вказівки прокурора у кримінальному провадженні як форма здійснення процесуального керівництва* / Столітній А. В. // Актуальні проблеми прав людини, держави та вітчизняної правової системи: матеріали міжнар. наук.-практ. конф., 3-4 квіт. 2015 р. / Громад. орг. «Правовий світ». - Дніпропетровськ : ГО «Правовий світ», 2015. - с. 126-127.
14. ШИМАНОВСКИЙ В.В. *Указания прокурора по уголовным делам - важное средство обеспечения законности на предварительном следствии* // Научные и практические проблемы уголовного судопроизводства в свете судебно-правовой реформы. Материалы научно-практической конференции. - Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1989. - С. 144.
15. *ОПРЕДЕЛЕНИЕ СЛЕДСТВЕННОГО СУДЬИ ДЗЕРЖИНСКОГО РАЙОННОГО СУДА-г. ХАРЬКОВА* от 26.06.2017. (дело № 638/8926/17). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.reyestr.court.gov.ua/Review/67437461> - Дата доступа: 22.01.2018.
16. *ОПРЕДЕЛЕНИЕ СЛЕДСТВЕННОГО СУДЬИ ОБОЛОНСКОГО РАЙОННОГО СУДА-г. КИЕВА* (дело № 756/1632/17). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.reyestr.court.gov.ua/Review/64940475> - Дата доступа: 22.01.2018.

Corresponding author

Шульгин Сергей,
аспирант, Международный экономико-гуманитарный
университет имени Степана Демянчука,
ул. Степана Демянчука, 4 г. Ровно, 33000

РАЗБОЙНЫЕ НАПАДЕНИЯ НА ИНКАССАТОРОВ В УКРАИНЕ КАК ОБЪЕКТ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Олег Ягольник

ROBBERIES OF COLLECTORS AS A SUBJECT OF FORENSIC INVESTIGATION

O.Yagolnyk

Конституция Украины предусматривает защиту прав и свобод каждого гражданина и провозглашает, что человек, его жизнь, здоровье, честь и достоинство, неприкосновенность и безопасность определяются наивысшей социальной ценностью. На современном этапе реализация этих положений в государстве требует решения большого количества разнообразных проблем, одной из которых является преодоление преступности корыстно-насильственного направления. Успех этой деятельности в значительной степени зависит от теоретических разработок противодействия отдельным видам преступности, и эффективной деятельности правоохранительных органов в борьбе с тяжкими и особо тяжкими преступлениями корыстно-насильственного направления, к числу которых относятся разбойные нападения на инкассаторов. Характерной чертой указанного вида преступлений является повышенная общественная опасность и резонанс, который возникает в связи с открытым, незаконным, насильственным нападением на специализированные транспортные средства.

В статье анализируются характерные признаки разбойных нападений на инкассаторов как объекта криминалистического исследования, которые включают в себя выделены основные элементы: социальную обусловленность установления и сохранения уголовной ответственности за разбойные нападения; общественную опасность данного вида преступлений; противоправность деяния и его место в системе нормативного определения запрета соответствующего вида общественно опасного поведения; состав преступления; общественно опасные способы, последствия и другие обстоятельства совершения преступлений, находящихся за пределами состава данного вида преступлений, но присущи их совершению; б) меры предупреждения. Данный вид разбоя сочетает в себе корыстный мотив и насильственные действия (как физического, так и психического характера) или угрозу их применения и посягают на жизнь и здоровье человека. Предоставлено авторское определение таких преступных действий, как антисоциального явления и относительно массового общественно опасного обогащения, проявляющегося в совершении корыстного преступления против собственности, соединенного с применением или угрозой применения насилия, а в отдельных случаях направленного против жизни и здоровья человека.

Ключевые слова: разбой, инкассаторы, банк, нападение, насилие, расследование.

The Constitution of Ukraine provides for the protection of the rights and freedoms of every citizen and declares that a person, his life, health, honor and dignity, inviolability and security are determined by the highest social value. At the present stage, the implementation of these provisions in the state requires the solution of a large number of different problems, one of which is to overcome the crime of mercenary violence. The success of this activity largely depends on the theoretical development of combating certain types of crime, and the effective activities of law enforcement agencies in the fight against serious and especially serious crimes of selfish violence, which include robberies of collectors. A characteristic feature of this type of crime is the increased public danger and resonance that arises in connection with an open, illegal, violent attack on specialized vehicles.

The article analyzes the characteristic features of robberies against collectors as an object of forensic research, which include the following main elements: the social conditionality of the establishment and maintenance of criminal liability for robberies; public danger of this type of crime; illegality of the act and its place in the system of normative determination of the prohibition of the relevant type of socially dangerous behavior; corpus delicti; socially dangerous methods, consequences and other circumstances of committing crimes that are outside the scope of this type of crime, but inherent in their commission; 6) prevention measures. This type of robbery combines a selfish motive and violence (both physical and mental) or the threat of their use and encroaches on human life and health. The author's definition of such criminal acts as an antisocial phenomenon and relatively mass socially dangerous enrichment, which is manifested in the commission of a mercenary crime against property, combined with the use or threat of violence, and in some cases directed against life and health.

Keywords: robbery, collectors, bank, attack, violence, investigation.

Конституция Украины предусматривает защиту прав и свобод каждого гражданина и провозглашает, что человек, его жизнь, здоровье, честь и достоинство, неприкосновенность и безопасность определяются наивысшей социальной ценностью [1]. На современном этапе реализация этих положений в государстве требует решения большого количества разнообразных проблем, одной из которых является предотвращение преступности корыстно-насильственного характера. Успех этой деятельности в значительной степени зависит от теоретических разработок противодействия отдельным видам преступности, и эффективной деятельности правоохранительных органов в борьбе с тяжкими и особо тяжкими преступлениями корыстно-насильственного характера, к числу которых относятся разбойные нападения на инкассаторов. Характерной чертой указанного вида преступлений является повышенная общественная опасность и резонанс, возникающий в связи с открытым незаконным насильственным нападением на специализированные транспортные средства.

Результаты отдельных исследований свидетельствуют, что совершению преступлений против инкассации денежных средств, ценностей и ценных бумаг предшествовали в 98,3% случаев – предварительная подготовка; в 95,1% случаев – создание преступной группировки, то есть отбор участников и распределение ролей; в 98,2% – предварительное отыскание объекта преступного посягательства и отработки способов нападения на него.

Инкассатор – это лицо подразделения инкассации, осуществляющий перевозки валютных ценностей и инкассацию средств. Инкассатор-водитель – лицо подразделения инкассации, исполняющего обязанности инкассатора и /или водителя оперативного автотранспорта [6].

Инкассатор занимается инкассацией и доставкой денег и других материальных ценностей из организаций в банк, а также доставкой наличных из банка в организации. Профессия инкассатора сложная и ответственная, требует определенных навыков и качеств. Но при этом специальность инкассатора пользуется высоким спросом у работодателей, она дает возможность повысить свои навыки владения оружием и физическую подготовку, а также позволяет получить разрешение на ношение оружия. Должность инкассатора востребована в государственной службе инкассации, частных охранных предприятиях, специальных службах коммерческих банков, в кредитных некоммерческих организациях.

В те времена, когда купюры еще не были в ходу и основными денежными единицами были золотые и серебряные монеты, деньги перевозили в больших кованых сундуках. Торговые караваны купцов, везущих с собой большие суммы денег, сопровождали хорошо вооруженные охранники, во главе которых всегда ехал доверенный представитель по самой богатой купеческой семье. В дальнейшем обязанности инкассаторов выполняли обычные полицейские. И только каких-то 25-30 лет работа инкассатора стала отдельной профессией.

Основными обязанностями инкассатора на своем рабочем месте: доставка денежной наличности и ценностей в организации из банка и наоборот; проверка и упаковка ценностей совместно с кассовым работником; проверка правильности заполнения сопроводительной финансовой документации; обеспечение безопасности ценностей на всем маршруте следования и прочее. Должностные обязанности инкассатора могут отличаться в зависимости от специфики учреждения и объектов инкассации.

Поскольку специфика работы предполагает материальную ответственность, к инкассаторам предъявляются следующие основные требования: отсутствие судимостей, вредных привычек, сомнительных фактов в биографии; служба в Вооруженных силах или в структуре Министерства внутренних дел; часто - опыт работы в охранных структурах; выносливость, хорошая физическая подготовка, готовность к физическим нагрузкам; внимательность, хорошая скорость реакции; подготовка на спецкурсах с получением свидетельства; водительское удостоверение категории В (часто работодатели предлагают соискателю сочетание функций инкассатора и водителя).

Должность инкассатора связана с риском для жизни и физически тяжелой работой. К тому же работа сложная психологически – постоянно иметь на руках большие суммы наличных денег и огнестрельное оружие могут не все. Поэтому с инкассаторами постоянно работают квалифицированные психологи [7, с. 11].

С начала Антитеррористической операции в Украине на всех инкассаторских броневедомствах был установлен комплект GPS-слежения и радиосвязь. Когда машина подъезжает к блокпосту или экипаж считает обстановку нестандартной, сообщают диспетчеру. Он после этого «ведет» машину до момента «отбоя» со стороны экипажа. В пути на связь выходят каждые 15-20 минут. При межобластных перевозках ценностей бригада вооружается автоматами. В случае поломки в пути назначается страховая броневедомства. Поддерживается связь с СБУ для координации действий. В Донбассе на территории, подконтрольной власти, не отказался работать ни один инкассатор. А вот в зоне, подконтрольной «ДНР» и «ЛНР», по распоряжению НБУ, не работает ни одна бригада [7, с. 11].

Инкассация денежных средств – это сбор и доставка инкассаторами согласно заключенным с клиентами договорам валютных ценностей клиентов в кассу банковского учреждения и в обратном направлении.

Нападение на инкассаторов, в основном, охватывается таким составом преступления как (ст. 187 Уголовного кодекса (далее – УК Украины)) – нападение с целью завладения чужим имуществом, соединенное с насилием, опасным для жизни или здоровья лица, подвергнувшегося нападению, или с угрозой применения такого насилия (разбой). На основании анализа 242 уголовных производств о разбойных нападениях на инкассаторов в течение 2002-2019 годов доля таких посягательств составляет 29,7%.

Часть 2 статьи 187 предусматривает разбой, совершенный по предварительному сговору группой лиц или лицом, ранее совершившим разбой или бандитизм (40,4%), а часть 3 этой статьи – разбой, соединенный с проникновением в жилье, другое помещение или хранилище (10 7%). Разбой, направленный на завладение имуществом в крупных или особо крупных размерах или совершенный организованной группой, или соединенный с причинением тяжких телесных повреждений, квалифицируется по ч. 4 ст. 187 УК Украины (8,9%) [8].

Разбой относится к наиболее опасным корыстно-насильственным преступлениям. Он посягает на два объекта: право собственности и лицо (его здоровье и жизнь). Правом собственности является право лица на вещь (имущество), которое оно осуществляет в соответствии с законом по своей воле, независимо от воли других лиц. Собственнику принадлежат права владения, пользования и распоряжения своим имуществом. Право частной собственности является нерушимым (ст. 2 Закона Украины «О собственности»). Суть разбоя состоит в стремлении преступника завладеть чужим имуществом путем применения насилия к потерпевшему. Этим определяется одновременное посягательство такого преступления на отношения собственности и на лицо [9, с. 286].

Деньги и материальные ценности выступают основным непосредственным объектом преступления в 79,6% исследованных уголовных производств, 20,4% - дополнительным факультативным.

С объективной стороны разбой совершается в форме нападения с целью завладения чужим имуществом (в 59,6% исследованных уголовных производств), соединенного с насилием, опасным для жизни или здоровья лица, подвергнувшегося нападению, или с угрозой применения такого насилия (40,4%).

Уголовный закон понятие нападения не содержит, в науке уголовного права его содержание уже на протяжении многих лет остается спорным. В то же время, слово «нападение» непосредственно употребляется в тексте действующего Уголовного кодекса Украины в 8 статьях (ст. 36, ст. 187, ст. 257, ст. 260, ст. 261, ст. 392, ст. 420, ст. 444 УК Украины).

Так, определяя понятие нападения в отношении разбоя, судебная практика, а также большинство криминологов считают, что его открытый характер не всегда является признаком преступления. Пленум Верховного Суда Украины в постановлении «О судебной практике по делам о преступлениях против частной собственности» от 6 ноября 2009 № 10 [10] под нападением по ст. 187 УК Украины предлагает понимать умышленные действия, направленные на немедленное изъятие чужого имущества путем применения физического или психического насилия, указанного в части первой этой статьи (то есть физического насилия, опасного для жизни или здоровья потерпевшего или угрозы его применения).

В науке уголовного права существуют разногласия относительно места насилия во время нападения и их соотношения. Доказательством этого является факт существования как сторонников, которые признают тавтологией нападение и насилие в формулировке, приведенной в ст. 187 УК Украины, так и сторонников признания нападения самостоятельным признаком [11-13].

Обязательным признаком разбоя является корыстный мотив нападения. Нападение, совершенное не из корыстных побуждений (по мотивам мести, ревности или хулиганских побуждений), не может квалифицироваться как разбой [14, с. 94].

Таким образом, под нападением в составе разбоя следует понимать внезапное, неожиданное для потерпевшего, кратковременное, агрессивное, насильственное действие, направленное на противоправное завладение чужим имуществом. Нападение может быть как открытым, так и тайным (например, нанесение удара потерпевшему из-за спины). Нападение обязательно должно проявляться в психическом или физическом насилии, которое имеет реальный характер: оно способно подавить волю потерпевшего и заставить его передать имущество виновному. По этому признаку разбой отличается, с одной стороны, от кражи, с другой – от грабежа.

Нападение органически связано с физическим или психическим насилием, которое при разбое имеет так называемый инструментальный характер – выступает способом завладения имуществом или его удержания. При этом физическое насилие может заключаться в противоправном воздействии не только на внешние части тела потерпевшего (механическое их травмирование), но и внутренние (отравления), а также в других действиях насильственного характера, создающих опасность для жизни или здоровья потерпевшего (скажем, насильственное содержание его в опасных для жизни и здоровья условиях). В случае, если применение или угроза применения насилия, опасного для жизни или здоровья лица, осуществлялись с целью уклониться от задержания после законченного нападения, содеянное не может рассматриваться как разбой.

Под насилием, опасным для жизни или здоровья лица, подвергнувшегося нападению, следует понимать причинение ему легкого телесного повреждения, повлекшего краткосрочное расстройство здоровья или незначительную утрату трудоспособности, средней тяжести или тяжкого телесного повреждения (последнее квалифицируется по ч. 4 ст. 187 УК Украины), а также другие насильственные действия, которые не привели к указанным последствиям, но были опасными для жизни или здоровья в момент причинения. Угроза применить опасное физическое насилие должна быть непосредственной и очевидной, то есть в потерпевшего должно сложиться впечатление: если она будет противодействовать

нападающему или не выполнит его требований, эта угроза будет немедленно реализована. Считается, что только такая угроза способна подавить, сломать волю потерпевшего, заставить его выполнить имущественные требования преступника. Главным критерием реальности угрозы, как это следует из разъяснения, содержащегося в Постановлении Пленума Верховного Суда Украины «О судебной практике по делам о преступлениях против собственности» от 6 ноября 2009 № 10 является субъективное восприятие потерпевшего. Для квалификации действий по ст. 187 УК важно, чтобы в потерпевшего в конкретной ситуации сложилось впечатление, что в случае противодействия или невыполнения требования угроза будет осуществлена и опасное физическое насилие к ней применено. При этом лицо, совершающее разбойное нападение, по разным причинам может планировать фактическое неприменение физического насилия (не способно преодолеть определенные психологические барьеры, решило ограничиться только запугиванием потерпевшего и т.д.).

Субъектом разбоя является вменяемое лицо, достигшее 14-летнего возраста. В 5,7% (в 14 из 242 исследованных уголовных производств (дел)) субъектом выступало лицо, не достигшее 18 лет, то есть несовершеннолетний.

Субъективная сторона преступления характеризуется прямым умыслом и корыстным мотивом. Обязательным признаком субъективной стороны разбоя является цель, с которой совершается нападение, – завладение чужим имуществом [15; 16].

Подводя итоги, необходимо отметить, что характерными признаками разбойных нападений на инкассаторов, как объекта криминалистического исследования является совокупность специализированной научной информации, включающей в себя следующие элементы: 1) социальную обусловленность установления и сохранения уголовной ответственности за определенный вид преступлений; 2) общественную опасность определенного вида преступлений; 3) противоправность деяния и его место в системе нормативного определения запрета соответствующего вида общественно-опасного поведения; 4) состав определенного вида преступлений; 5) общественно опасные последствия и другие обстоятельства совершения преступлений, находящихся за пределами состава определенного вида преступлений, но присущи их совершению; 6) направления расследования.

Данный вид разбоя сочетает в себе корыстный мотив и насильственные действия (как физического, так и психического характера) или угрозу их применения и посягают на жизнь и здоровье человека.

Системообразующим свойством, сочетающим корыстный мотив и насильственное его достижение, выступает инвариантная преступная деятельность личности преступника в своем развитии, где корыстный мотив определяет характер, содержание и природу, а насильственная форма его реализации конкретизирует направленность этой специфической преступной деятельности. Таким образом, разбойные нападения на инкассаторов можно определить как антисоциальные явления и относительно массовое общественно-опасное обогащение, проявляющееся в совершении корыстного преступления против собственности, соединенного с применением или угрозой применения насилия, а в отдельных случаях направлено против жизни и здоровья человека.

Литература

1. Конституція України: Закон від 28 черв. 1996 р. № 254к/96-ВР. *Верховна Рада України*. URL: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/254%D0%BA/96-%D0%B2%D1%80>.
2. Про банки і банківську діяльність: Закон від 07 груд. 2000 р. № 2121-ІІІ. *Верховна Рада України*. URL: <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/2121-14>
3. Гетманцев Д. О., Шукліна Н. Г. Банківське право України: навч. посіб. Київ: Центр учбової літератури, 2017. 344 с.

4. Аналітичний огляд банківської системи України за результатами 2019 року. *Національне рейтингове агентство «Рюрік»*. Київ, ТОВ «Рюрік», 2019. 24 с.
5. Банківська система у січні 2019 року працювала прибутково. *Національний банк України*. 2019. URL: https://bank.gov.ua/control/uk/publish/article?art_id=45156284
6. Інструкція з організації інкасації коштів та перевезення валютних цінностей банків в Україні: постанова Національного банку України від 31 бер. 2017 р. № 29. *Верховна Рада України*. URL: <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/v0029500-17>
7. Панченко О. Під кулі за чужі гроші: як працюється інкасаторам. Газета «Сьогодні». 2017. Київ. Вип. 56. 24 с.
8. Кримінальний кодекс України від 5 квіт. 2001 р. *Верховна Рада України*. URL: <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/2341-14>.
9. Дудоров О. О. Кримінальне право : навч. посіб. / О. О. Дудоров, М. І. Хавронюк ; за заг. ред.-М. І. Хавронюка. Київ: Ваїте, 2014. 944 с.
10. Про судову практику у справах про злочини проти приватної власності: постанова Пленуму Верховного Суду України від 6 листоп. 2009 р. № 10. *Верховна Рада України*. URL: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/v0010700-09>
11. Матышевский П. С. Преступления против собственности и смежные с ними преступления: монография. Киев: Юринком, 1996. 240с.
12. Гаухман Л. Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика: пособие. М.: АО «Центр ЮрИнфоР», 2011. 316 с.
13. Гришук В. К. Напад у кримінальному праві. *Юридична енциклопедія*: в 6 т. / редкол.: Ю. С. Шемшученко (відп. ред.) та ін. Київ: «Укр. енцикл.», 1998. Т. 4: Н-П., 2002. 768 с.
14. Селецький С. І. Кримінальне право України. Особлива частина: навч. посіб. Київ: Центр учбової літератури, 2008. 496 с.
15. Науково-практичний коментар Кримінального кодексу України / за заг. ред. Литвинова О. М. Київ: «Центр учбової літератури», 2016. 536 с.
16. Науково-практичний коментар Кримінального кодексу України / Д. С. Азаров, В. К. Гришук, А. В. Савченко та ін.; за заг. ред. О. М. Джужі, А. В. Савченка, В. В. Чернєя. Київ: Юрін-ком Інтер, 2016. 1064 с.
17. Ключко А. М., Мисливий В. А. Місце банківських установ серед об'єктів кримінологічної безпеки. *Міжнародний юридичний вісник: збірник наукових праць Національного університету державної податкової служби України*. 2014. Вип.1 (1). С. 61–67.

Corresponding authors

Ягольник Олег Михайлович,
соискатель Донецкого юридического института МВД Украины
УДК 343.98:343.712.1

О ПОНЯТИИ И ПРИНЦИПАХ ПРОИЗВОДСТВА В ДЕЛАХ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ

Александр Ярмоленко

В статье исследовано понятие и принципы производства по делам об административных правонарушениях. Особое внимание уделено рассмотрению взглядов ученых относительно содержания понятия административного процесса и его составляющих элементов. Также в статье определены и проанализированы основополагающие принципы производства по делам об административных правонарушениях и обоснована необходимость их соблюдения для всестороннего и полного рассмотрения дела по существу и привлечения к административной ответственности лица, виновного в совершении противоправного деяния.

Отмечается, что в производстве по делам об административных правонарушениях уполномоченными на то органами административной юрисдикции реализуются общеюрисдикционные принципы, имеющие свою специфику, обусловленную административно-правовой природой возникающих правоотношений, регулируемых с помощью применения административно-процессуальных норм. Принципы процесса определяют средства достижения его целей.

Ключевые слова: принципы, производство, дело об административном правонарушении.

The article examines the concepts and principles of proceedings in cases of administrative offenses. Particular attention is paid to the views of scholars on the content of the concept of administrative process and its constituent elements. The article also defines and analyzes the basic principles of proceedings in cases of administrative offenses (such as: the principle of legality; the principle of efficiency; the principle of immediacy; the principle of equality of the parties; the principle of publicity; the principle of objectivity of truth; the principle of accessibility; the principle of dispositiveness) and substantiates the need for their observance for a comprehensive and complete consideration of the case on the merits and bringing to administrative responsibility the person guilty of committing an illegal act.

It is noted that in administrative law cases the authorized bodies of administrative jurisdiction implement general jurisdictional principles that have their own specifics, due to the administrative-legal nature of the emerging legal relations, regulated by the application of administrative-procedural rules. The principles of the process determine the means to achieve its goals.

Key words: principles, proceedings, case on administrative offense.

Актуальность

Производство по делам об административных правонарушениях являются самыми распространенными в стране, ведь охватывают почти все сферы жизни общества, деятельность учреждений, предприятий, организаций и государства в целом, а также направленные на выявление, пресечение и противодействие административных проступков, привлечения к ответственности виновных в совершении административных правонарушений человек. Но несмотря на важность

административного производства в восстановлении нарушенных административным проступком прав, устранению причин и условий, способствовавших совершению таких правонарушений, административные производства, также, как и его сущность и основополагающие принципы, недостаточно исследованными до сих пор.

Состояние исследования

Вопросам производства по делам об административных правонарушениях занимались такие ученые, как В. Б. Аверьянов, Д. Н. Бахрах, Ю. П. Битяк, С.С. Гнатюк, И. П. Голосниченко, С. Т. Гончарук, Е. В. Додин, Л. В. Коваль, В. К. Колпаков, А. Т. Комзюк, А. И. Остапенко, С. Г. Стеценко, Р. В. Синельник т.д., однако требуют дополнительного исследования принципы, на которых базируется производство по делам об административных правонарушениях.

Целью статьи является всестороннее исследование сущности и основных принципов производства по делам об административных правонарушениях.

Исследуя вопрос производства по административным делам за невыполнение законных требований должностных и служебных лиц органов ГНС, целесообразно привести мнение Д. М. Бахраха, которая, несмотря на значительный промежуток времени, не утратила своей актуальности в сегодняшних условиях. Ученый указывает на то, что свое выражение административная ответственность находит в применении определенных видов административных взысканий, специфических по содержанию и отличных от мер уголовного наказания, дисциплинарного воздействия и имущественной ответственности. Административные взыскания налагаются большим количеством органов, которым такое право предоставлено законодательством Украины и перечень которых содержится в Кодексе об административной ответственности (КоАП – прим. А. Я.) и некоторых других законодательных актах. Несмотря на то, что все чаще административные взыскания применяются судами (судьями), административная ответственность является внесудебным видом правовой ответственности. Между органами публичного управления (должностными лицами), налагают административные взыскания, и правонарушителями отсутствуют отношения подчиненности. Порядок привлечения к административной ответственности особый, он существенно отличается от уголовного, гражданского процессов и дисциплинарного производства. Наконец, административная ответственность урегулирована нормами административного права, содержащих исчерпывающие перечни административных проступков, административных взысканий и органов, уполномоченных их применять, детально регулируют этот вид производства и в совокупности образуют ее нормативную основу [1, с. 51].

В науке административного права сложилась достаточно устойчивая позиция, производства по делам об административных правонарушениях является своеобразной разновидностью административного процесса, который, в свою очередь, представляет особый вид юридического процесса.

Соотношение материального и процессуального права всегда порождало многочисленные дискуссии о ясности формулировки норм материального права, а соответственно - их правильной и быстрой реализации с помощью норм права процессуального. Рассматривая понятие, принципы и стадии производства по административным делам за невыполнение законных требований должностных и служебных лиц органов государственной налоговой службы Украины необходимо на основании правовой доктрины, административного и административно-процессуального законов, анализа материалов практики применения соответствующих норм дать их четкое определение и привести признаки. Вместе с тем, вопросы производства по делам

данной категории невозможно рассмотреть обособленно от таких фундаментальных понятий, как «административный процесс», его структура и административно-процессуальные нормы.

Несмотря на то, что понятие административного процесса в административно-правовой науке принято рассматривать в широком и узком смысле, проанализируем все же обобщенные определения. Так, по мнению некоторых авторов, административный процесс представляет собой урегулированную административно-процессуальными нормами деятельность органов исполнительной власти, их должностных лиц, других уполномоченных субъектов, направленную на реализацию процессуальных норм административного, а также других отраслей права при осуществлении производств по рассмотрению и разрешению индивидуально конкретных дел. Структура же административного процесса – это совокупность взаимосвязанных административных производств имеющих как юрисдикционный, так и неюрисдикционный характер [2, с. 492-493].

С. Г. Стеценко отмечает, что административный процесс – это урегулированный правом порядок рассмотрения и решения административных дел, реализуется в рамках деятельности органов публичной администрации и других властных субъектов [3, с. 263]. По нашему мнению, такое определение имеет некоторые терминологические недостатки, а именно – административный процесс все же является деятельностью, а не порядком рассмотрения и решения административных дел. А также следует конкретизировать такой терминологический оборот как «... реализуется в рамках деятельности органов публичной администрации и других властных субъектов».

И. П. Голосниченко считает, что административный процесс следует рассматривать как урегулированную административно-процессуальными нормами деятельность субъектов административного права по осуществлению исполнительной власти, решения конкретных индивидуальных дел в государственном управлении, споров, возникающих из государственных управленческих отношений и реализации административной ответственности [4, с. 25]. Несмотря на пригодность такого определения для правоприменительной деятельности все же оно кажется незавершенным. Следует отметить о необходимости взаимосвязи административно-процессуальных норм с нормами административного права, а также того, что сегодня такие нормы материального права сосредоточены не только в КоАП, но и в других нормативно-правовых актах.

Р. В. Синельник, давая определение административного процесса, отмечает, что это урегулированная административно-процессуальными нормами деятельность уполномоченных субъектов, направленная на реализацию норм соответствующих материальных отраслей права в ходе рассмотрения и решения индивидуально определенных дел [5, с. 234].

Мы считаем целесообразным подчеркнуть, что: а) административный процесс – это специфическое явление, которое лежит не только в плоскости правоотношений, регулируемых КАСУ, но и распространяет свое влияние на порядок рассмотрения индивидуально-конкретных дел органами исполнительной власти и соответствующими должностными лицами этих органов; б) в плоскости отношений, регулируемых КАСУ, под административным процессом логично понимать порядок применения норм материального публичного права административными судами с целью решения индивидуальных дел и споров между субъектами правоотношений.

Закрепление такого определения административного процесса, которое бы объединяло приведенные особенности или раскрывало их содержание отдельно, позволило бы избежать двусмысленности и недопонимания в толковании, ведь п. 5 статьи 3 Кодекса административного судопроизводства Украины дает лишь узкая трактовка этого явления [6].

Считаем, что приемлемым является следующее определение административного процесса – это урегулированные нормами административного и административно-процессуального права правоотношения, касающиеся решения индивидуально-конкретных дел, возникающих в сфере государственного управления или местного самоуправления и осуществляются

органами исполнительной власти, их должностными лицами, а в соответствующих случаях административными судами в соответствии с их юрисдикцией и имеют целью реализацию предусмотренных законом прав и выполнения возложенных им обязательств.

Рассмотрев понятие административного процесса, необходимо также определить его структуру, охарактеризовать принципы, и только на основании такого теоретического анализа можно дать определение понятию производства по делам данной категории.

Общественные отношения, которые возникают в результате управленческой деятельности, регулируются соответствующими правовыми нормами. Поэтому, воплощаются в жизнь нормы административно-процессуального права с помощью общих принципов управленческой деятельности, закрепленных как в Основном Законе государства, так и в других нормативно-правовых актах (например КАСУ) [7, с. 31-40].

Производство по делам об административных правонарушениях необходимо рассматривать именно через определенную последовательность процессуальных действий на каждой стадии административного производства, а также, руководствуясь специальными принципами административного процесса. Причем, установление принципов административного процесса имеет не только теоретическое, но и значительное практическое значение, ведь «принципы противостоят произволу и вседозволенности в государственном управлении и практически осуществляют соответствующее влияние на все его стороны» [8, с. 35].

Обобщая взгляды различных ученых по классификации принципов производства по делам об административных правонарушениях можно утверждать, что их перечень можно как расширять, так и сужать. Не вдаваясь в дискутирования по этому поводу, так как оно, безусловно, является предметом отдельного исследования, отметим, что на основе обобщения существующих подходов к классификации принципов производства по делам об административных правонарушениях, мы считаем, что основными из них являются:

1) принцип законности;

Процедура реализации административного принципа должна строго соответствовать действующему законодательству. Необходимо доказать виновность лица, привлекаемого к административной ответственности. Административное взыскание может быть наложено только компетентными на то органами (должностными лицами). Существует возможность обжалования решения по делам об административных правонарушениях и целая система надзорных органов, следящих за соблюдением законности. Необходимо соблюдать как материальных, так и процессуальных норм законодательства.

2) принцип оперативности;

Необходимо соблюдать краткости материально-правовых и процессуально-правовых терминов в сфере административной ответственности, принцип неотвратимости административной ответственности в сочетании с быстрым реагированием на совершенные правонарушения и своевременное применение к виновным мер административного взыскания.

3) принцип непосредственности;

Он состоит по требованию присутствующего лица, совершившего административное правонарушение, на рассмотрении своего дела, его законных представителей, устного производства компетентным органом, объявления вынесенного постановления по окончании процесса.

4) принцип равенства сторон;

Перед законом и органом, рассматривающим дело, все граждане, независимо от происхождения, социального и имущественного положения, расовой национальной принадлежности, пола, образования, языка, отношения к религии, рода и характера занятий, места жительства, возраста уровне.

5) принцип публичности;

Заключается в том, что производство по делам об административных правонарушениях осуществляется от имени государства, делегирует полномочия соответствующим органам. Все дела об административных правонарушениях рассматриваются официально, производство по ним носит публичный характер.

6) принцип гласности;

Дела об административных правонарушениях рассматриваются открыто, могут привлекаться представители общественности, трудовых коллективов.

7) принцип состязательности;

Состязательность проявляется в разделении функций защиты и обвинения. И тот, и другой элементы процесса могут характеризовать как сторону лица, которое привлекается к административной ответственности, так и сторону потерпевшего. Органы, рассматривающие дела, обязаны учитывать позицию участников процесса и мотивировать в постановлении принято решение по делу с учетом мнения участников процесса.

8) принцип национального языка;

На территории Украины официальное делопроизводство ведется на украинском языке. Граждане Украины, которые не владеют украинским языком, имеют право выступить при рассмотрении дел об административных правонарушениях на том языке, которым они владеют.

9) принцип объективности истины;

При осуществлении производства по административным правонарушениям доказыванию и оценке подлежат:

- факт совершения правонарушения;
- виновность (или невиновность) лица, привлекаемого к административной ответственности;
- смягчающее и отягчающие ответственность обстоятельства;
- основания для взыскания имущественного ущерба и его размер;
- основания для прекращения производства по делу.

Доказательства по делу оцениваются соответствующим органом (должностным лицом) по внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном и объективном исследовании обстоятельств дела в их совокупности.

10) принцип доступности;

Потерпевший и лицо, которое привлекается к административной ответственности, имеют право обжалования постановления по конкретному делу. Данное постановление может быть пересмотрено в органе второй инстанции.

11) принцип диспозитивности.

Участники административно-юрисдикционного производства по собственному усмотрению могут распоряжаться своими правами: обращаться или не обращаться с жалобами в органы административной юстиции, знакомиться либо не знакомиться с материалами дела, заявлять ходатайства, пользоваться услугами переводчика, обжаловать постановления по делам об административных правонарушениях.

Таким образом, в производстве по делам об административных правонарушениях уполномоченными на то органами административной юрисдикции реализуются общеправовые принципы, имеющие свою специфику, обусловленную административно-правовой природой возникающих правоотношений, регулируемых с помощью применения административно-процессуальных норм. Принципы процесса определяют средства достижения его целей.

Литература

1. Бахрах Д.Н. Административная ответственность граждан в СССР : учеб, пособ. Свердловск: Изд-во Урал, ун-та, 1989. 204 с.
2. Адміністративне право України. Академічний курс: Підруч.: У двох томах: Том 1. Загальна частина. Ред. колегія: В.Б. Авер'янов (голова). К.: Видавництво «Юридична думка», 2004. 584 с.
3. Стеценко С. Г. Адміністративне право України: Навчальний посібник. Вид. 2-ге, перероб. та доп. К.: Атіка, 2009. 640 с.
4. Адміністративний процес: Навчальний посібник / За заг. ред. д.ю.н., проф. І. П. Голосніченка. К. : ГАН, 2003. 256 с.
5. Адміністративне право України: Підручник / За заг. ред. Т. М. Коломосьць. - К. : Істина, 2010 - 480 с.
6. Кодекс адміністративного судочинства України від 06.07.2005. Офіційний вісник України. 2005. № 32. Ст. 1918.
7. Кітоторов М. О. Принципи провадження в справах про адміністративні правопорушення та забезпечення їх реалізації в діяльності ОВС. Дисертація на здобуття наукового ступеня кандидата юридичних наук за спеціальністю : 12.00.07 - адміністративне право і процес; фінансове право; інформаційне право. К., 2009. 207 с.
8. Самсонов В.Н. Административное законодательство: понятие, содержание, реформа. — Харьков: Основа, 1991. 117 с.

Corresponding authors

Ярмоленко Александр Сергеевич,
соискатель Донецкого юридического института МВД Украины
УДК 351.086

СУЩНОСТЬ И ОСОБЕННОСТИ КОРРУПЦИИ И ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ КАК ОБЪЕКТА ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

Александр Вороной

В статье, на основе анализа научных взглядов ученых, выяснена сущность и содержание таких научных категорий, как «коррупция» и «организованная преступность».

Доказано, что в качестве объекта правоохрнительного противодействия коррупцию можно толковать как постоянно существующее, отрицательное, опасное, социально-политическое, противоправное явление, выраженное в совершении осуждаемых со стороны действующего законодательства действий, направленных на получение лицом, которое выполняет властные (служебные) полномочия, неправомерной выгоды.

Аргументировано, что организованная преступность - это сложное социальное явление, смысл которого заключается в устойчивом, систематическом, последовательном, направленном на достижение определенной цели, осуществление комплекса действий преступного характера (преступлений и действий, которые облегчают их реализацию), особыми общественными образованиями - преступными организациями, которые имеют внутреннюю структуру, иерархию, правила поведения и так далее.

Обосновано, что по своей форме, проявлению и содержанию, категории организованная преступность и коррупция являются крайне негативными и опасными для общества. Само их существование нарушает права и свободы, честь и достоинство людей и граждан, представляет собой угрозу прямого нарушения данных категорий, которые определены как ключевые ценности украинского общества. В этом аспекте правоохрнительное влияние на коррупцию и организованную преступность является не просто данью современности, а жизненно важной задачей государственного значения, от качества реализации которого зависит благосостояние нашей страны в будущем.

Ключевые слова: коррупция, организованная преступность, объект, правоохрнительная противодействие, влияние.

The article, based on an analysis of the scientific views of scientists, clarified the essence and content of such scientific categories as "corruption" and "organized crime".

It is proved that as an object of law enforcement counteraction, corruption can be interpreted as a constantly existing, negative, dangerous, socio-political, illegal phenomenon, expressed in the commission of actions condemned by the current legislation aimed at obtaining by a person who exercises power (official) powers, unlawful benefits.

It is argued that organized crime is a complex social phenomenon, the meaning of which is stable, systematic, consistent, aimed at achieving a specific goal, the implementation of a complex of criminal actions (crimes and actions that facilitate their implementation), special public entities - criminal organizations that have an internal structure, hierarchy, rules of conduct, and so on.

It is substantiated that in their form, manifestation and content, the categories of organized crime and corruption are extremely negative and dangerous to society. Their very existence violates the rights and freedoms, honor and dignity of people and citizens, constitutes a threat of direct violation of these categories, which are defined as key values of Ukrainian society. In this aspect, the law enforcement influence on corruption and organized crime is not just a tribute to the present, but a vital task of national importance, the well-being of our country in the future depends on the quality of its implementation.

Keywords: corruption, organized crime, object, law enforcement, influence.

Постановка проблемы

В 2014 году на территории нашего государства состоялось важное историческое события - Украина окончательно выбрала путь евроинтеграционного развития, факт чего было удостоверен заключением Соглашения об ассоциации с Европейским Союзом. В 2019 году была осуществлена непосредственная имплементация данного вектора развития страны. В частности, в преамбуле Конституции Украины определили, что основой конституционного строя является европейская идентичность украинского народа. Изменениям также подверглась статья 102 Основного закона, согласно которой Президент Украины гарантирует не только государственный суверенитет, территориальную целостность, соблюдение конституции, прав и свобод человека и гражданина, но также выступает гарантом реализации стратегического курса государства на приобретение полноправного членства Украины в Европейском Союзе и в Организации Североатлантического договора [1].

По своей сути евроинтеграционный вектор является движущей силой для эволюции украинского общества, которое происходит сразу в нескольких сферах: политической, экономической, социальной и других. Одной из главных является национальная правоохранительная отрасль. Как можно видеть, в последние годы в ней проведено чуть ли не наибольшее количество реформ и преобразований, значительная часть которых посвящена противодействию коррупции и организованной преступности. Так, сложилось, что именно эти два неотъемлемых элемента противоправной стороны жизнедеятельности украинского социума стали большими по объему проявления, количеством вовлеченных в их реализации лиц и размерами негативных, особенно опасных последствий.

Состояние исследования

Теоретической основой данной научной работы являются наработки ученых, предметом исследования которых были различные вопросы концептуальной характеристики явлений коррупции и организованной преступности. К указанной группе ученых относятся: В.В. Лунеев, В.М. Трепак Л.В. Багрий-Шахматов, А.К. Марин, В.Д. Гвоздецкий, С.А. Воронец, С.И. Винокуров, А. С. Дугинец, М.И. Еникеев, П.А. Мельника А.Н. Музычук, А.В. Носач и другие. Однако, глубокое, комплексное исследование названной проблематике еще не проводилось, а отсутствие соответствующей монографической литературы еще раз свидетельствует как о ее сложности, так и о недостаточном внимании к ней ученых-правоведов.

Целью статьи является определение сущности и особенностей коррупции и организованной преступности как объектов правоохранительного воздействия.

Изложение основного материала

Разбираясь с сущностью и особенностями коррупции и организованной преступности как объектов правоохрнительного воздействия, по нашему мнению, логично поочередно рассмотреть обе категории с установлением их специфики. Так, термин «коррупция» происходит от сочетания латинских слов «corrupti» - несколько участников одной из сторон обязательственного отношения по поводу единого предмета и «gimpre» - ломать, повреждать, нарушать, отменять. В результате образовался самостоятельный правовой термин - «corruptimpre», который предполагал деятельность нескольких (не менее двух) лиц, целью которых является «порча», «повреждение» нормального хода судебного процесса или процесса управления делами общества [2].

По мнению В.В. Лунеева, коррупция — это когда лицо, которое находясь в органах государственной власти, использует служебное положение во имя личных, групповых или корпоративных интересов нанося вред государственным интересам [3, с.105]. «В теории управления, - отмечает В.М. Трепак, - коррупцию следует понимать как нарушение или разрушение нормального, нормативного, закреплённого в Конституции, законах и других нормативных документах, государственного или муниципального управления, что нередко приводит к системной неэффективности управления вследствие того, что личные или корпоративные интересы начинают доминировать над государственными и общественными» [4, с.188].

В той же плоскости предоставляет свое определение Л.В. Багрий-Шахматов, по мнению которого коррупция - это явление, которое поразило аппарат государственной власти и управления, связанное с его расстройством, когда представители аппарата незаконно используют свое служебное положение в корыстных целях, для личного обогащения вопреки интересам службы [5, с. 23]. По мнению А.К. Марина, коррупционное преступление – это преступление, совершаемое должностным лицом, которое предоставляет публичные услуги с использованием возможностей своего специального статуса с целью получения неправомерной выгоды [6, с.12].

На законодательном уровне, а именно в тексте Закона Украины «О предотвращении коррупции» от 14.10.2014 №1700-VII закреплёно следующее определение коррупции: «Использование лицом, указанным в части первой статьи 3 настоящего Закона, предоставленных ему служебных полномочий или связанных с ними возможностей с целью получения неправомерной выгоды или принятия такой выгоды или принятия обещания / предложения такой выгоды для себя или других лиц или соответственно обещание / предложение или предоставление неправомерной выгоды лицу, указанному в части первой статьи 3 настоящего Закона, или по его требованию другим физическим или юридическим лицам с целью склонить это лицо к противоправному использованию предоставленных ему служебных полномочий или связанных с ними возможностей »[7].

Поэтому, как показал анализ статей нормативно-правовых актов и теоретических работ различных ученых, коррупция имеет сложное содержание. Оно характеризуется как явление полиаспектное, что выражается не только в правовой, но и многих других сферах общественной жизни. Однако, как объект правоохрнительного воздействия, коррупцию, прежде всего, определяют следующие особенности:

- во-первых, коррупция — это явление, то есть постоянно-существующая, систематизированная негативная деятельность, которая имеет круг субъектов, предмет негативного воздействия, а также устойчивую тенденцию развития;
- во-вторых, коррупция имеет противоправный характер. Она осуждается действующим законодательством Украины, что интерпретирует коррупцию как правонарушение;
- в-третьих, коррупция опасна - существование данного явления нарушает моральные и юридические нравы общества, ведет к его деградации и изменения социальных ориентиров в негативном направлении;

- в-четвертых, коррупция является социально-политическим явлением. Она зарождается и распространяется в человеческой среде, в повседневной жизни населения нашей страны. При этом, обязательным элементом коррупции выступает наличие властной стороны, «держателя» полномочий, направленных на выполнение функций государства;

- в-пятых, коррупция имеет финансовую составляющую, то есть, она направлена на получение неправомерной выгоды, которая в соответствии с действующим законодательством определяется как денежные средства или иное имущество, преимущества, льготы, услуги, нематериальные активы, любые другие выгоды нематериального или неденежного характера, которые обещают, предлагают, предоставляют или получают без законных на то оснований [7].

Таким образом, как объект правоохранительной противодействия коррупции можно толковать как постоянно существующее, отрицательное, опасное, социально-политическое, противоправное явление, выраженное в совершении осуждаемых со стороны действующего законодательства действий, направленных на получение лицом, которое выполняет властные (служебные) полномочия, неправомерной выгоды.

Не менее пагубным для украинского общества и таким же опасным, что требует противодействия со стороны правоохранительных сектора государства, на сегодня является организованная преступность. Стоит отметить, что этимологические основу понятия «организованная преступность» составляют два термина: организация и преступность. Слово «организация» происходит от французского «organisation» и толкуется как:

- объединение, союз государств;
- группа лиц, составляющих коллектив, единое целое, объединенное на основе общих задач, программ, устава и т.д.;
- наладка, благоустройство, строительство чего-то в систему;
- одна из важнейших функций управления в обществе, на производстве и т.д.;
- устоявшаяся взаимосвязь элементов системы, частей целого, их внутренняя подчиненность, согласованность в соответствии со структурой системы, целого;
- внутренняя упорядоченность, согласованность взаимодействия более или менее дифференцированных и автономных частей целого, что обусловлено его строением;
- совокупность процессов или действий, ведущих к образованию и совершенствованию взаимосвязей между частями целого;
- объединение людей, совместно реализующих некоторую программу или цель и действующих на основе определенных процедур и правил;
- социально-экономическая система, созданная для достижения коммерческих или некоммерческих целей [8, с.494].

В свою очередь, термин «преступность» характеризует определенную систему преступлений с присущими им закономерностями развития, в современных условиях создает определенный социальный субмир со специфической (преступной) профессиональной деятельностью лиц, которые ею занимаются [9, 5].

Если исходить исключительно из определений основных составляющих понятия, то организованная преступность - это сложная, упорядоченная совокупность преступлений, объединенных какой-то общей особенностью. Однако, если взглянуть на определение

ученых, то содержание категории намного сложнее. Так, В. Ущаповский, С.А. Воронец, С.И. Винокуров, А. С. Дугинец указывают, что организованная преступность — это социально-экономический процесс обращения преступного капитала, в котором теневая экономика является ее инфраструктурой [10, с.64]. Другой вектор толкования понятия имеет В.Д. Гвоздецкий, который в своих трудах пришел к выводу о том, что организованная преступность - это самый высокий уровень организации преступной деятельности, наиболее устойчивое, четко структурированное антисоциальное явление, которое наиболее полно используется в государственно-властных структурах, используя их в собственных корыстных целях [11 с. 12-16].

По мнению П.А. Мельника организованная преступность - это высший уровень организации уголовных практик, укоренившейся в сферу политических отношений, которая одновременно охватывает экономическую, профессиональную и должностную преступность; существенным признаком ее является то, что она затрагивает, в основном публичный интерес (грозит конституционному строю и национальной безопасности), формируется и осуществляется в публичной плоскости [12, с.70]. М.И. Еникеев отмечает, что организованная преступность — это функционирование устойчивых социально-организованных преступных групп, имеющих материальную базу и коррумпированные связи с властными структурами с целью незаконного обогащения и самозащиты от социального контроля [13, с.110]. На официальном уровне, в частности в целевом Законе Украины «Об организационно-правовых основах борьбы с организованной преступностью» от 30.06.1993 №3341-ХІІ последняя понимается как совокупность преступлений, совершаемых в связи с созданием и деятельностью организованных преступных группировок [14].

Поэтому, комплексный анализ значения термина «организованная преступность» позволил увидеть наличие двух больших подходов к его пониманию. В первом случае речь идет о том, что организованная преступность имеет комплексный характер, разные формы выражения и позиционируется прежде всего как явление социальное. Такая точка зрения присуща научному определению. Согласно второй, организованная преступность — это простая совокупность преступлений, которые реализуются в деятельности преступных организаций. Подобное определение предлагается в законодательном материале.

Выводы

Таким образом, организованная преступность - это сложное социальное явление, смысл которого заключается в устойчивом, систематическом, последовательном, направленном на достижение определенной цели осуществление комплекса действий преступного характера (преступлений и действий, которые облегчают их реализацию), особыми общественными образованиями - преступными организациями, которые имеют внутреннюю структуру, иерархию, правила поведения и так далее.

Подытоживая научное исследование, следует отметить, что по своей форме, проявлению и содержанию, категории организованная преступность и коррупция являются крайне негативными и опасными для общества. Само их существование нарушает права и свободы, честь и достоинство людей и граждан, представляет собой угрозу прямого нарушения данных категорий, которые определены как ключевые ценности украинского общества. В этом аспекте правоохранительное влияние на коррупцию и организованную преступность является не просто данью современности, а жизненно важной задачей государственного значения, от качества реализации которого зависит благосостояние нашей страны в будущем.

Литература

- 1) Конституція України: закон від 28.06.1996 №254к/96-ВР // Офіційний вісник України. 2010. №72/1. ст.2598.
- 2) Рогульський С.С. Адміністративно-правові заходи боротьби з корупцією в Україні: дисертація / С.С. Рогульський // Київ: Київський національний університет імені Тараса Шевченка. 2005. 187 с.
- 3) Молдабаев С. Коррупция как социально-правовое явление / С. Молдабаев // Вісник Національної академії прокуратури України. 2009. №3. С.104–109.
- 4) Трепак В.М. Особливості дефініції поняття «корупція» / В.М. Трепак // Науковий вісник Національної академії внутрішніх справ. 2015. №4(97). С.181–196.
- 5) Багрий-Шахматов Л.В. Уголовно-правовые и криминологические проблемы коррупции, теневой экономики и борьбы с ними. Одесса: Ластар, 2001. 530 с.
- 6) Савченко А. В. Корупційні злочини (кримінально-правова характеристика) [текст] навч. посіб. / А. В. Савченко К. : «Центр учбової літератури», 2016. 168 с.
- 7) Про запобігання корупції: закон від 14.10.2014 №1700-VII // Відомості Верховної ради України. 2014. №49. ст.2056.
- 8) Юридичний словник / За ред.Б.М.Бабія, Ф.Г.Бурчака, В.М.Корецького, В.В.Цветкова. Вид. 2-е, доп. і перероб. К.: Гол.ред. УРЕ, 1983. 872 с.
- 9) Микитчик О.В. Злочини як соціальне явище: філософсько-правовий аспект: автореферат / О.В. Микитичик // Київ: Національна академія внутрішніх справ України. 2002. 16 с.
- 10) Ущатовський В. Тіньова економіка як інфраструктура організованої злочинності: сутність, тенденції розвитку, кримінально-правові проблеми // Право України. 2000. № 2. С. 61–64.
- 11) Гвоздецький В.Д. Організована злочинність як об'єкт соціально-філософського аналізу [Текст]: автореферат / Гвоздецький Віктор Демидович // К., 1997. 30 с.
- 12) Мельник П.О. Поняття «організована злочинність» у історико-правовому вимірі / П.О. Мельник // «Молодий вчений». 2018. №4(56). С.69–73.
- 13) Еникеев М.И. Юридическая психология: Учебник для вузов. М.: Норма-Инфра-М, 1999. 502 с.
- 14) Про організаційно-правові основи боротьби з організованою злочинністю: закон від 30.06.1993 №3341-XII // Відомості Верховної Ради України. 1993. №35. ст.358.

Corresponding authors

Вороной Александр Александрович,
*соискатель аспирантуры Открытого международного университета
развития человека «Украина»*

Voronyi Oleksandr Oleksandrovych,
*degree-seeking student of postgraduate training program
of Open International University of Human Development "Ukraine"*
voronyi@pp-ss.pro
<https://orcid.org/0000-0003-0781-3867>
УДК: 342.95 (477)

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ И ПУБЛИЧНОСТИ ПРОЦЕССА

Слинько Екатерина Николаевна

Статья посвящена рассмотрению нормативного выражения действующего УПК Украины регулирующего процессуальный статус участников уголовного процесса. Основные положения указывают на публичность процесса на стадии досудебного расследования и элементы состязательности на стадии судебного рассмотрения материалов уголовного производства. Анализируются процессуальные положения участия следователя, как стороны обвинения, его процессуальное полномочие при обеспечении гарантий прав, свобод и интересов участников уголовного процесса. Рассматривается процессуальный контроль со стороны следственного судьи, раскрываются практические положения состязательности на стадии судебного рассмотрения материалов уголовного дела. Вносятся предложения по совершенствованию уголовного законодательства.

Ключевые слова: стороны, участники уголовного производства, статус, гарантии, права, обязанности, обвинение, защита, следователь, прокурор, судья.

The article is devoted to the consideration of the normative expression of the current Code of Criminal Procedure of Ukraine regulating the procedural status of participants in criminal proceedings. The main provisions indicate the publicity of the process at the pre-trial investigation stage and the elements of adversarial proceedings at the stage of judicial review of criminal proceedings. It analyzes the procedural provisions for the participation of the investigator as a party to the prosecution, his procedural authority while ensuring guarantees of the rights, freedoms and interests of participants in criminal proceedings. The procedural control by the investigating judge is examined, the practical provisions of the competitiveness at the stage of judicial consideration of the criminal case materials are revealed. Suggestions are made to improve the criminal law.

Keywords: parties, participants in criminal proceedings, status, guarantees, rights, obligations, prosecution, defense, investigator, prosecutor, judge.

Актуальность статьи

Теоретические конструкции уголовного процесса Украины можно представить как урегулированную законом деятельность стороны обвинения, защиты и судьи, коллегиального суда, а также участников процесса, которые на основе действующего уголовного процессуального законодательства участвуют в определении обстоятельств совершения преступления, виновности подозреваемого, обвиняемого. По результатам судебного рассмотрения материалов уголовного производства, на основании ст. 2 УПК Украины, только коллегиальный суд, судья составляет и оглашает в судебном заседании приговор.

Основа уголовного процесса является привлечение виновного к уголовной ответственности. Следовательно, прокурор, судья должны установить виновность лица на основе внутреннего своего убеждения и в совокупности собранных доказательств.

Теоретические положения уголовного процесса предусматривают его построение на основе континентальной правовой системы (романо-германская форма), которая предусматривает публичность процесса. Вторая форма процесса является состязательной, которая относится к англосаксонской правовой системе. Несмотря на научные споры построения той или иной правовой системы, нельзя точно определить в какой момент, какая система должна действовать, как правильно процесс определяет ее построение. Две формы не противоречат одна другой, а находятся в единстве. Уголовный процесс Украины включает в себя данные две формы. С одной стороны на стадии досудебного производства действует классическая правовая система с элементами состязательности, на стадии судебного разбирательства действует англосаксонская правовая система, включающая в себя состязательность сторон процесса. Поэтому ученые пришли к выводу, что уголовный процесс Украины является смешанным, включающим две правовые системы.

Цель статьи является определение процессуального статуса сторон процесса, его участников. На основе действующего УПК Украины необходимо проанализировать права, обязанности и интересы участников процесса, определить гарантии при производстве процессуальных, следственных розыскных и судебных действий. Основные теоретические положения необходимо связать с практикой.

Новизну можно определить исходя из общих и частных теорий уголовного процесса. Общая теория уголовного процесса высказывает концептуальный подход при определении обстоятельств подлежащих доказыванию и определению вины подозреваемого, обвиняемого. Она строится на основе двух основных форм уголовного процесса публичного и состязательного. Публичность процесса присуща стадии досудебного расследования, поскольку следователь, прокурор принимают процессуальные решения, связанные с установлением доказательств, их сбором, анализом и оценкой. Частные теории процесс предусматривают, что следователь самостоятельно принимает решение о привлечении лица в качестве подозреваемого к уголовной ответственности. Составляет уведомление про подозрение и оглашает его подозреваемому. Сторона защиты имеет право собирания фактических данных, однако обязана предоставить их следователю. Он оценивает все собранные доказательства в совокупности и принимает процессуальное решение. Сторона защиты имеет право обжаловать действия или бездействие следователя прокурору или следственному судье на стадии досудебного производства. В данном случае на стадии досудебного расследования элементы состязательности процесса расширены для стороны защиты, но имеют все еще существенные ограничения для обеспечения гарантий подозреваемого, отдельных участников уголовного процесса.

Теоретические разработки общих и частных теорий уголовного процесса в комплексе не рассматривались. Общие теории процесса были предметом научных дискуссий. Необходимо остановиться на мнениях ученых Ю.П. Аленина, С.А. Альперта, М.И. Бажанова, Ю.М. Грошевого, В.В. Вапнярчука, О.В. Каплиной, С.Н. Стахивского, В.М. Тертышника, В.М. Трофименко, Л.Д. Удаловой, О.Г. Шило, и др. [1; 2; 3; 12; 15; 20; 27; 28].

Практически все авторы обращали внимание на положения привлечения виновного к уголовной ответственности, определяли на основе формы процесса доказательства и доказывание

обстоятельств совершенного преступления, высказывали мнение о расширении прав, обязанностей, свобод и интересов участников процесса.

Частные теории процесса рассматривали вопросы теории познания обстоятельств совершения уголовного правонарушения (преступления), процессуальной самостоятельности следователя, элементы прокурорского надзора и его процессуальное руководство на стадии досудебного расследования, расширение прав, гарантий участников. В данном случае ученые считали, что концептуальный подход к изложению частных теорий процесса имеет доктринальные положения. Одни конструкции определяют теоретический подход по основным проблемам процесса, другие можно рассматривать только с точки зрения практики. Причем теория в отдельных случаях тормозит практические положения расследования уголовного дела.

О.М. Бандурка, Р.С. Белкин, А.Р. Белкин, О.В. Баулин, Д.В. Бедняков, И.В. Гловюк, Н.С. Карпов, В.О. Попелюшко, В.Н. Стратонов, Д.В. Филин и др. внесли теоретический вклад в развитие частных теорий процесса. Он является неопенимым для определения отдельных практических положений проведения досудебного расследования и судебного рассмотрения материалов уголовного производства [4; 4; 8; 9; 16; 24; 25; 26; 29].

Изложение основного материала

Общие теории уголовного процесса Украины определили понятие сторон процесса, их процессуальный статус. Вторая группа являются участники процесса. С одной стороны они подразделяются на участников, которые оказывают содействие в расследовании уголовного производства, установление обстоятельств совершенного преступления. С другой стороны законодатель определил их как участников, которые помогают собирать фактические данные, свидетельствующие о виновности или не виновности лица, привлеченного к уголовной ответственности, проводят на основе определения следственного судьи экспертное исследование, принимают участие в производстве следственных розыскных действиях.

Уголовный процесс, учитывая малый срок принятия действующего УПК Украины, до конца не определил понятие сторон, процессуальный статус участников. Учитывая ранние научные публикации Ю.П. Аленина, А.М. Бандурка, И.В. Басиста, Т.Б. Вильчик, О.В. Волколуп, В.И. Галаган, Ю.М. Грошевого, М.М. Михеенко, В.В. Назарова, Ж.В. Удовенко, Л.Д. Удаловой, А.А. Юхно и др. из которых можно сделать определенные положения [4; 6; 10; 11; 14; 22; 23;].

Данные авторы понятие стороны процесса определяли как действие уполномоченных государственных органов, должностных лиц, наделенных в установленном, уголовным процессуальным законом порядком правами и обязанностями, которые необходимы для выполнения конкретных уголовных процессуальных функций, связанных с раскрытием, расследованием, установлением виновности подозреваемого, обвиняемого на основе доказательств, подтвержденных обстоятельствами совершенного преступления. Сторона процесса и его участники имеют процессуальный статус, определенную законом совокупность процессуальных полномочий. Ограничение данных полномочий предусмотрено диспозицией уголовно процессуального закона.

В уголовном процессе существуют определенные различия в процессуальном положении участников. Принципиальная разница между статусами стороны обвинения, с одной стороны, и стороны защиты, заключается в том, что сторона обвинения имеет властные полномочия при производстве расследования, а сторона защиты представляет права и интересы участников процесса. Во всех случаях, связанных с оценкой доказательств, сторона защиты имеет меньше процессуальных прав, которые ограничиваются процессуальными решениями следователя, прокурора, следственного судьи.

Законом предусмотрено, что на основе представления следователя, утвержденного прокурором, следственный судья принимает определение о применении в отношении виновного меры пресечения, связанного с временным ограничением свободы.

Сторона защиты может только представить в суд материалы, свидетельствующие о личности подозреваемого, его семейном положении, месте проживания, состоянии здоровья и т.д. В судебном заседании стороны в данном случае уравновешены процессуально. Сторона защиты имеет право обжаловать решение следственного судьи о применении меры пресечения в отношении подозреваемого, на стадии досудебного расследования в суд вышестоящей инстанции.

Помимо этого, сторона защиты имеет право потребовать от следователя, прокурора необходимость установления обстоятельств совершенного преступления и производство следственных розыскных действий, необходимых для полного, всестороннего, объективного установления обстоятельств совершенного преступления.

Из анализа различных точек зрения ученых процессуалистов А.П. Гагаловской, В.И. Галагана, И.В. Басиста, Ю.А. Гурджи, В.П. Гмирко, О.М. Дроздова и др. можно сделать вывод, что судебный контроль является особой формой отправления правосудия [13; 14; 17; 18; 19].

В досудебном производстве он призван разрешить спор между сторонами, из-за различия процессуальных интересов. Судебный контроль представляет собой правовой механизм, обеспечивающий состязательность досудебного производства. Все следственные действия и процессуальные решения, для производства которых необходимо судебное решение, являются проявлением состязательности, так как в данном случае судом реализуется функция законного, обоснованного, справедливого разрешения спора сторон.

Вторая основная проблема частных теорий процесса заключается в определении процессуальной самостоятельности следователя.

Научные точки зрения в данном вопросе не имеют общего знаменателя. Одни ученые предлагают расширить полномочие следователя, исходя из правового статуса следственного органа досудебного расследования. Другие, предлагают расширить полномочия следователя и "избавиться" от чересчур плотного прокурорского надзора в форме процессуального руководства. Третьи считают, что следователь является стороной обвинения, которая собирает обвинительные доказательства для суда. Он зависим в данном случае от прокурора, которые указывает ему как проводить те или иные следственные действия, зависим от стороны защиты, которая вмешивается в ход расследования, указывая на производство следственных розыскных действий, обжалуя его действие или бездействие следственному судье. В конечном итоге следователь зависит от следственного судьи, который, с одной стороны, осуществляет следственный контроль, принимая процессуальные решения о производстве следственных действий, ограничивающих права и свободы участника процесса. С другой, следственный судья не несет никакой юридической ответственности за процессуальные решения на стадии досудебного расследования.

Проблема процессуальной самостоятельности следователя, определяет пределы его процессуальной самостоятельности исходя из объема полномочий прокурора при осуществлении прокурорского надзора за органом досудебного расследования. Процессуальная регламентация действующего законодательства дает основание о конкретизации отдельных диспозитивных норм уголовного процесса.

УПК Украины считает, что следователь и прокурор являются стороной обвинения и действуют в процессуальном поле для установления обстоятельств совершенного преступления во взаимной связи. Можно выделить следующие правовые блоки, взаимодействия следователя и прокурора на стадии досудебного производства. Во – первых, следователь составляет ходатайство к следственному судье о производстве отдельных следственных действий. Ходатайство должен

рассмотреть и утвердить прокурор. В частности при рассмотрении судом ходатайств следователя, об избрании меры пресечения, продлении срока содержания под стражей подозреваемого. Второй блок является обжалование действий следователя к прокурору и следственному судье при определении его бездействия стороной защиты. Сюда можно отнести процессуальные решения следственного судьи, которые должны приниматься при определении причины причиненного ущерба конституционным правам и свободам участников уголовного производства. Третий блок являются процессуальные решения следственного судьи при рассмотрении судом ходатайств о производстве следственных розыскных действий, назначение экспертизы.

В данном случае, следователь подпадает под двойной контроль, как со стороны прокурора так и со стороны защиты. В этой ситуации можно предложить выход, связанный ликвидацией процедуры согласования процессуальных решений следователя с прокурором при производстве следственных розыскных действий и процессуальных решений, которые принимать следственный судья.

Нами было проведено анкетирование следователей органа досудебного расследования в следственном управлении полиции Харьковской, Полтавской, Днепропетровской, Киевской областях. Всего было опрошено 440 следователей. Результаты анкетирования свидетельствуют сами за себя. 90% следователей считают, что прокурорский надзор при принятии процессуальных решений следователя, которые в последующем рассматривает и утверждает следственный судья, не нужен. Следователь должен уведомить прокурора о принятых решениях следственным судьей.

В то же время, прокурор принимает участие в судебном рассмотрении представленных ходатайств следователя. Он высказывает свое мнение, участвует в прениях в судебном заседании на стадии досудебного производства.

Вывод

Общие и частные теории уголовного процесса определяют теоретические проблемы публичности и состязательности процесса на основе его функционального подхода к сторонам, участникам процесса. Функция обвинения, как структурный компонент публичности процесса является направлением уголовной процессуальной деятельности стороны обвинения. Состязательность процесса выражается в процессуальных полномочиях стороны обвинения, которая направлена на выполнение задач уголовного производства, связанные с раскрытием, расследованием преступления, изобличением виновного, совершившего уголовное правонарушение, а также обеспечение гарантий прав, свобод и интересов участников. В судебном заседании функция обвинения и защиты равны при состязательности процесса и направлены не только на применение меры уголовного наказания, а также на принятие справедливого судебного решения при соблюдении всех прав участников процесса.

Литература

1. Аленин Ю. П. Уголовно-процессуальный кодекс Украины Науч. практ. комментарий / Ю. П. Аленин. – Одеська нац. юрид. академія. Харків. Одисей. 2003. – 959 с.
2. Альперт С. А. О процессуальных функциях прокурора в советском уголовном судопроизводстве / С. А. Альперт // Проблемы соц. законности. – Харьков : Основа, 1982. – Вып. 10. – С. 94-101.

3. Бажанов М. И. Изменение обвинения в судебных стадиях советского уголовного процесса. Советский уголовный процес : учебник / М. И. Бажанов. – Киев : Вища школа, 1983. – 360 с.
4. Бандурка О. М. Основи управління в органах внутрішніх справ України / О. М. Бандурка. – Харків : Основа, 1996. – 450 с.
5. Баулін О. В. Провадження дізнання в Україні : навч. посіб. / О. В. Баулін, С. І. Лук'янець, С. М. Стахівський. – Київ : Нац. акад. внутр. справ України, 1999. – 121 с.
6. Басиста І.В. Правові основи прийняття і виконання рішень слідчого на стадії досудового розслідування . автореф.. докт. юрид. наук. 12.00.09. / І.В. Басиста/ Запоріжжя, 2012. – 36с.
7. Бедняков Д. М. Непроцессуальная информация и расследование преступлений / Д. М. Бедняков. – Москва : Юрид. лит., 1991. – 205 с.
8. Белкин Р. С. Собираение, исследование и оценка доказательств / Р. С. Белкин. – Москва : Юрид. лит., 1966. – 245 с.
9. Белкин А. Р. Теория доказывания в уголовном судопроизводстве / А. Р. Белкин. – Москва : Норма, 2005. – 528 с.
10. Вільчик Т. Б. Адвокатура як інститут реалізації права на правову допомогу: порівняльно-правовий аналіз законодавства країн Європейського Союзу та України: автореф. дис. ... доктор. юрид. наук : 12.00.10 / Т. Б. Вільчик. – Харків : Нац. юрид. університет.2016. – 40 с.
11. Волколуп О. В. Система уголовного судопроизводства и проблемы ее совершенствования / О. В. Волколуп. – Санкт-Петербург : Наука : Альфа, 2003. – 268 с.
12. Вапнярчук В.В. Теорія та практика кримінального процесуального доказування: монографія / В.В. Вапнярчук. – Х. 2017. 408с.
13. Гагаловська, А.П. Слідчі та інші кримінально-процесуальні дії як засоби формування доказів : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / А.П. Гагаловська. – К., 2012. – 16 с.
14. Галаган В. І. Кримінальний процес України : навч. посіб. / Басиста І. В., Галаган В. І., Удовенко Ж. В. – К. : Центр учбової л-ри, 2010. – 352 с.
15. Грошевой Ю. М. Кримінальний процес України : підручник / Ю. М. Грошевой, В. М. Хотенець. – Харків : Право, 2000. – 487 с.
16. Гловюк І.В. Кримінально процесуальні функції: теорія, методологія та практика реалізації на основі положень Кримінального процесуального кодексу України /І.В. Гловюк – Одеса: Юридична література. 2015. – 712с.
17. Гурджи Ю. А. Процессуальное обеспечение прав личности. Вопросы теории / Ю. А. Гурджи. – Одеса : Пальмира, 2006. – 173 с.
18. Гмирко В. П. Доказування у кримінальному процесі: діяльнісна парадигма. Теоретичний аналіз. Проблематизація. СТД – репрезентація / В. П. Гмирко. – Дніпропетровськ: Академія митної служби України, 2010. – 314 с.
19. Дроздов О.М. Судові прецеденти – джерела кримінального процесуального права України / О.М. Дроздов/ Актуальні проблеми кримінального права, процесу та криміналістики – Одеса. Фенікс. 2010. – С. 124-127.

20. Капліна О.В. Кримінальний процес України: підручник / О.В. Капліна, Ю.М. Грошевой, О.В. Шило. – Х. Юрид. університет. 2013. – 820с.
21. Ковтун Н. Н. Судебный контроль в уголовном судопроизводстве России / Н. Н. Ковтун. – Нижний Новгород, 2002. – 332 с.
22. Міхеєнко М. М. Проблеми розвитку кримінального процесу в Україні : Вибрані твори / М.М. Міхеєнко. – К. : Юрінком Інтер, 1999. – 240с.
23. Назаров В. В. Конституційні права людини та їх обмеження у кримінальному процесі України / В. В. Назаров. -Харків.: Золота миля, 2009.400 с.
24. Попелюшко В.О. Функція захисту в кримінальному судочинстві України: правові, теоретичні та прикладні проблеми / В.О. Попелюшко. Автореф. дис. докт. юрид. наук. 12.00.09. – Нац. Ун-т Острозька академія. – Київ. 2009. -38с.
25. Стахівський С. М. Слідчі дії як основні засоби збирання доказів / С. М. Стахівський. – Київ : Атака, 2009. – 64 с.
26. Старатонов В. М. Криміналістична теорія пізнавальної діяльності / В. М. Стратонов. – Херсон : Вид-во Херсонського державного університету. 2009. – 440 с.
27. Тertiшник В. М. Гарантії істини та захисту прав і свобод людини в кримінальному процесі / В. М. Тertiшник. – Дніпро : Юрид. академія МВС України. 2002. – 429с.
28. Удалова Л.Д. Чинність кримінального процесуального закону / Л. Д. Удалова, С. І. Щериця. – Київ : КНТ, 2014. – 143 с.
29. Філін, Д.В. Функції суду в досудових стадіях кримінального процесу // Право України : юрид. журн. / засн. Нац. акад. прав. наук України, Ін-т держави і права ім. В.М. Корецького НАН України, НУ "Юрид. акад. ім. Ярослава Мудрого" та ін. – 2005. – №1 [Електронна версія]. – С.63-65.

Corresponding authors

Слинько Катерина Николаевна,
аспирант кафедри уголовного процесса,
криминалистики и судебной экспертизы
Харьковского национального университета внутренних дел
E-mail: katyavasilyeva7@mail.ru
УДК 343.121

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОТБОРА ПОЛИЦЕЙСКИХ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИЦИИ УКРАИНЫ

Вадим Барко, Владимир Остапович, Любовь Процык

PSYCHOLOGICAL AND LEGAL ASPECTS OF INCREASING THE EFFECTIVENESS OF THE PROFESSIONAL SELECTION OF POLICE OFFICERS NATIONAL POLICE OF UKRAINE

Vadym Barko, Vladimir Ostapovich, Lubov Protsyk

Статья посвящена проблематике поиска психологических и правовых возможностей оптимизации осуществления профессионального отбора персонала Национальной полиции Украины.

Ключевые слова: Национальная полиция Украина, полицейский, профессиональный психологический отбор, психологическая диагностика, профессиональная пригодность, психограмма.

The article is devoted to the problems of searching for psychological and legal opportunities to optimize the implementation of the professional selection of the National Police of Ukraine personnel.

Key words: National Police of Ukraine. Police officer. Professional psychological selection. Psychological diagnostics. Professional suitability. Psychogram.

Введение

Национальная полиция Украины (НПУ) – это новый государственный правоохранительный орган. В соответствии с Законом Украины «О Национальной полиции» от 2 июля 2015 г., целью её деятельности является реализация государственной политики в сфере защиты прав, свобод и законных интересов граждан Украины, иностранных граждан, лиц без гражданства; защита объектов права собственности; противодействие преступности; охрана общественного порядка и обеспечение общественной безопасности. Национальная полиция Украины

построена по образцу полиций ведущих западноевропейских стран; сотрудники украинской полиции выполняют служебные задачи в тесном взаимодействии с населением, на основе неукоснительного соблюдения законности, прав человека и гражданина (Закон Украины О Национальной полиции, 2015). Составной частью НПУ являются подразделения участковых офицеров и патрульной полиции, от которых ожидается существенное улучшение и повышение эффективности деятельности. Такое повышение должно основываться на подборе персонала с высоким уровнем профессиональной пригодности и психологической готовности к выполнению сложных служебных обязанностей. Зарубежные авторы отмечают, что профессиональная подготовка современного полицейского является затратным процессом (на трёхмесячное начальное обучение патрульного полицейского в США тратится более 100 тыс. долларов), поэтому ошибка при отборе кандидата дорого стоит обществу (Cochrane, Tett, Vandecreek, 2003). Действующая нормативная база деятельности НПУ предусматривает проведение комплексной процедуры профессионального отбора кандидатов. Психологическое тестирование является важной составляющей отбора. С целью диагностики общих способностей используются тесты уровня и структуры интеллекта, для определения характерологических особенностей – субъективные опросники. Тестирование личностных характеристик проводится с целью выявления черт, типов темперамента и характера, стиля поведения кандидата и пригодности к службе в условиях повышенного психологической нагрузки. Однако пока отсутствует теоретическое обоснование подбора психодиагностических методик отбора полицейских, не определён их перечень, отсутствуют научно обоснованные показатели профессиональной пригодности личности к полицейской деятельности.

В статье мы рассматриваем правовые и психологические особенности профессионального отбора полицейских, уделяя особое внимание повышению эффективности этапа психологического тестирования.

Материалы и методы

С целью изучения психологических особенностей служебной деятельности полицейских и их профессионально важных качеств в течение 2018 г. проведено экспериментальное исследование. В нем приняли участие 720 полицейских подразделений патрульной полиции и участковых офицеров из 20 областей Украины; 505 полицейских составляли мужчины, 215 – женщины. Возраст испытуемых колебался от 19 до 26 лет, специальные звания респондентов – рядовые, капралы и сержанты полиции. Стаж работы респондентов в полиции от 1 до 3 лет. В процессе исследования использовались методы наблюдения и включённого наблюдения за деятельностью полицейских, хронометража служебных действий, звуко- и видеозаписи, анкетирование, психологической диагностики, тестирования, интервьюирования, экспертной оценки, критических инцидентов, математической статистики. Пути совершенствования отбора в полицию определялись с учётом принципа *оптимизации*, что означает выбор наиболее подходящих к конкретным условиям методов и методик психологического отбора, позволяющих при минимальных затратах времени и ресурсов диагностировать главные составляющие профессиональной пригодности человека, прогнозировать успешность профессиональной деятельности. С оптимизацией тесно связан принцип *комплексности* профессионального отбора, означающий необходимость охвата диагностической процедурой основных профессионально важных качеств кандидатов. Комплексность требует взаимного дополнения результатов, полученных от использования различных методик. Такое взаимодополнение увеличит точность прогноза и позволит снизить вероятность ошибок отбора (Barrett, Miguel, Hurd, Lueke, Tan, 2003).

Для исследования выбраны достаточно надёжные и валидные психодиагностические методики, позволяющие осуществлять диагностику черт личности, а именно: 1) «Индивидуально-

типологический опросник», ИТО (Л. Собчик, украиноязычная адаптация В. Барко), содержит восемь шкал (1 – экстраверсия, 2 – спонтанность, 3 – агрессивность, 4 – ригидность, 5 – интроверсия, 6 – сенситивность, 7 – тревожность, 8 – лабильность); 2) *«Стандартизированный метод исследования личности», СМЛ* (Л. Собчик), включает десять основных шкал (1 – сверхконтроль, 2 – депрессивность, 3 – демонстративность, 4 – импульсивность, 5 – женственность, 6 – ригидность, 7 – тревожность, 8 – индивидуалистичность, 9 – оптимизм, 10 – социальная интроверсия); 3) *проективный тест «Портретные выборы»* (Л. Сонди) содержит восемь шкал влечений (1 – сексуальная недифференцированность, 2 – садизм, 3 – эпилептоидность, 4 – демонстративность, 5 – кататонические проявления, 6 – паранойяльные тенденции, 7 – депрессивность, 8 – маниакальность); 4) *Опросник Большой Пятёрки, ОБП* (О. Джон, Л. Науман и С. Сото, адаптация В. Барко) представленный пятью шкалами (1 – экстраверсия, 2 – уживчивость, 3 – добросовестность, 4 – нейротизм, 5 – открытость опыту); 5) *опросник «Диагностика межличностных отношений», ДМВ* (Т. Лири), дифференцирует восемь типов межличностных отношений (1 – властно-лидирующий, 2 – независимо-доминирующий, 3 – прямолинейно-агрессивный, 4 – недоверчиво-скептический, 5 – покорно-скромный, 6 – зависимо-послушный, 7 – конвенциональный, 8 – ответственно-великодушный). Основной методикой определения ведущих тенденций выбран опросник ИТО (Л. Собчик), со шкалами этого опросника проводилось сопоставление шкал других тестов. Опрос проводился на добровольных началах в групповой форме, использовались двуязычные (украинский и русскоязычный) варианты. Данный комплекс методик вписывается в модель индивидуальности, предполагающей диагностику трёх основных составляющих личности (по С. Рубинштейну): подсистемы конституциональных свойств, характерологических черт и способностей, высших социально-психологических личностных проявлений (направленности).

Результаты

Анализ опыта профессионального психологического отбора кадров украинской полиции показал, что в процессе изучения кандидатов внимание обращалось на незначительное количество личностных характеристик. Наши исследования показали, что существующие отечественные системы психодиагностики профпригодности полицейских характеризуются отсутствием чётких методологических ориентиров. Также недостаточно внимания уделялось использованию методов, которые позволяют оценить добросовестность, принципиальность, лояльность кандидата, коммуникативный потенциал, способности и т. п. В целях дальнейшей оптимизации и комплексности отбора персонала полицейских подразделений принципиально важно определить исходные методологические позиции. Психодиагностика профессиональной пригодности традиционно основана на представлении о свойствах (чертах), как относительно устойчивых характеристиках человека, мало меняющихся во времени и позволяющих прогнозировать его поведение (Р. Кэттелл). Математически сказанное можно представить формулой: $B = f(p, s)$,

Где: B – поведение, p – черта, s – ситуация.

Под чертой (*trait*), или качеством (*personal quality*), понимаем устойчивую описательную переменную, которая предопределяет поведение человека и формируется под влиянием организмического, индивидуального и личностного уровней. Формы поведения, которые соответствуют качествам (характеристикам), достаточно устойчивы и проявляются в различных ситуациях, определяет их трансситуативную стабильность. Подсистема конституциональных черт не является культурно и популяционно специфической, их психодиагностика позволяет прогнозировать поведение человека в широком классе ситуаций. Сторонники теории черт разработали несколько моделей личности, среди которых наиболее известны модели Г. Айзенка, Р. Кэттелла, Л. Собчик.

Теория Г. Айзенка построена по иерархическому принципу и включает описание трёхфакторной модели психодинамических свойств (экстраверсия-интроверсия, нейротизм-стабильность и психотизм), первые два фактора являются исходными, модель учёного является ортогональной, факторы независимы друг от друга. Модель личности Л. Собчик несколько отлична, базовыми ортогональными чертами здесь являются экстраверсия-интроверсия и нейротизм-агрессивность, они дополняются ортогональными факторами: ригидность-эмотивность и сенситивность-спонтанность. Теория Р. Кэттелла исходит из построения личностного профиля на основе черт, позволяющего прогнозировать поведение человека. В структуре личности он выделял исходные и поверхностные черты, по функциональному признаку выделял темпераментные, характерологические и динамические (Кулагин, 1984; Собчик, 2003).

Дальнейшие исследования индивидуальных различий, классификация их по категориям личностных качеств с использованием факторного анализа позволила исследователям выделить пять факторов, проявляющих стойкость в различных выборках и социокультурных условиях (П. Коста, Дж. Мак Кра (Paul Costa, Jeff McCrae). Полученная структура личности называется «Большая пятёрка» и состоит из следующих измерений (в скобках приводятся прилагательные, получившие наибольшие факторные нагрузки): 1) экстраверсия (коммуникабельный, энергичный, активный); 2) уступчивость (сенситивный, добросердечный, доверчивый, склонный к сотрудничеству, неконфликтный); 3) добросовестность (настойчивый, добросовестный, ответственный, дисциплинированный, организованный); 4) нейротизм (беспокойный, невротический, подавленный); 5) открытость опыту (интеллект, фантазия, независимость мышления, нестандартность). На основе пятифакторной модели личности разработаны личностные опросники NEO PI и NEO PI-R (П. Коста и Дж. Мак Кра). О. Джон, Л. Науман и С. Сото в 2008 году разработали свой вариант опросника – BFI «Big Five Inventory» («Опросник Большой пятёрки», адаптация В. Барко) (Барко, Кирієнко, Барко, 2017; John, Naumann, Soto, 2008).

В процессе исследования была выдвинута *гипотеза* о том, что все указанные теории могут объединяться в пределах общего методологического подхода на основе идей Г. Айзенка и Л. Собчик. Этот подход основывается на ортогональной модели личности и может быть назван «Концепция ведущих тенденций». Авторы статьи придерживались концепции, в которой определяющей типологической чертой является присутствие на всех уровнях личности эмоционально-динамического паттерна, проявляющегося одной или несколькими ведущими тенденциями. Ведущая тенденция представляет собой устойчивое качество личности, уходящее корнями к типу высшей нервной деятельности, конституционально заданным свойствам; далее – определяет индивидуальные свойства адаптационных механизмов, стиль мышления, межличностного поведения, силу потребностей и мотивации, тип реакции на стресс. Стойкая ведущая тенденция влияет на формирование более высоких уровней ориентации личности – социальной направленности, иерархии ценностей, сознательной мотивации, нравственных ориентиров. Интегративным центром этого конструкта является самосознание. В соответствии с этим, индивидуально-личностная типология при определении профессиональной пригодности личности к деятельности базируется на противопоставлении восьми контрастных свойств, являющихся ортогональными и соотносящимися с параметрами нервной системы: активированность-инактивированность, лабильность-инертность, динамичность возбуждения-динамичность торможения, сила-слабость (Мучински, 2004).

В целях проверки гипотезы проведено экспериментальное исследование, направленное на определение связи между базовыми шкалами некоторых личностных опросников в пределах ортогональной модели. Выявленные связи в целом подтвердили теоретические представления и выдвинутую гипотезу. Базовые шкалы ортогональной модели личности по ИТО коррелируют с соответствующими шкалами использованных в исследовании методик ($r = 0,39-0,65$; $p = 0,01$). Так, экстраверсия положительно коррелирует со шкалой 9 (оптимизм) опросника

СМИЛ, шкалой 8 (маниакальность) теста Л. Сонди, шкалой 1 (экстраверсия) ОБП, октантом 1 (властно-лидирующий) и 8 (ответственно-великодушный) опросника ДМО. Тревожность связана положительными коэффициентами корреляции со шкалой 7 (тревожность) опросника СМИЛ, шкалой 7 (депрессия) метода портретных выборов Л. Сонди, шкалой 4 (нейротизм) ОБП и октантом 6 (зависимый-послушный) опросника ДМО, отрицательно коррелирует со шкалой 2 (садизм) теста Л. Сонди. Ригидность положительно коррелирует со шкалами 6 (ригидность) и 8 (индивидуалистичность) по СМИЛ, шкалой 6 (паранояльность) теста Л. Сонди, шкалой 3 (добросовестность) ОБП и октантом 4 (недоверчиво-скептический) опросника ДМО.

Значимые корреляционные связи между шкалами опросников ИТО, СМИЛ и ДМО были ожидаемыми (исследование подтвердило результаты, ранее полученные Л. Собчик). Выявление статистически значимых корреляций между шкалами ИТО и ОБП (в частности между шкалами сенситивности и уживчивости (0,56), а также шкалами ригидности и добросовестности (0,57) позволяет сделать вывод о том, что использование ОБП подтвердило целесообразность применения теории ведущих тенденций и правильность выбранной концепции поиска психодиагностики профпригодности полицейских.

Установлено, что деятельность полицейских связана с высокой физической и психоэмоциональной напряженностью. Большинство испытуемых (78%) считает свой труд тяжёлым, степень сложности профессии выражается в таких показателях: ненормированный рабочий день; значительные нервно-психические перегрузки; плохое питание во время службы; ночные дежурства; необходимость принятия решений в короткие сроки; чрезмерное количество контактов с людьми, необходимость значительное время работать стоя и т. п.

Анализ профиля личности полицейского с помощью ИТО позволяет охарактеризовать его как линейный, расположенный в диапазоне 3-6 баллов, что свидетельствует о гармоничности личности, уравновешенность качеств. Вариабельность профилей незначительна ($\sigma=1,80-1,20$), что оказывает сбалансированность разнонаправленных тенденций. Усреднённый профиль содержит три подъёма: по шкалам: 1 (6,88 баллов), 8 (5,68 баллов), 2 (5,51 баллов). Полицейских можно охарактеризовать как людей со стеничным типом реагирования, высокой активностью и уровнем притязаний, контролируемостью эмоциональных реакций. Им присущи лидерство, способность к быстрому формированию навыков, стрессоустойчивость, тенденция к самореализации и противодействия влиянию среды. Исследование индивидуальных профилей позволило выделить три их типа: а) с ведущими шкалами 1 и 2 – характерные экстравертированность и спонтанность, такие полицейские хорошо взаимодействуют с населением, умеют общаться; б) с доминированием шкал 1 и 8 – такие полицейские имеют тенденцию к лидерству, упорны, прилежны, рациональны; в) с преобладанием шкал 2 и 6 – полицейским свойственна сбалансированность разнонаправленных тенденций, спонтанность, активность, высокий уровень притязаний, мотивация достижения. Использование опросника Леонгарда-Шмишека показало отсутствие акцентуаций характера и темперамента, в усреднённом профиле полицейских зафиксированы некоторые повышения по шкалам 5 (гипертимность) – 14,76; 1 (демонстративность) – 14,58; 2 (застывание) – 12,43. Показатели тревожности, возбудимости, дистимичности находятся в пределах нормы.

Полученные значимые коэффициенты корреляции подтверждают конструктивную валидность использованных в исследовании опросников, а также правильность подхода на основе теории ведущих тенденций в целях психологической диагностики личностных черт. Прослеживается взаимодополняемость комплекса методик, а также то, что ортогональная модель соответствует требованиям оптимальности.

Обсуждение

Исследование психологических особенностей деятельности полицейского с использованием предлагаемого комплекса методик показало, что профессия предъявляет повышенные требования к сенсорно-перцептивной сфере полицейского. Он должен иметь высокую чувствительность анализаторов, развитый вестибулярный аппарат; хорошо ориентироваться в пространстве и времени; владеть развитыми познавательными процессами. Специалисту присущи качества *внимания* – устойчивость, концентрация, переключение, распределение и объем; способность замечать изменения. Он должен иметь хорошую оперативную и долговременную *память*; хорошие показатели зрительной, слуховой, двигательной словесно-логической и образной памяти. Высокие требования предъявляются к качествам *мышления*: нужно иметь высокую скорость, гибкость и оригинальность мышления. Профессиональная деятельность предъявляет повышенные требования к уровню *психомоторных свойств* полицейского. Ему необходима высокая скорость простой реакции и реакции на движущийся объект; достаточная точность и координация движений. Он должен обладать значительным словарным запасом, чётким произношением, способностью точно и лаконично выразить мысль.

Обобщение содержания и характера деятельности полицейских позволяет определить *основные её характеристики*. К ним относятся: широкий спектр задач профессиональной деятельности; высокая ответственность за принятие решений; властные полномочия; высокая интенсивность профессиональных взаимодействий; значительные пространственные перемещения. Профессиональную деятельность сопровождает ряд *негативных факторов*: значительные физические и психические нагрузки, необходимость координации различных по содержанию видов деятельности; нарушения регламентированного режима труда и отдыха; нарушение режима питания; частые стрессовые и конфликтные ситуации; необходимость профессиональных контактов с опасной и социально запущенной категории правонарушителей, враждебное отношение к себе, риск заражения опасными заболеваниями. Таким образом, профессия предъявляет определённые требования к мотивационной сферы, общим и специальным профессиональным способностям и характерологическим особенностям полицейских.

Как отмечалось, авторский подход к определению психологических параметров профессионального отбора полицейских основывался на идее С. Рубинштейна о том, что личность определяется через триединство: чего человек хочет (направленность), что он может (способности) и что он представляет собой на самом деле (характер). Эти модальности образуют динамическое целое: в жизнедеятельности человек проявляет свою направленность, реализует способности и формирует характер. Направленность определяется использованием опросников структуры мотивации; общие способности диагностируются тестами вербального и невербального интеллекта, креативности; специальные – тестами определения особенностей типа высшей нервной деятельности, психомоторики, познавательных процессов; характерологические особенности – субъективными опросниками акцентуаций характера и темперамента, типологических особенностей личности и типа межличностного взаимодействия.

Заключение

Концептуальную схему оптимальной психологической диагностики и прогнозирования эффективности деятельности персонала полиции целесообразно строить на концепции ведущих тенденций; учитывать необходимость определения фундаментальных типологических особенностей человека. Психологические методики диагностики профпригодности полицейских должны взаимно дополняться; к ним целесообразно отнести: характерологические опросники – индивидуально-типологический опросник

ИТО (Л. Собчик, адаптация В. Барко), опросник диагностики межличностных отношений ДМВ (Т. Лири), опросник большой пятёрки ОБП (О. Джон, Л. Науман и С. Сото, адаптация В. Барко); тесты изучения общих способностей – уровня и структуры интеллекта Р. Амтхауэра, дивергентного мышления Дж. Гилфорда; тесты направленности личности – опросник самоактуализации Джонса-Крэндалла, опросник структуры мотивации Ричи-Мартина, метод портретных выборов (МПВ, Л. Сонди). Исследование подтвердило, что успешное овладение профессией полицейского в значительной мере зависят от степени сформированности главных профессионально важных качеств: 1) средний и выше среднего уровень общих способностей; 2) высокий или средний уровень коммуникативных способностей; 3) средне-сильный тип нервной системы, высокий или средний уровень лабильности; 4) высокий уровень развития специальных способностей; 5) сформированность характерологических черт (спонтанность, смелость, экстравертированность, добросовестность, уверенность, оптимизм, открытость опыту, самоконтроль); 6) средний или высокий уровень самоактуализации; 7) сформированность эмоционально-волевых качеств (способность преодолевать трудности, брать на себя ответственность, эмоциональная устойчивость); 8) достаточный уровень развития познавательных процессов и психомоторных свойств; 9) достаточная чувствительность анализаторов. Установлены психологические и психофизиологические противопоказания к овладению профессиональной деятельностью (критерии профессиональной непригодности): слабый тип нервной системы; низкий уровень её лабильности; недостаточная скорость реакции; недостаточный уровень распределения и скорости переключения внимания; недостаточный уровень адаптивных резервов организма; низкий уровень интеллектуального потенциала; низкий уровень развития специальных и коммуникативных способностей; неблагоприятные для деятельности акцентуации характера; низкий уровень самоактуализации и мотивации достижения; неблагоприятные характерологические черты. Рекомендуются перечень психодиагностических методик для проведения психологического отбора лиц в полицию, а также перечень показателей психологической пригодности к службе целесообразно отразить в нормативных документах Министерства внутренних дел Украины, в частности, внести соответствующие изменения в «Типовой порядок проведения конкурса на службу в полицию и/или занятие вакантной должности», который утверждается соответствующим приказом Национальной полиции Украины. В дальнейшем представляется целесообразным изучить возможности использования с целью психологического отбора полицейских современных методик диагностики эмоционального интеллекта, методик диагностики толерантности к неопределённости и проективных методик, в частности, теста Г. Роршаха.

Литература

1. ПРО НАЦІОНАЛЬНУ ПОЛІЦІЮ: ЗАКОН УКРАЇНИ від 10.12.2015 № 889-VIII // Відомості Верховної Ради України. 2015. № 40–41 (від 09.10.2015). СТ. 379. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/580-19>
2. COCHRANE R. E., TETT R., L. VANDECREEK. *Psychological Testing and the Selection of Police Officers A National Survey*. Criminal Justice and Behavior, 30(5):511-537 October 2003. <https://www.researchgate.net/publication/247743668>
3. GERALD V. BARRETT, ROSANNA F. MIGUEL, JENNIFER M. HURD, SARAH B. LUEKE AND JAMES A. TAN. *Practical Issues in the Use of Personality Tests in Police Selection*. Public Personnel Management Volume 32 No. 4 Winter 2003. DOI: <https://doi.org/10.1177/009102600303200403>.
4. КУЛАГИН Б. В. *Основы профессиональной психодиагностики* / Б. В. Кулагин. – Львов : Медицина, 1984. – 216 с.

5. СОБЧИК Л. Н. *Психология индивидуальности. Теория и практика психодиагностики* / Л. Н. Собчик. – СПб. : Речь, 2003. – 624 с.
6. БАРКО В. І., КИРІЄНКО Л. А., БАРКО В. В. *Професійний психологічний відбір на службу до поліції з використанням адаптованого індивідуально-типологічного опитувальника* // В. І. Барко, Л. А. Кирієнко, В. В. Барко. – Право і безпека. Харків: ХНУВС, 2017. № 3 (66). – С. 125–132.
7. JOHN O. P., NAUMANN L. P., SOTO C. J. *Paradigm Shift to the Integrative Big-Five Trait Taxonomy: History, Measurement, and Conceptual Issues* // O. P. John, R. W. Robins, L. A. Pervin (Eds.). *Handbook of personality: Theory and research*. New York: Guilford Press, 2008. – P. 114–158.
8. МУЧИНСКИ П. *Психология, профессия, карьера* / П. Мучински. : учеб. пособие. 7-е изд. СПб. : Питер, 2004. – 539 с.

Corresponding authors

Барко Вадим,
доктор психологических наук,
профессор, главный научный сотрудник
Государственный Научно-исследовательский институт
Министерства внутренних дел
ул. Евгения Гуцало, 4А
01011, Киев, Украина
E-mail: barkoua@ukr.net

Остапович Владимир,
кандидат юридических наук,
заведующий научно-исследовательской лаборатории
психологического обеспечения
Государственный Научно-исследовательский институт
Министерства внутренних дел
Киев, Украина

Процык Любовь Сергеевна,
кандидат психологических наук,
научный сотрудник
Государственный Научно-исследовательский институт
Министерства внутренних дел
Киев, Украина

ВАЛЬДОРФСКАЯ ПЕДАГОГИКА В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ УКРАИНЫ

Надежда Дудник

Александра Свйонтык

WALDORF PEDAGOGY IN UKRAINE'S EDUCATION SYSTEM

Dudnik Nadezhda, Sviontyk Alexandra

Рассмотрены теоретические основы организации образования за альтернативными программами, которые выполняют условия общеобразовательных задач посредством применения авторской технологии. Выделен принцип гуманистического подхода воспитания учащихся в условиях современной системы образования, который выполняет одну из основных задач гармонического развития личности.

Определено преимущества психологического развития ребенка в условиях вальдорфской системы образования. Проанализировано основные идеи вальдорфской педагогики, ее особенности в философском восприятии процесса развития личности в период школьного образования. Очерчены основные задачи образования, которые успешно реализуют педагоги вальдорфских школ в Украине, особенности организации педагогического взаимодействия, которое акцентируют деятельность педагогов, учеников и их родителей на создании позитивной психологической атмосферы в школе.

Ключевые слова: вальдорфская педагогика, альтернативная педагогическая технология, личностное развитие ребенка, гуманистическое воспитание.

The theoretical foundations of the organization of education for alternative programs that fulfill the conditions of general educational tasks through the use of copyright technology are considered. The principle of a humanistic approach to educating students in the conditions of the modern education system, which fulfills one of the main tasks of the harmonious development of personality, is highlighted.

The advantages of the child's psychological development in the context of the Waldorf education system are determined. The main ideas of Waldorf pedagogy, its features in the philosophical perception of the process of personality development during school education are analyzed. The main objectives of education, which are successfully implemented by pedagogues of Waldorf schools in Ukraine, the features of the organization of pedagogical interaction, which focuses the activities of pedagogues, pupils and their parents on creating a positive psychological atmosphere in the school, are outlined.

Key words: Waldorf pedagogy, alternative pedagogical technology, personal development of a child, humanistic education.

Введение

Современная система украинского образования, реализующая реформу «Новой украинской школы», имеет целью определить «четкие приоритеты воспитания ребенка для формирования компетенций, которые помогут состояться в жизни как личности высоконравственной, профессионально успешной, здоровой, счастливой, владеющей качествами гражданской сознательности» [5]. Обозначенные задачи приобрели актуальность в связи с необходимостью изменения акцентов с управленческого характера на общественно сознательный, личностно ответственный в организации образовательного процесса. Цель передачи знаний человечества приобретает характер второстепенной задачи, выдвигая на первое место развитие личности относительно ее возможностей и потребностей. Возрастные особенности психического развития ребенка определяют способы активизации критического мышления, умения принять самостоятельное решение проблемы, поэтому ценность знаний определяется как инструмент для развития умений и навыков применения знаний на практике. Главная задача образования – воспитание гармоничной личности, которая способна создавать духовные, материальные блага человечества, определяет условия образовательного процесса с целью взаимодействия между всеми его участниками: педагогами, воспитанниками и их родителями. Положительные условия жизнедеятельности ребенка способствуют развитию психо-эмоциональных способностей.

Проблемы современного образования, когда общественные потребности не могут полноценно реализоваться в традиционной школе, одним из способов решения является использование опыта организации деятельности альтернативных педагогических систем, в условиях организации которых личностное развитие ребенка выносится на первый план, а пути реализации образовательных задач имеют особую философию и алгоритм действий, учитывают психологические особенности развития личности в коллективе и потребности индивида как субъекта. Так, педагогика Марии Монтессори выносит идеи развития самостоятельности в процессе индивидуального развития в способах познания мира ребенком посредством сенсорного воспитания, а деятельность педагога приобретает характер наблюдателя и помощника ребенка в случае необходимости и его обращения за помощью; специально созданная развивающая среда, где оборудование и дидактические материалы провоцируют ребенка к развитию является одним из условий школьной организации обучения. Технология раннего развития ребенка Глена Домана, которая пользуется популярностью в современном домашнем образовании, акцентирует внимание на правильном алгоритме применения педагогического воздействия на подсознание ребенка через презентацию знаний человечества, которые собраны в специальных блоках; методика демонстрации картинок предполагает визуализацию знания и их запоминание на подсознательном уровне в период раннего умственного развития ребенка. Вальдорфская педагогика в системе воспитания и обучения выделяет приоритеты интересов ребенка, учитывает возможности психологического, интеллектуального, творческого развития в индивидуальном темпе, определяет эстетическое развитие и познание мира через сенсорное восприятие, а культурные ценности народа становятся базовыми в способах формирования знаний и выработке социального опыта взаимодействий, нравственного развития.

Результаты обсуждения

Анализируя особенности использования вальдорфской педагогики европейскими школами в течении столетия, утверждаем, что данная система образования является альтернативной и удовлетворяет запросы воспитанников и их родителей в запросе на создание условий, которые регулируют преимущества коллективной и индивидуальной форм работы учащихся, качественно способствуют познавательному процессу образования, творческому развитию ребенка, полученные знания становятся личностным открытием и мотивируют учеников к дальнейшим исследованиям. Активность сотрудничества педагогов, родителей и учащихся имеет высокую частотность, а качественные показатели характеризуется высокой степенью взаиморазвития.

К вопросам изучения философских основ вальдорфской педагогики, которую разработал и успешно внедрил в практику австрийский педагог Рудольф Штайнер, обращались современные ученые: А. ИONOVA [3], Ф. Карлгрен [4], Э. Краних, Н. Мальцева, А. Осипов, В. Халамендик и др., характеристикой методики использования в практике посвящены работы Т. Бородулькиной, Д. Брюн, А. Лихтхарт [2], А. Гончаренко, Е. Мезенцевой, Н. Дятленко [6], С. Гозак, В. Загвоздкин и др. Психологическому анализу гармонизации педагогических воздействий с позиций антропологии Р. Штайнера посвящены труды В. Новосельский, А. Передерий, А. Удод, Э. Урбшайт и др.

Истории становления вальдорфской педагогики предшествовали экономические и политические изменения социального устройства в начале XX века в Европе, когда кризис общественных отношений обусловили изменения в образовании, особенно в отношении к ребенку не как к объекту, а как к субъекту в процессе образования: схоластическая система обучения не удовлетворяла экономический прогресс развития человечества и поиск альтернативных педагогических технологий и создание экспериментальных площадок для апробации образовательных практик стала требованием прогрессивного социального развития.

Актуальной становится проблема индивидуализации процесса образования, а принципы гуманизма становятся исходной позицией в построении отношений между его участниками, удовлетворение возрастных потребностей ребенка в развитии самостоятельности и создание специальных условий, которые учитывают особенностей психологического развития каждого становятся предметом исследований.

Педагогическая практика конца XIX в. была сосредоточена на логически-формальном обучении и процесс обучения носил характер подражательный, что способствовало развитию таких качеств личности, как исполнительность, послушание, стремление к точному выполнению социальных ролей в общественной деятельности. Обучение предусматривало лекционно-повествовательные формы, а способ воспроизведения знаний доминировал над поисковым, исследовательским обучением, решение задач имело характер программных схем. А проявление творчества имело дифференцированный характер на определенных предметах, которые регламентировались. Не предусматривалось развитие критического самостоятельного мышления, что ограничивало самобытность и свободу учащихся, затрудняло активность в познании и открытии нового. Эмоциональная атмосфера при таких методах и формах образовательной практики не способствовала формированию внутренней мотивации и расположению к поощрению развития творчества, чтобы изменять мир к лучшему, нести личную ответственность за прогрессивное продвижение человечества.

Такие принципы в педагогическом образовании, когда психологические возможности и индивидуальные способности ребенка становятся целью образовательного взаимодействия. Способы развития познавательных интересов учитывают активизацию эмоциональной сферы ребенка, педагоги распознают сенситивные периоды развития у детей их способностей к изучению языков, математики, социальных навыков. Теория свободного воспитания в связи с повышением интереса педагогической общественности к проблемам гуманизации образования имела отражение в исследованиях А. Адлера, Э. Кей, Б. Бим-Бада, Дж. Боуэна, С. Гессена, Л. Гурлитта, К. Роджерса, М. Монтессори, Ф. Фребеля, Р. Штайнера и др.

Теоретические основы педагогики, когда в центре внимания находятся возможности и интересы ребенка, имели поиски в философских изысканиях педагога-гуманиста Ж.-Ж. Руссо «Эмиль, или О воспитании» еще в XVIII в., в частности, воспитание предусматривало принцип природосообразности, когда получение опыта и способа социальных отношений происходит через наблюдение за природой, самостоятельное ее исследования для выработки собственных оценочных суждений. Роль наставников автор видит не в руководящей функции, а как созерцателей, которые создают условия для самопознания мира ребенком: «Ухаживайте, поливайте ростки растения (Ребенка), пока они не расцвели, чтобы плоды творений стали прекрасными».

Авангардная исследовательница мира детства Е. Кей в работе «Век ребенка» отмечает необходимость применения принципов индивидуализации в процессе развития личности в семье и социуме, предсказывая, что XX век станет веком ребенка. Идеями центрации внимания на проблемах детства наполненные труды педагогов-новаторов Дж. Дьюи, С. Френе, Ж.-О. Декроли, Р. Штайнера, Х. Ланге, Я. Корчака и др. Так, украинский педагог Я. Чепига, анализируя педагогические попытки внедрения Л. Толстым в Ясной Поляне новаторства свободного воспитания, пишет: «Возникает большое движение в образовании и воспитании ребенка. Ребенок перед школой начинает оживать, это уже не бездушный манекен и не воск, из которого можно лепит, что тебе захочется, а индивидуальное самостоятельное существо» [2, с. 90].

Осознание необходимости реформирования системы образования предусматривают обновление профессиональной подготовки педагога, содержания, форм, способов, которыми должны овладеть воспитатели, не исключая важности предметных компетенций и личностной ответственности в профессиональной деятельности. В XX в. спектр педагогических заказов в обществе становится чрезвычайно широким – от высокоэффективного обучения, раннего интеллектуального развития в эмоционально способствующей среде, которая направлена на поступательное индивидуальное развитие в соответствии с возможностями ребенка. Такой общественный запрос на альтернативные образовательные системы способствует возникновению новых педагогических технологий, которые имеют содержание личностно ориентированных.

Развитие системы и содержания обучения в процессе реформирования во второй половине XX в. происходит в контексте запроса на образовательную стратегию, тенденциями которой являются:

- массовый характер образования, обеспечение условий преемственности;
- для удовлетворения потребностей общества в предметно ориентированные, личностно ориентированные технологии способствовать научным и практическим поискам в выработке вариативных учебно-воспитательных программ на всех ступенях образования;
- содействию сотрудничеству обществу, воспитанников и родителей в выработке стратегии интеллектуального, нравственного, социального, индивидуального, внутренне мотивированного развития личности ребенка (ученика);
- ориентация на создание благоприятных условий в самостоятельном освоении ребенком знаний человечества, активизация способов познавательной деятельности;
- адаптация образовательного процесса к запросам и потребностям личности, создание условий для реализации альтернативных педагогических технологий.

Запрос родителей воспитанников на альтернативные способы получения образования, дискуссионные вопросы о целесообразности применения государственных стандартов как учебных образовательных требований, способах реализации принципов личностно ориентированного подхода в процессе организации образования, предоставление права ребенку творчески и вариативно интерпретировать знания человечества, создавать и развивать собственные идеи, реализовывать самостоятельные образовательные проекты, обеспечивать развитие индивидуального потенциала ребенка в течение периода получения образовательных услуг в процессе социального и нравственного роста, предшествовал реализации в Украине в начале нашего столетия вальдорфской педагогики. Вальдорфские школы получили официальный статус с 2001г., так как вошли в эксперимент всеукраинского уровня «Развитие вальдорфской педагогики в Украине». Министерством образования с 2015 года рекомендовано к внедрению в общеобразовательных учебных заведениях Украины образовательную программу «Вальдорфская педагогика» для учащихся 1–11 классов. Учитывая требования к образовательному процессу относительно государственных стандартов, вальдорфская школа реализует главный принцип своей педагогики – личностно ориентированное поступательное интеллектуальное развитие

способностей учащихся, обеспечение условий для формирования культурологической, эмоциональной сфер, создание условий для воспитания волевых черт характера учащихся.

Основателем и духовным лидером вальдорфской педагогики как технологии является Рудольф Штайнер (1861–1925) – австрийский доктор философии, педагог, литературовед, исследователь творчества Гете, основатель антропософии (научное учение о развитии ребенка до предела «совершенству», где основы субъективного идеализма как личные стремления творить добрые дела гармонируют с объективными ценностями человечества о социальной значимости индивида в истории развития человечества, а также вера в идеалистическую цель существования человека как носителя духа высшей нематериальной субстанции).

В отличие от традиционной системы, когда передача знаний человечества доминирует в основных задачах образования, вальдорфские школы знания использовали как инструмент в процессе выработки учений, навыков, опыта через интерпретацию и практическое исследование знаний человечества с учетом задатков каждой личности и методов исследования на практике основных научных правил и открытий, центрируя внимание на изучении эстетических наук (музыка, изобразительное искусство, пение, танцы, ремесло, знание особенностей культуры своего народа и изучение великих открытий представителями других народов). Перед педагогами Р. Штайнер ставит задачу создать условия для социальных изменений и способов воздействия на развивающуюся личность, когда наставник демонстрирует не руководящую роль, а становится соискателем истины, вместе с детьми посредством восприятия культурных ценностей приходит к собственным уяснениям сути истины. Поэтому, «если хотите повлиять на будущее, невозможно довольствоваться поверхностными знаниями о мире – нужно исследовать его глубины» и процесс образования должен иметь не схоластический характер, а исследовательский, созидательный, потому что «только поддержка индивидуальных задатков, заложенных в каждом конкретном человеке, может рассматриваться как образовательная цель, а не мировоззренческие установки религиозных институтов или общественных устоев авторитарных государств»

Сущность человека Р. Штайнер условно делил на четыре измерения: физическое тело (самостоятельное существование тела человека в пространстве), эфирное тело (сенсорные ощущения), астральное тело (нравственность, суждения) и «Я»-тело (философия собственного бытия и ощущение своей значимости в изменении мира), которые имеют трактовку доминирующего развития в определенные периоды становления человека. Такие периоды автор выделил проявлениями физического роста: от рождения до периода смены зубов (0–7 лет), когда любовь, речевое воспитание, создание условий для восприятия мира через музыку, танцы, эстетические предметы имеют подражательное обучение; период развития характера, творчества (7–14 лет), когда у ребенка на сознательном уровне происходит формирование образов через чтение воспитательной и познавательной литературы, исследование содержания аллегорических, обучающих текстов, поэтому педагоги, сопровождающие ребенка, должны обладать моральными ценностями и демонстрировать их в своей жизнедеятельности; период формирования мировоззрения (14–18 лет), когда формируются самостоятельные суждения философии бытия человека и проецируется собственная общественно полезная деятельность, развиваются способности презентации себя как субъекта созидательного труда.

Педагогическое общество праздновало столетний юбилей вальдорфской педагогики (25-26 ноября 2019), объединивший на Международном форуме в Киеве ученых Национальной академии педагогических наук Украины, педагогов-практиков Ассоциации вальдорфских инициатив в Украине, ведущих специалистов Ассоциации вальдорфской педагогики Восточной Европы .

Так как все антропософские школы учреждались на основе родительской или учительской инициативы и отражали потребность общества в воспитании и обучении детей на основе гуманной педагогики, все вальдорфские школы являются альтернативными к системе государственного образования, потому что имеют собственную философию развития ребенка, используют авторские методы организации процесса образования.

Заклучение

Гуманистическая педагогика имеет воплощение в модели вальдорфской школы, дает широкое пространство для реализации позиции ребенка в процессе обучения и воспитания. В контексте гуманистической образовательной парадигмы позиция педагога, который становится соратником и спутником ребенка на пути саморазвития и познания, занимая позицию сооткрывателя, соисследователя в образовательном процессе способствует взаимообучению и взаиморазвитию всех участников образования. От мастерства воспитателя в поощрении к самостоятельным поискам учеников и умении нести моральные ценности зависит качество организации саморазвития воспитанника, формирование личностных качеств детей в процессе развития, воспитание таких качеств, как ответственность, гражданская активность, честность, желание изменять мир к лучшему становится приоритетом.

Литература

1. Березовская Л. Д. Чепига (Зеленкевич) Яков Феофанович // Украинская педагогика в лицах: учеб. пособие. в 2 кн. / под ред. А. В. Сухомлинского. Киев: Лыбидь, 2005. кн. 2. С. 89–100.
2. Брюн Д., Лихтхарт А. Живопись в образовании. Опыт вальдорфской школы / Пер. с англ. Е. Мезенцевой, Г. Волковой. Киев: Наир, 2006. 200 с.
3. Ионова Е.Н. Вальдорфская педагогика: теоретико-методологические аспекты. Харьков: Бизнес-Информ, 1997. 300 с
4. Карлгрен Ф. Воспитание к свободе. Москва: Парсифаль, 1995. 272.
5. Програма «Новая украинская школа» в развитии ценностей / <https://ipv.org.ua/prohramanova-ukrainska-shkola>
6. Стежина: комплексна альтернативна освітня програма для дошкільних навчальних закладів, що працюють за вальдорфською педагогікою/ А.М. Гончаренко, Н.М. Дятленко. Київ: ТОВ «Інтерсервіс», 2014. 220 с.
7. Удод В. С любовью и уважением к дитиниства // Вальдорфская педагогика в Украине. С уважением ребенка / Сборник статей. Киев: Изд-во «НАИРИ», 2009. 168 с.

Corresponding authors

*Дудник Надежда Зиновьевна,
кандидат педагогических наук,
доцент кафедры общей педагогики и дошкольного
образования Дрогобычского государственного
педагогического университета имени Ивана Франко;*

*Свйонтык Александра Александровна,
кандидат педагогических наук, старший преподаватель
кафедры общей педагогики и дошкольного образования Дрогобычского государственного
педагогического университета имени Ивана Франко.*